

ШЕДЕВРЕМ
ГОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНТОН Сайков

Пепел Юга

«Автор»

2026

Сайков А.

Пепел Юга / А. Сайков — «Автор», 2026

Сэдрик потерял всё: дом, семью, наставника. Война превратила его мечты в пепел. Теперь он беглец в мире, где магия — это проклятие, а власть измеряется способностью подчинять чужую волю. Империя Ашаверов не прощает. Лорды плетут интриги. Древние тайны пробуждаются. Тёмное фэнтези о выживании, предательстве и надежде, которая рождается даже на пепелище. Без героев. Без пощады.

© Сайков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	52
Глава 16	55
Глава 17	58
Глава 18	61
Глава 19	64
Глава 20	67
Глава 21	70
Глава 22	73
Глава 23	77

Антон Сайков

Пепел Юга

Глава 1

Проливался тяжёлый и тёплый весенний дождь. Небо затянуло чернотой — слишком чёрной для этого времени дня. Улицы жили непривычно активно: городская стража заполонила стены, а главные дороги к воротам были забиты телегами и людьми. В этот чёрный день даже крысы боялись высовываться из нор. Вместе с дождём пришёл запах — вонь горелой плоти, густая и липкая. В этом смраде, казалось, слышались отголоски криков, словно ветер доносил обрывки далёкой битвы. Город накрывало мраком и страхом. Ворота заперли на засовы, и стража, угрюмая и бледная, не отвечала на вопросы горожан, лишь отводила глаза. Только к вечеру на главной площади собрались все: ремесленники, купцы с восточных караванов, паломники в пропылённых рясах, матери с детьми на руках. Среди толпы стоял и рыцарь Альберт Младший — единственный наследник лорда Альберта Старшего из Династии Альбертов. Династия их была невелика, но стара. Их герб — Сторожевая Башня над серебряной рекой — отражал всю суть их служения. Никто не мог пройти в столицу южан, Камменград, минуя их взор. Кроме небольшого замка да великой башни у брода, у них ничего не было. Ни золотых копей, ни тучных виноградников. Лишь старый камень, старый долг и рыцарская сила, отличавшая их от прочих изнеженных южных династий. Странная тишина стояла над площадью, нарушаемая лишь шипением дождя о горячие камни мостовой да редким плачем ребёнка, которого тут же укачивала мать. Все прислушивались к звукам из-за стен. Но оттуда не доносилось ничего, кроме далёкого, едва уловимого гула — словно сама земля стонала где-то за горизонтом. Наместник города Реш вышел на площадь. Его лицо говорило само за себя. — Вчера мы узнали, что все наши деревни уничтожены. Династия Тавлингов полностью разбита, их армия уничтожена. — Неуверенность дрожала в грубом голосе, трясущиеся губы и растерянные глаза смотрели в пол. — Война. Война за нашими стенами. Буря, которую несут с континента, уже здесь. Женщины и дети, больные старики будут отправлены через секретные тропы из города в сопровождении моей личной охраны. Остальные — молодые и пожилые, и все, кто желает помочь, — присоединятся к защите города. — Он заикался, но закончил. Молодой парень по имени Сэдрик, стоявший в толпе, из всего сказанного наместником услышал только два слова: «разрушены деревни» и «война». Он оказался в городе случайно — его привела сюда дружба с сыном наместника и ещё двумя молодыми людьми, чьи отцы состояли на службе. Познакомились они за пределами городских стен: семья Сэдрика занималась сложной стиркой и коженными работами — делали ремни и сапоги. С малых лет он разносил заказы, так и встретил ребят выше себя по статусу, но близких по духу. Мечты его были просты: покинуть дом, стать кем-то, сделать что-то важное. Сейчас руки его тряслись, а из глаз тёк солёный дождь. Он кусал губы, прокусывая их до крови. — Что же теперь стало с моими родителями? — проговорил он робко. За его спиной стоял рыцарь, сир Альберт Младший, заметивший, как парень трясётся и переживает. Он уже потянул тяжёлую ладонь к его плечу — простое, человеческое движение, которое на войне значит больше сотни молитв, — но не успел. Из толпы вырвались двое — Орвин и Гаррет. Один обхватил Сэдрика за шею, повиснув всем весом, второй схватил за руку чуть выше локтя. — Эй, Сэдрик! Война! Война! Ты слышал? — выкрикнул Гаррет, и в его голосе звенело нездоровое, мальчишеское возбуждение, какое бывает у тех, кто никогда не видел настоящей войны. Орвин молча глядел в глаза Сэдрика, видя всю его тоску о родителях и страх, в котором они вместе утопали. Гаррет, ковыряя в носу левой рукой, проговорил: — Отец велел мне и Орвину явиться после слов наместника в арсенал. Там нас ждёт

лучшее снаряжение, мы ведь не просто так всю жизнь тренировались, а, Орвин? — Рот его улыбался наполовину, глаза сверкали. — Дурак, — тихо, но уверенно проговорил Орвин. — Ты разве не видишь? Сэдрик плачет. Его семья погибла там! А ты как маленькая сучка радуешься фиолетовым цветочкам. — Он сжимал и прижимал Сэдрика левой рукой к себе, а правая его рука сжималась в кулак. Слышно было, как кожаный переплёт на предплечье скрипит, щёки натужились, брови нахмурились. Гаррет вытащил палец из носа и набычился. — Чего ты сказал? Какие цветочки? Я про арсенал говорю! Про оружие! Про — Заткнись, — оборвал его Орвин, не повышая голоса, но так, что Гаррет осёкся на полуслове. — Вы не видели Таллена? — прошептал трясущимся голосом Сэдрик. — Нет, брат. Наверное, он с женщинами и детьми покидает город. Он ведь сын наместника, отец не позволит ему остаться тут, чему я рад. — Орвин отвернулся от друзей, поднял голову к небу, по которому всё ещё ползли чёрные тучи, роняя редкие тёплые капли. — Сегодня мы умрём? В грязи, но зато в родных стенах, не увидев другой жизни. — Шевелите булками, ублюдки! — проорал кто-то из глубины очереди. — Я ещё хочу успеть перепихнуться с женой, прежде чем меня проткнут! — С твоей женой уже весь город перепихнулся, пока ты в очереди стоишь! — отозвался другой голос, и толпа загоготала. Так и ожил город — движение, суета, громкие крики разнеслись по всем улицам. Сир Альберт, стоявший всё это время за спиной мальчиков, слушал и наблюдал за их драмой — за смятением чувств, где смешались доблесть и сила, страх и рассудительность, перетекающая в мудрость. Эти ребята вдохновили его. Он уверенно шагнул ближе, положил левую руку на плечо Сэдрика, а правой коснулся спины Орвина. Взгляд его заострился на Гаррете. — Эта вонь не из твоих портков? Думаешь, знаешь, что такое война? Думаешь, воины континента сразятся с тобой как с рыцарем? Оглянувшись, все трое уставились на левое плечо сира, где был вышит герб Династии Альбертов. Династия хоть и мала, но среди южан её знали все. — Прошу меня простить, мой друг Гаррет иногда не в себе. Могу ли я узнать ваше имя, сир? — вежливо и неторопливо спросил Орвин, закинув правую руку за голову. — Моё имя Альберт. Я сир Альберт Младший из Династии Альбертов, кузнецов благородных рыцарей. На мгновение повисла тишина. Толпа вокруг будто притихла, хотя на самом деле гомон очереди просто сместился дальше, а здесь, вокруг четвёрки, воздух стал плотнее. Гаррет, на которого так зорко смотрел сир Альберт, даже не понял, что к нему обратились. — Может, забежим в «Сиплую Лошадь», выпьем по кружке пива, может, по две, — посмеялся Гаррет. — А потом нужно в арсенал, отец, наверное, уже заждался. — Почесав козлиную бородку и понюхав руку, которой минуту назад чесал зад, он молча пошёл в сторону таверны. — Эй! Гаррет! — окрикнул его Орвин. Сир Альберт перебил: — Пусть идёт. Кажется, у него стресс, и он сейчас не совсем в сознании. Орвин проводил взглядом удаляющуюся спину Гаррета, который уже вразвалочку шагал к «Сиплой Лошади», и вздохнул. — Он всегда такой. Когда нервничает, прикидывается, что всё шутка. А на самом деле — Орвин осёкся. — Впрочем, вы не обязаны это слушать, сир. Сэдрик вдумчиво слушал и наблюдал за всем этим, но одно чувство не оставляло его: рука, лежавшая на плече, рука сира Альберта была такой тяжёлой, такой большой. Хотя с виду рыцарь был лишь чуть выше самого Сэдрика и не казался крупным, он был силён — будто в его жилах текла не кровь, а сталь. — Что молчишь, парень? — Взгляд сира Альберта переключился на Сэдрика. — Я слышал ваш разговор. Мне жаль твою семью. Признаюсь тебе: скорее всего, завтра мы умрём, а потом умрёт и моя семья. А я ведь единственный наследник отца, вечно убегающий от этой ответственности в поисках славы и приключений. — Он ехидно улыбнулся, глядя куда-то в сторону, и приподнял голову. Закрыв глаза, произнёс: — Никогда не было такого дождя и такого запаха. Я прошёл много битв, но с ними я никогда не бился. Сир Альберт замолчал, всё ещё глядя вверх крыш, туда, где за городскими стенами клубилась тьма. Дождь снова усилился — капли забарабанили по черепице. — Сир, — проговорил Сэдрик. — Мне страшно. Но так же страшно любопытно. Судьба ли приготовила мне испытание, или я просто сдохну завтра? Орвин и Гаррет — дети городских воинов, а я сын прачки и кожевника. Всё,

что я держал в руках, — палка, и не больше. — Он усмехнулся над собой и дёрнул плечом, скидывая руку Альберта. — Говорят, для южан Божьи сплетницы плетут судьбу не для всех. А если они и выбрали тебя, то ты точно не умрёшь сегодня.— Твоё сердце южное, Сэдрик, — высказался Альберт, сделав акцент на имени. Дождь не планировал ослабляться. Земля становилась всё мягче и мягче, будто все вот-вот начнут проваливаться под неё. На улице уже темнело, время было позднее. В воздухе висело огромное напряжение, особенно когда смотрели на главные ворота города — казалось, будто вот-вот оттуда выбегут сотни, тысячи вражеских солдат.— Сир Альберт, возьмёте нас с собой на стены? — спросил Орвин.— А как же ваши отцы? — возмутился сир, сложив руки крестом.— Гаррет, может, и будет рядом с отцом, так как он тупая булава. А я хорош с луком, но мой отец никогда на это не обращал внимания. В моей семье ещё три брата, они важнее, чем я. Я бы хотел стоять рядом с настоящим рыцарем. Рыцарем, как вы! — Убрав руки за спину, Орвин выпрямился, будто готовый стать оруженосцем сира Альберта. Альберт покачал головой. Взгляд его был холоден.— Значит, хотите стать моими оруженосцами. — Он сплюнул очередную порцию дождя, стекавшего с усов прямо в рот. — Будь по-вашему. Ступайте и возьмите снаряжение. Завтра на рассвете я жду вас у таверны «Сиплой Лошади». Сэдрик, всё это время молчавший, перевёл взгляд с Альберта на Орвина и обратно. Он не просился в оруженосцы — просто стоял и слушал. Но теперь, когда рыцарь сказал «ступайте», внутри у него что-то сдвинулось. Не радость. Скорее, обречённая решимость.— Благодарю, сир, — выдавил он. Альберт отмахнулся.— Благодарить будешь, если завтра вечером твои кишки останутся внутри. А теперь проваливайте. Мне ещё нужно проверить снаряжение.

Глава 2

832 год. Север объявил независимость от Империи. За Севером — Юг. Империя Ашаверов созвала знамёна всех верных и всех боящихся Династий. Началась столетняя вражда. В отличие от Севера, что отсиживался на своих островах, Юг бился все сто лет за право существовать. В первые двадцать лет он пролил тонны крови. Север лишь изредка грабил узкие проливы и Королевские Когти — опасный, но проверенный путь знатных караванов. Открытое море кишело тварями, о которых не принято говорить вслух. А земли за морем принадлежали им. Ашаверам. Династия Ашавер. Правящая династия Империи. Бесконечные. Безупречные. Говорят, они появились из пустоты, когда мир был молод и глуп. Говорят, они подчинили себе человеческий рассудок раньше, чем люди научились зажигать огонь. Не весь их род способен проникать в чужой разум — лишь избранные, но и другие члены семьи были не менее удивительны. Властная династия, самолюбивая и чистокровная, не плодящая бастардов. Их любовь была доступна только для них самих. Никто по сей день не знает, сколько в чёрном замке живых членов этой Династии. Герб: корона из чёрного железа, внутри которой пылает алое пламя. В первой битве после раскола Южан и Севера армию Империи вёл Гест из Династии Ашаверов, второй наследник трона — высокий, с длинными чёрными волосами и глазами, узкими зрачками, как у кошки. Битва та случилась при городе Реш. Город Реш не раз был осаждён разными врагами, он славился стенами и храбростью жителей. В тот солнечный день сын местного лорда, чей род позже был уничтожен в обмен на пятидесятилетний мир, в гуще битвы пронзил молодого и дерзкого Геста своим мечом. Поговаривают, что кровь Геста была немного голубоватой, блестящей и сладкой. А кто-то говорит, что кровь его выходила вместе с огнём. Но после той битвы никто не смог найти тело Геста — ни само тело, ни его меч. Только чёрный как ночь шлем, вселяющий ужас даже наполовину втоптанном в грязь. Могущественная династия, вселяющая страх и ужас, после гибели Геста Прекрасного была вынуждена пойти на компромисс. С тех времён прошло пятьдесят лет договорённого ими мира. И снова начались волнения. Все тридцать лет Юг кусался за право быть свободным королевством, но Империю этот вариант не устраивал. Всю ночь Сэдрик ворочался, не мог найти своим мыслям покоя. Мысли о гибели родителей и близких знобили, будто червь пробрался через левое ухо и вгрызся в мозг. Сердцу не было покоя. Он сжимал рубаху на груди, тяжело дышал и не мог даже на секунду забыться сном. Матушка Хельга так вкусно готовила — нежная, добрая, а голос мягкий, как топлёное масло. Отец Гильем был кожевником, от него вечно разлило дубильной корой, кислым потом и мочой. «Ты всего лишь сопляк, дальше носа не видишь», — бурчал он, не глядя на сына. Как же Сэдрик злился на него! Помнится, крикнул ему: «Стану рыцарем и женюсь на принцессе!» Отец захохотал, аж закашлялся, потом влепил подзатыльник — не больно, но обидно. «Иди убери ночник, дурень!» — сказал, утирая слезу. Славное было время. Ночь выдалась длинной. Сэдрик так и не смог уснуть и отправился в таверну, куда ушёл Гаррет. Он знал: если Гаррет пошёл пить, его не вытащить, пока не скрутишь и не вышвырнешь вперёд башкой. Он шёл через внутренний замок. Глухая ночь. Дождик почти стих — редкие капли лениво падали, больше напоминая зимний снег. Было неестественно светло, будто само небо не хотело гасить последний день. В ту ночь не спал никто. Войны в этих краях не было больше ста лет. А может, больше. А может, меньше — кто теперь считает? Стены домов тряслись. Из окон неслись стоны — от них же стены и ходили ходуном. Люди прожигали последнюю ночь: пьянство, похоть, всё разом. Южный нрав: война — не повод для печали, а повод отдаться всем своим желаниям, пока Боги не забрали твою душу. Только стражники на стенах да каменщики молча занимались делом — готовили город к обороне. Остальные развлекались. Всё это напоминало безумный ритуал. Голые женщины стояли прямо на улицах, предлагая себя хриплыми голосами. Мужчины ползали на четвереньках, голышом, как псы, лакали пролитое вино из луж. Везде текло

пиво, вино, что-то липкое под ногами. Сэдрик никогда не видел столько голых женщин в одном месте. Даже бордель Чёрного замка, о котором шептались в порту, позавидовал бы такой картине. Издалека виднелась вывеска — повисшая на одном ржавом гвозде, уже и не разобрать, то ли лошадь на ней, то ли крыса. Тревога и дурные мысли не покидали Сэдрика. До таверны оставалось несколько шагов, как вдруг кто-то схватил его за рубаху на плече. — Ты — тихо произнёс незнакомец. Он попытался сказать что-то ещё, но слова выходили неразборчиво: — Ек ер фридр ок ек ер соинди Ты пламя, огонь, палящий поля, или пыль, растворяющаяся по ветру, что стирает время Вид его был устрашающим. Тело покрывали синие узоры — не то шрамы, не то краска, впитавшаяся в кожу навечно. Лысый, бородатый, худой до костей — ключицы торчали, будто собирались прорвать кожу. От него разило трупом. Пьяный, неотёсанный, он всё шептал одно и то же на неизвестном языке, раскачиваясь, как в транс. Рука его ослабла. Сэдрик отшагнул на полтора шага назад. Он забыл, о чём думал, куда шёл, что происходит. В голове — звонкая пустота. Недолго думая, он не сказал ни слова, просто рванул к двери и забежал в таверну. Внутри он замер, ожидая увидеть картину ещё хуже, чем на улице. Но здесь было спокойно. Конечно, запах стоял такой, будто саму таверну построили из вина и мочи, однако внутри сидели солдаты — не пьяная рвань, а люди при оружии, с усталыми лицами. Сир Альберт и Орвин сразу бросились ему в глаза — они сидели ближе к стойке трактирщика. Сэдрик подошёл. Со стороны очага доносилась песня — старая, южная, о вечной памяти Богам. Пели о воинах, что сражаются целую вечность, мечтая лишь об одном: возлечь с женщиной в тёплой постели после битвы. Голоса звучали хрипло, но слаженно. — А ты что тут забыл? Ещё и с сиром Альбертом? Разве ты не должен был пойти отдохнуть? — спросил Сэдрик, присаживаясь за стол. Вышло немного грубовато. — А Гаррет где? — Он оглянулся. — Я отправил его домой отдохнуть, — отозвался сир Альберт, откинув голову назад и поведя взглядом в сторону. — Сэд, брат, ты ушёл, а я не хотел возвращаться домой, вот и решил наведаться к Гаррету. Ты ведь знаешь этого идиота. А тут и сир Альберт пришёл. Мы немного разговорились. Сир Альберт выгнал всех, кто дебоширил, и тут стало так спокойно. — Орвин чуть привстал, будто чувствуя себя неловко. Сир Альберт был немного пьян. Это выдавало его лицо — оно покрылось красными пятнами, а глаза блестели игриво, почти по-мальчишески. Он не был стариком, в нём ещё горело молодое пламя. — После Реша их путь ляжет на мой дом, а за ним и на Камменград. — Он поправил волосы, смахнув их вправо. — Голубь прилетел. У моего отца будет ещё сын. Мерзкая тварь, — злобно выплюнул он. — Сир, разве это не добрая весть? — глядя на разъярённого Альберта, Орвин опешил, но осмелился спросить. — Добрая, мальчик, добрая У моего рода нет наследника, кроме меня. А мой отец не особо чтит наследие. Мы рыцарская династия, но он никогда рыцарем не был. Его совесть нечиста, и мысли далеко не о народе. Этот человек может продать Камменград Империи, лишь бы оставить после себя наследие. Он знает, что я умру здесь завтра. Его жена — не моя мать. Она и есть зло, отравившее разум моего отца. Он отрёкся от Богов, отрёкся от наследия Династии Альбертов. Думается мне, всё это задумано уже очень давно. Камменград — это Юг, и на наших глазах наш Юг стирают. Он схватил кружку с пивом, резко опрокинул до дна, ударил ею об стол и, вытирая с бороды остатки, прорычал: — Завтра, мальчики, вы станете мужчинами. И не дай Боги не убьёте по одному блядскому имперцу — я сам с вас шкуру спущу. Сказано было грубо, но в каждом слове горел огонь. Солнце всходило, а вместе с ним издалека доносились барабаны и слабое пение. Женский голос — тонкий, сладкий, на неизвестном Сэдрику языке. Они с Орвином всю ночь провели в таверне. Сир Альберт покинул их, а они даже немного вздремнули прямо за столом. Улицы уже заполнились экипированными мужчинами и мальчишками. Сэдрик и Орвин побежали в арсенал, но, к их огромному сожалению, опоздали. Им досталось совсем не то, о чём мечтается перед первой битвой. Обноски. Латами это не назвать. Сэдрику достался кусок кольчуги, а Орвин натянул кожаные латы, похожие на те, что делал отец Сэдрика. Лук, к великому огорчению Орвина, он не нашёл и взял что-то, отдалённо

напоминающее меч. Сэдрик схватил палицу на цепи — оружие, которое видел впервые в жизни. Они побежали к центральной площади, где договорились встретиться с Альбертом и Гарретом. Увидели его сразу — мужчину, облаченного в серое железо. Тяжёлый броник. Внушительный шлем, через который не видно было абсолютно ничего, кроме пары узких прорезей, позволявших рыцарю разглядеть своих «оруженосцев». Это был сир Альберт в доспехе своего рода, с гербом — Башня над серебряной рекой — на груди. Он поднял забрало, положил руку на длинный тяжёлый меч и окинул их взглядом. — Опаздываете. — Орвин, твой лук. — Альберт кивнул себе за ногу, где стоял небольшой охотничий лук, судя по всему, его собственный. — Стрелы возьмишь на башне. Орвин просиял, подхватил лук и благодарно кивнул. — Сэдрик, мы с тобой пойдём на зубцы стены. Будем принимать пехоту, что ползет наверх. — Альберт перевёл взгляд на палицу с цепью в руках парня и не сдержал короткого смешка. Гаррет не пришёл. Ждать больше было нельзя. Втроём они отправились на стены. Орвин занял стрелковое гнездо в башне, а Альберт и Сэдрик встали у самых зубцов. Альберт вкратце обрисовал, что их ждёт, но не стал перегружать и без того взбудораженный рассудок молодых. Сэдрик глянул в поле — и обмер. Армия, которой не было ни конца ни края. Осадные орудия, каких он никогда не видел и о каких не слышал: катапульты, требушеты, огромные башни на колёсах. В центре пылал исполинский костёр. Вокруг него — девушки в белом с ног до головы, на головах что-то вроде уборов, но издали не разобрать. Они пели. Мужчины били в барабаны. Дождь усиливался, стегая по лицу. Над костром кружила стая чёрных воронов. Пламя то и дело вспыхивало синим. Песня звучала на незнакомом языке — бодрая, ритмичная, единая для мужчин и женщин. Орудия были готовы. Воины скалились и били себя в грудь, разогревая ярость перед началом. — Мужики! — прогремел со стены голос наместника, отца Таллена. — День Рока! День, когда мы обязаны защитить Юг! День, когда мы — щит нашего мира! Сто лет назад — и сейчас! Мы повторим историю! Защитим Реш и наш дом! За Юг! Он кричал громко и гордо, но люди лишь сильнее вжимали головы в плечи. Речь не сплотила их — только напомнила, зачем они здесь умирать. В поле показалась фигура. Женская. Она вышла вперёд, и пение стихло. Вся в чёрном, на голове чёрная фата, а поверх — корона с тремя зубцами. В правой руке — чёрный меч. Никаких сомнений: это кто-то из правящей династии, Династия Ашавер. Она подняла меч на уровень глаз и направила остриё на стены. Протрубил рог. Звук был такой низкий и глубокий, что его почувствовали ногами даже стоящие на стене. Земля задрожала. Дождь хлестал так, что глушил мысли. И началось. Все орудия разом выплюнули снаряды. Несколько полетело прямо в стену, где стоял Сэдрик. Снаряды были чёрными — из чёрной стали. Такого ещё не видели в этих землях. Стена под ногами Сэдрика превратилась в солому. Звук — звонкий, с криками и болью. Это было не столкновение камня с камнем, а взрыв — камень против собственного подобия. Сэдрик зажмурился перед ударом, а когда распахнул глаза, то понял, что летит. Его подбросило высоко и далеко. Опора исчезла из-под ног, руки опустели. Сердце на мгновение замерло.

Глава 3

После гибели Геста Династия Ашавер отправила на поиски тела лучших ищеек, но всё было тщетно. Империя впервые пошла на компромисс. Король Феронис Яркое Пламя из Династии Ашавер предложил сделку королю Юга Бранду Крепкому, бастарду местного лорда. Бренд обязался выдать всех членов семьи Валери, убившей Геста, — взамен Феронис даровал Южанам пятьдесят лет мира: свободное передвижение, никаких податей, никакого страха. Двадцать лет до этого Юг заливал землю кровью, отстаивая своё право быть свободным королевством. Империя не уступала. Но гибель Геста Прекрасного всё изменила. Династия Ашавер, впервые пошедшая на компромисс, даровала Южанам пятьдесят лет турниров, охот и спокойных ночей. А потом — ещё два года шаткого, дышащего в спину покоя, пока старый король Феронис не умер, а его сын Ульган не уронил корону в грязь. Друг вернул ей блеск — ценой крови. И война вспыхнула снова. Чёрный замок распустил свои нити по всей Империи, но не мог дотянуться до Севера — самого загадочного края, по мнению многих. Со своими обрядами, диким укладом жизни. С Севера не доносилось ни намёка на войну — они просто отцепились от Империи и закрылись занавесом из чудовищ, что окружали их земли. Само расположение Севера позволяло укрываться от любых шпионских и вражеских притязаний. Пятьдесят лет мира. Большие турниры в замках, грандиозные охоты. Всё закончилось на пятьдесят второй год. Король Феронис Яркое Пламя умер естественной смертью, оставив Чёрный замок и всю Империю старшему сыну Ульгану. Но правление Ульгана оказалось бесхребетным. Поговаривали, что он чаще бывал за стенами замка — в борделях и тавернах, где увлекался северными «сладостями», от которых мутнеет разум. За два года его правления величественные лорды усомнились и в нём, и в самой Династии Ашавер. Раскол назревал недолго и мгновенно был утихомирен сыном Ульгана — Другом, унаследовавшим главное оружие семьи: власть над разумом. Подчинив собственного отца, он заставил его отречься от престола, а вскоре того нашли повешенным в тронном зале Чёрного замка. Друг воссел на трон тираном, открыв миру тайнство своего рода. Он вышел в свет — невысокого роста, что большая редкость для Ашаверов, бледный, что обычно для них, с разными глазами, напоминавшими кошачьи зрачки. Друг организовал большой турнир в честь своей коронации, рождения наследника и свадьбы с кузиной Бруной, что была старше его на два года. В то время Южане уже бились с лордами приграничных с Югом земель. Друг пригласил на великое торжество старого короля Юга — Бранда Крепкого, прозванного Волнорубом, из Династии Хольм. Тот, будучи уже глубоким стариком, расплодившим большой род, любил турниры и с радостью согласился, взяв с собой нескольких сыновей и дочь в надежде соединить свой род с Империей и навсегда покончить с распрями. Один из сыновей старого Бранда даже принимал участие в турнире. Весь день праздник шёл хорошо: пили, пели песни, восхваляли нового короля. Но в один момент на поле, где сражались двое рыцарей, вышел сир Кальрад, сын короля Бранда из Династии Хольм. И против него — Ферир, брат короля Друга, его единственный преданный друг и, как поговаривали, любовник. Рыцарь Чёрного замка, Чёрный Ужас. Высокий мужчина в лёгких доспехах, с мечом из чёрной стали, отливающим красным. Шлем его был тот самый — Геста Прекрасного, павшего при Реше. Это был бой двух мечников. Кальрад вышел в броне средней тяжести — Южане любили одеваться покрепче, кольчуги и латы потяжелее. Его меч был двуручным, тяжёлым, но он умел им пользоваться. Такие бои длятся, пока один не выронит меч или не упадёт. Схватка началась. Ферир припал низко к земле, меч за спиной волочился по песку, чертя узоры. Он приближался, будто змея, рассекающая барханы. Кальрад, опустив забрало, пошёл вперёд, держа меч обеими руками. Прозвучал первый звон клинков — Ферир снизу взнёс меч, Кальрад легко отбил. Но вместе с ударом из другой руки Ферир швырнул в забрало противника горсть песка, что незаметно собрал, пока крался. Песок попал в глаза. Кальрад попятился, замахал

мечом вслепую, пытаясь отмахнуться от невидимого врага. А Ферир уже был за спиной — толкнул, и Кальрад упал на колени. Ферир выбил меч. Трибуны взревели: «ПОБЕДА!» Но у Ашаверов был иной план. Ферир отшвырнул ногой меч Кальрада, снял с него шлем, ударил рукоятью в горло, схватил за волосы и перерезал глотку. Кровь хлынула резво, со свистом — горячая, бьющая из плоти. Публика замерла в шоке, взгляды обратились к королевской ложе. Но там уже опустили занавес. А за ним, не успев ничего понять, старый король Бранд Крепкий был пронзён со спины — маленький кортик торчал из его горла. Рядом сидели беременная дочь и сын, которых крепко держала личная гвардия короля, заставляя смотреть, как огонь их отца угасает. Голуби полетели по всему континенту. Южане узнали ужасные вести из столицы: король мёртв, наследник мёртв. Теперь Югом правит совсем ещё юный Густав. Все лорды поднимают знамёна, требуют ответных действий: седлать коней, поднимать паруса! Слать голубя на Север — просить, молить о войне. Но Густав, юный, но неглупый, принимает иное решение: укрепить границы, не поддаваться на провокации. С тех пор Южане озлоблены, отрезаны от столицы, отрезаны от всего мира — живут, как одичалый народ. Двадцать лет мы проливали кровь, пятьдесят четыре года длился мир — шаткий, но он был. Если Империи нужна была месть, будем считать, что она свершилась. Южане были привержены своим Богам. Они возненавидели Густава, но повиновались. Всякий, кто противился, был казнён. Друг, жаждущий повиновения и полной власти, одержимый местью за Геста, слепо верил, что Юг причастен к его гибели и исчезновению. Юг должен заплатить. Его дочь, вторая в наследии после сына, уже в юные годы держалась на крупном боевом коне так, будто родилась в седле. Чёрную сталь в руках она несла как продолжение собственной руки. Вся в чёрном, как подобает Ашаверам, она вместе со своим дядей Фериром возглавила военный поход против восставшего Юга, поднявшегося против Чёрной Короны. Ферир и Аугрид вели войско Империи и личную армию Ашаверов от города к городу. Династия Свастонов шла к Решу, на его защиту. Они бросили свои земли, чтобы укрыться за стенами крепости и дать бой. Но Ферир хорошо изучил Южан, их стратегию. Разведчики донесли: замок Свастонов пуст, деревни сожжены, и если дать им уйти, они потеряют время. Тогда Ферир приказал двигаться наперерез, параллельно запланированной дороге, и успел настигнуть Эрика Свастона, его армию и простых крестьян. Битва была жестокой. Адская мясорубка. Аугрид впервые видела настоящую, масштабную бойню, но не участвовала в ней — только смотрела, как её дядя расправляется с неугодными её отцу. Она стояла на вершине холма, глядя сверху вниз, и её охватил ужас. Такая сила их Династии Неужели только грубая сила способна урегулировать конфликты? Тогда зачем дан им дар, если всё решает чёрный меч — прочнее стали и острее любого клинка? Она была одна на том холме — в чёрной фате, на голове чёрная корона Династии Ашавер с тремя острыми концами. На пути к Решу было немало смертей. Аугрид просила дядю прекратить убивать невинных — это не имело никакого смысла. Но Ферир был всего лишь оружием, а её голос — мал, как и её рост. И всё же сквозь фату просвечивали всё те же зелёные глаза, в левом — кошачий зрачок. Пепельно-чёрные волосы. Необычайно красивая девушка, будто рождённая не для войны, стояла по колени в крови залитой деревни. Она шла со свитой певуний и хранителей Камня Божьего — они отдавали почести погибшим в несправедливой войне. Тем, кто выжил, давали воду и еду, хотя Аугрид прекрасно понимала: вряд ли это им поможет. Но её сердце было куда светлее, чем у дяди. За несколько дней до осады Реша Ферир попросил её провести ритуал. — Я хочу, чтобы Бог видел, как впервые этот город падёт. Его истинный сын уничтожит эти стены. Твои певунии и старики должны бить и петь, бить и петь! Пусть Бог видит, как горит моё пламя. А потом ты выйдешь и начнёшь штурм замка — как истинная наследница Алого Пламени. Аугрид ничего не оставалось, как повиноваться. В день осады ей было мерзко — будто вся тяжесть этой бойни легла на её плечи. Ритуал, который ей предстояло провести, считался самым зловещим: вызов Бога, чтобы тот присматривал за битвой, вёл клинки против врагов Его. Ноги не слушались. Руки казались легче пера. И когда ритуал был завершён, ей осталось

только одно — отдать приказ. Она встала напротив крепости Реш. Лил зловещий, тяжёлый дождь. Аугрид подняла меч. В глазах её стояли слёзы — тёплые, чужие этому ливню. Она смотрела, как чёрный дождь из камней летит на стены. А потом опустила меч. Потому что смотреть дальше было невыносимо.

Глава 4

Сквозь звон в ушах пробивались крики. Голова гудела, словно колокол. Тело не слушалось — только сердце колотилось где-то в горле. Как дышать? Вот бы воды. Сэдрик приоткрыл глаза. Сквозь чёрный пепел, смываемый остатками дождя с лица, он увидел размытый силуэт. Чёрный. Он снова закрыл глаза и попытался привстать, но лишь бессильно дёрнулся, приподняв таз, и рухнул обратно. Вытер лицо ладонью, проморгался. Тот же силуэт. Размыт, но точно человек. Правая рука шарила по земле в поисках хоть чего-то, похожего на оружие. Ничего. Он разлепил веки и наконец понял, кого видит перед собой. Та самая девушка. Вся в чёрном. Она стояла над ним, и взгляд её острый, не мигая, пронзал его насквозь — до самой души. Сэдрик зажмурился. — Наверное, я мёртв, — подумал он. Она стояла как настоящая воительница: меч в правой руке, а левая — так близко к его лицу. Бледная, чистая рука. Сэдрик поймал себя на мысли, что хочет её держать. К девушке подошёл кто-то, прошептал на ухо. Она взяла у него флягу. — Попей. Наверное, умираешь от жажды. Твои раны несерьёзны, ты будешь жить. Она протянула флягу. Сэдрик медленно взялся за неё, и пальцы их соприкоснулись. На секунду он ощутил тепло — такое, какого никогда раньше не чувствовал от чужой кожи. — Спасибо наверное, — пробормотал он обиженно и жадно, вздохнув, припал к воде. — Всё уже закончилось. Замок пал. Город наш. Наместник, наверное, уже мёртв — мой дядя первым вошёл в город. Мне жаль. Аугрид опустила голову. В её словах слышался плач и искреннее сожаление. — Ну и о чём же ты сожалешь? — голос Сэдрика был хриплым после падения. — Может, о том, что ты сверху, а я лежу, словно подданный у твоих ног, как ты, наверное, привыкла? — Нет. Всё не так. Вся эта война — сплошное разочарование и недоразумение. Меч за меч, а на чужое пламя мы раздуем пламя в сто раз больше. Так написано историей. Так сказано в писаниях. Так нам трактует Бог. Уходи отсюда. Беги. И запомни: Бог один. Никогда не упоминай иных. Аугрид отвернулась и начала удаляться. Сэдрик был безумно зол, хоть и не понимал ещё, за что. Интуитивно — чувство, что перед ним враг. Но он не понимал ничего из того, что происходило. Понимал только одно: он хочет идти за ней. Что-то влекло его к ней. Он успел разглядеть сквозь фату её красоту — никогда ещё не видел такого лица. Острые черты, приятные губы, красивые глаза. Он тут же принялся ругать себя за эти мысли. «Наверное, брежу», — подумал он. Сэдрик только начал приходить в себя. Он смог присесть и осмотреться — и пришёл в ужас от увиденного. Трупы. Везде трупы. Мужчины, похожие все как один, бывшие в барабаны, сгоняли тела в кучи. Раненым давали воду, помогали подняться. Он начал яростно оглядываться, вспомнил про Орвина и сразу посмотрел на стрелковую башню. От неё почти ничего не осталось. Грустная мысль на секунду пронзила его. И тут, словно из ниоткуда, к нему подбежал Орвин и рухнул на колени у его ног. — Брат мой! Ты жив! Как же я рад, я счастлив, о Боги! — громко кричал он, уронив голову к ногам Сэдрика, проливая слёзы радости и горечи. — Тише, Орвин. наших Богов тут нет, — нервно прошептал Сэдрик, косясь на тех, кто находился рядом. После слов Орвина они обернулись, но сделали вид, что ничего не слышали. — Орви, помоги мне встать. Орвин поднялся и помог Сэдрику подняться. Сэдрик, прихрамывая на левую ногу, опёрся на друга. — Не видел Альберта? — спросил он. — Я был на башне. Увидел снаряды, что летели прямо в вашу стену. Увидел, как ты улетел, — знал, что ты где-то здесь. Потом заметил, как ты упал на крышу стойла для лошадей, а оттуда уже свалился вниз. Повезло тебе! Потом искал глазами Альберта. Кажется, ему повезло меньше. Я не видел его больше. В башню прилетело, и я остался почти один. Решил, что лучше будет, если я сделаю вид, будто меня там нет. Я просто отсиживался, Сэд. Трусливо ждал, когда всё закончится. А потом услышал твой голос. В голосе Орвина звучал явный стыд. — А что за девушка была? — вполголоса спросил Орвин. — Мне показалось, но ведь это она тогда в поле стояла? Сэдрик в ответ лишь кивнул. Несколько раз, будто сам себе подтверждая. — Эй! — окликнул он мужчину, тащившего оче-

редного бедолагу к груди тел. — Не видал рыцаря в сером доспехе? — Ну, видал, — отозвался тот, не оборачиваясь. — Лежит под ступенями, в переулке позади вас. Скоро и его заберут. Тяжёлый, сволочь, один не осилю. Сэдрик и Орвин, не сговариваясь, ускорили шаг. Между стеной замка и внутренним двором тянулся узкий проулок, ведущий к кузнице. Справа лепились жилые домишки. Ступеньки к дому местного солдата — Генри, кажется, звали его — обрушились наполовину, и под ними, вжавшись в грязь и каменную крошку, лежало тело. Серый доспех. Герб с Башней и Рекой. Запёкшаяся кровь в уголке рта. Это был сир Альберт. Сэдрик и Орвин подошли к холодному телу, опустились с двух сторон. Казалось, в нём ещё теплится жизнь. Сэдрик достал остатки воды, поднёс к губам рыцаря. Тот слабо отмахнулся. Приоткрыл уцелевший глаз, увидел парней — и ухмыльнулся. — Выжили, засранцы. — Он закашлялся кровью. — Оставьте воду себе. Мне уже не нужно. Альберт с трудом положил руку Сэдрику на ногу. Голос его угасал с каждым словом. Второй глаз уже не открывался. Лицо покрывала чёрно-красная корка — кровь, сажа, пепел и печаль. — Ваш друг Гаррет в этом доме. Я сделал, что смог. Бегите, мальчики. Бегите с Юга. Юга больше нет. Он замолчал, тяжело втянул воздух и выдохнул уже с хрипом: — Я уже не встану. Мой отец продаст Юг. Король преклонит колено. Мы умирали ни за что. Вот бы вина Сэдрик почувствовал, как рука сира Альберта стала ещё тяжелее, чем в тот раз, когда лежала на его плече, — и соскользнула с колена. Рыцарь затих. Рядом, в грязи, лежал его меч. С гербом рода — Башня над серебряной рекой. Сэдрик, сам не зная зачем, поднял клинок и вложил его в мёртвую руку. Пальцы уже не сжались, но меч остался лежать на груди — словно страж, уснувший рядом с хозяином. Они вошли в дом. Внутри стояла гробовая тишина. Ни света, ни звука. Даже запаха — ни дыма, ни пыли, ни жизни. Пусто. — Эй! Гаррет! Ты тут? — крикнул Орвин, и голос его гулко ударился о стены. — Это я и Сэдрик! В углу поднялась пыль. За деревянным шкафом что-то зашевелилось. С полки сорвалась стеклянная банка, разбилась вдребезги. Из-за шкафа показалась голова Гаррета, затем он выполз целиком. — Вы живы — выдохнул он удивлённо. — Что ты тут делаешь? Как ты сюда попал? И куда ты, мать твою, пропал? Почему на площадь не пришёл? — Орвин говорил зло, сдавленно, будто готов был то ли ударить, то ли обнять. Гаррет затряс головой, вцепился себе в негустые волосы. Глаза его мокрели сами собой. — Отец утром утащил меня на западные стены. Сказал — ни шагу. Начался штурм, и ему стрела в лицо. Прямо в лицо, Орвин. Он просто упал. А меня вырвало. Я не знал, что делать. Он говорил быстро, глотая слова, нервно перебирая волосы, будто пытался вырвать их с корнем. — Я побежал вниз. Спрятаться. Увидел, как стена лопнула как Сэдрик летел, и остальные Я хотел к тебе, Сэд, клянусь! Но тут — звон стали. Через брешь пробивались. Двое прям на меня попёрли. Я оружие бросил. Ну всё, думаю, пиздец мне. Он замолчал, глотнул воздуха, посмотрел куда-то за спины друзей. — А потом Альберт. Спрыгнул со стены. Меня закрыл. Сказал сюда зайти, спрятаться. А сам сам там остался. Где он? Где Альберт? — Погиб, — бросил Сэдрик, не глядя на Гаррета. В голосе его звенела глухая злоба. — Защищал тебя. Собирайся. Подбери, что осталось в портках, и пошли. — Погиб? — Гаррет захлопал глазами, будто не веря. — Куда мы пойдём? На юг? Орвин молча смотрел на Сэдрика, но взгляд его говорил яснее слов: «Куда?» — На восток! — вдруг выкрикнул Сэдрик, и голос его сорвался. — Да не знаю я! Не знаю Таллен ушёл. Альберт погиб. Моей семьи больше нет. Вашей, может, тоже. Уходим на восток.

Глава 5

После битвы Ферир закатил пир в остатках замка Реш. Его брат Друг просил не разрушать город, оставить наместника в живых, а замок по возможности целым. Ферир думал иначе. Наместника он самолично насадил лицом на торчащее из земли копьё. Но выживших добивать не приказывал — в его планы входила только победа. Очаг наместника был полон людьми Ашаверов — Воронами, личной гвардией Династии, лучшими воинами, лишёнными детства, знающими только звон стали и слепую веру. Были там и лорды — западные, восточные, великие и не очень. Очаг гудел от имён и знамён. Вино лилось рекой, хохотали женщины, чьи тела в эту ночь им не принадлежали. Аугрид сидела в самом конце зала. Взгляд её дяди, устремлённый поверх голов, напоминал взгляд стервятника, ждущего своего черёда. Страх проник в её сердце, а в голову закралась мысль: «Хоть бы слухи оказались правдивы». Одна была радость — лорд Оскар Стрём, правитель Восточных Объединений, куда входили и остальные восточные лорды. Пьяный вдрызг, он постоянно пытался развеселить Аугрид, маячил перед ней, тряс пузом, и сквозь густую бороду вместе со смехом на неё летели брызги недопроглоченного вина. — Девочка, ты была великолепна! Твои эти, как их там ну, которые пели, костёр и ты! О Боги! — громко и весело воскликнул он, схватившись рукой за бороду. — Лорд, вы же знаете, что в Империи запрещено упоминать иных Богов, — сказала Аугрид, чуть расширив глаза и покосившись в сторону Ворон. — Девочка, мне плевать на хотелки твоего отца. Я чту свои древние обычаи, и наша вера всегда была и будет. Пугайте Южан, но не нас. Стрёмы боятся только нищеты. Толстяк залился высоким, захлёбывающимся смехом и шумно запил своё брюхо вином. Потом нелепо припал к Аугрид, приобнял правой рукой, а левой поднял кружку. В зале мгновенно сгустилось напряжение. Вороны положили руки на рукояти мечей, взгляды их скрестились на Оскаре — казалось, вот-вот сорвутся с цепей. — Ферир! Вот кто заслуживает тоста! Вот как нужно воевать — без лишних слов и пафоса! Взял замок за полдня, который столетиями стоял! Всё-таки в вашей крови и правда течёт что-то иное! — захохотал пьянчуга Оскар. — Спасибо, мой добрый друг. Твой род служит нам уже много лет. Если бы не подвиги твоих предков, восточные земли были бы разбиты на множество государств, но благодаря Стрёмам Восток сейчас — единое целое. Ферир встал со своего места. Хитрая улыбка тронула его губы. Он направил кружку на Оскара. — Друг мой, кажется, моя племянница устала и напилась вина из твоего рта. Пусть подойдёт ко мне и сядет рядом со своим дядей. Договорил — и неспешно отпил. Аугрид выскользнула из объятий пьяного Оскара. Оглянувшись, она поймала его взгляд — в нём читалось нечто большее, чем хмельная дружба. Взгляд, говоривший о его имени, о его роде. О бесстрашии перед их запретами на упоминание иных Богов. Это было не просто объятие — это была демонстрация силы. Она прошла мимо лорда Милтона Ханссена. Тот сидел, развалившись, одной рукой прижимая к себе обнажённую женщину, а пальцы другой грубо сжимали её промежность. Женщина стояла, чуть расставив ноги, и лицо её было пустым — ни боли, ни удовольствия, только покорность. Ханссен, один из самых кровожадных лордов Востока, средних лет, с сальными волосами и вечно влажными губами, шумно запивал вином каждый свой глоток, не отрывая взгляда от плоти, которую мял. Аугрид отвела глаза и села рядом с дядей. Ферир медленно повернулся к ней, аккуратно наклонился к самому уху. — Как тебе? Мы покорили Юг. — Но впереди Башня, — ответила она, не глядя на него. — Ещё никто Там оборонительный пункт. Оружие, которое никто не побеждал. — Моя дорогая племянница, многие думают, что через год ты станешь моей женой. — Ферир положил руку ей на колено. Аугрид напряглась, посмотрела в глаза дяди — их разделяло одно дыхание. — Не волнуйся. Женщины меня не интересуют. Думаю, ты и так это знаешь. Он чуть отстранился, убрав руку с колена. — Башня нас пропустит. А Камменград будет вынужден сложить оружие и преклонить колени. Ферир откинулся в кресле, закинул голову назад и гордо улыбнулся, будто

прямо сейчас готов снять с себя штаны. Меньше недели пути — и на горизонте показалась она. Величественная Башня. Дозорный оплот Юга. С неё должны были трубить тревогу, кричать: «Враг идёт с востока!» Так было бы, если бы Ферир не заключил договор с Альбертом Старшим. Реш пал, и Башня вступала в войну на стороне Империи. Последний оплот Южан. Башня была не просто наблюдательным пунктом — она сама являлась оружием. Её стены, сложенные из камня и опоясанные стальными обручами, выдержали бы даже удары чёрных снарядов. Броня крепка, орудия страшны — армия Империи могла годами осаждать одну лишь Башню, теряя тысячи. Сама крепость за её спиной была хлипкой, в разы слабее той, что стояла в Реше. Но никто и никогда не прорывался дальше Башни. Армию Ферира и Аугрид встречали добрыми, но неискренними улыбками. На мосту их ждал Альберт Старший. — Добро пожаловать, Ферир. А это кто, за чёрной фатой? Такой устрашающий вид — Моя племянница, дочь короля. Рад, что наш уговор в силе. Дорога была долгой, но мы прибыли раньше, чем планировалось. Ферир спешно снял с себя португю и передал меч одному из Ворон — Ульрику Строгому, рыцарю с лицом, не знавшим улыбки. Армия Империи расположилась в замке, а Ферир с Аугрид — в доме лорда Альберта. Вороны охраняли дом снаружи и изнутри. Вечером у очага Ферир сидел в кресле лорда. Он задрал ноги высоко, оперев их в боковую кладку камина — левее от жара, подальше от пляшущего пламени. Потягивал вино и отламывал от кресла кусок за куском, лениво подбрасывая щепки в огонь. Лорд Альберт сидел за своим письменным столом, что-то писал и, время от времени зевая, утыкался взглядом в бумаги. Неподалёку стояла Аугрид. Она пила тёплое молоко и смотрела из окна на Башню. — Дядя! Я хочу завтра отбыть в Чёрный замок. Возьму своих людей и пару наших рыцарей, если ты не против. — Она игриво повернулась к Фериру. Догадки облегчили страх перед собственным родичем: стены имеют уши, и весь замок шепчется о любви её отца и дяди. Левая рука за спиной, она отпила молоко и вскинула брови выше, ожидая, надеясь, молясь про себя об ответе. Ферир бросил взгляд в её сторону, не поворачивая головы до конца. — Тебе идёт эта ночная рубашка. Белое украшает твои волосы и глаза хотя я не особо разбираюсь в этих делах. На Аугрид из одежды были лишь сорочка и нижнее бельё. Ткань мягко облегалась тело, кое-где проступали очертания, но всё оставалось едва заметным, призрачным. — Разве так мы одеваемся, когда рядом есть не члены нашей Династии? — проговорил Ферир с ноткой недовольства. — Но дядя! — воскликнула Аугрид. — Лорд Альберт ведь женат, и теперь он друг нашей Династии. Тем более я и сама едва его вижу. Она смутилась, поставила кружку с молоком на подоконник и уселась в кресло, нелепо прикрывая грудь руками. — Через пять дней — великий день для нашей Династии. Наши имена войдут в летописи. Разве не об этом мы мечтали? Девочка, мы с тобой свершили подвиг для своей страны, а ты вот так решила просто уйти? Почти на самом триумфе? — пробормотал Ферир, будто разговаривая сам с собой. Он помолчал, потом указал на пол рядом с креслом. — Подойди. Присядь сюда. Аугрид медлила. — Не хочешь славы — ступай. — В голосе его не было злости, только усталость. — В любом случае ты мне здесь больше не нужна. Доставь хорошие вести моему брату. Возьми лучших рыцарей, но свиту свою не бери — замедлят, привлекут внимание. Не покрывайся в чёрное, корону тоже оставь. Будь тенью. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось по дороге. Он говорил вполголоса, изредка косясь в сторону лорда Альберта, который делал вид, что увлечён бумагами. — Лорд Альберт, вы не закончили ещё писать самоизбранному королю Густаву? — громко крикнул Ферир в сторону Альберта — мой господин, всё готово. В краце, как вы и сказали, Король разрешит сидеть на троне его детям, Юг останется одним целым как и было до этого, все лорды будут помилованы, дань с Южных земель останется средней, кроме рыбы и подвонных украшений, более подробные налоговые условия пришлют из черного замка. — Крича на всю комнату чтоб Ферир точно услышал с первого раза. — Пиши заново. И не пиши про помилование лордов. Слишком много голов задержалось в сёдлах. Ферир перестал выглядеть надменным и самолюбивым кретином. Он вдумчиво уставился в огонь, водя пальцами правой руки по бровям, и беззвучно

шевелил губами, будто что-то говорил, не открывая рта. Аугрид не знала, как ей уйти, оказавшись свидетельницей этой неловкой, громкой сцены. Наконец, решившись, она просто встала и вышла. За дверью её ждали сир Ульрик Строгий и её личный страж-Ворон — Вальд Огненный. Вальд молча проводил принцессу до её покоев. Она отдала ему приказ собираться, одеться как обычный наёмник и готовиться к отбытию в Чёрный замок.

Глава 6

Уставшие Сэдрик с друзьями были в пути уже несколько недель. Они прошли мимо деревни, откуда сам Сэдрик был родом, но не обнаружили ничего, что могло бы напомнить о доме. К его огромному сожалению, это не успокоило душу. Он так и не знал наверняка, погибли ли родители. Если же они остались живы — куда могли пойти? Оставалось только верить, что они где-нибудь на востоке. Но вера гасла с каждым пройденным днём.

Путь между Решем и первым городом Востока был неблизким. Расстояние — не на один день. Они собрались как в настоящий поход, обзавелись двумя лошадьми, что было огромной удачей. Армия Империи почти ничего не оставила в замке, но парочка лошадей всё же сумела убежать подальше от шума и крови. Орвин и Гаррет, хоть и немного, но обучались военному делу, умели сидеть в седле и понимали лошадь хотя бы издали. По пути они подучили и Сэдрика управляться с поводьями.

Гаррет всегда ехал один. Его запах не привлекал Сэдрика находиться рядом. Большую часть дороги они почти не разговаривали с ним. Шептались между собой в основном Орвин и Сэдрик. Гаррет стал изгоем — то ли из-за своей трусости, то ли сам стыдился себя настолько, что не решался заговорить первым.

Холмистая дорога, деревья и небольшие ручейки — восточные земли открывали совсем другие виды. Сэдрик и друзья никогда раньше не видели таких густых лесов, столько птиц, поющих мелодии, и красивых белок, прыгающих по веткам следом за ними. Сэдрик поймал себя на мысли, что будто бы это всё сон. Мечта покинуть дом сбылась, но цена этой мечты оказалась слишком тяжёлой для него.

— Эй, олухи! — крикнул впереди стоящий на холме Гаррет. — Идите быстрее сюда! Мы наконец-то дошли!

Радостно размахивая рукой, он показывал в сторону города.

Их встречал небольшой городок Фьелль. Он относился к основному городу этих земель — Феллю и замку лорда Альфреда из династии Ханссен, родного брата Милтона Ханссена, младшего из них. Городок был достаточно зажиточным для богатых и непросто для бедных. Речки здесь были маленькими, земли лежали между соседними владениями других лордов, в том числе и брата, чьи угодья выходили к морю и были куда богаче. Но благодаря удачному расположению мельницы крутились, мука была повсюду, добрые леса позволяли торговать деревом. В целом городок жил.

Герои отправились напрямик туда, но у въезда их встретил небольшой отряд — стражники, охранявшие деревянные ворота.

— Сто-о-ой! Откуда и куда? Из Реши, небось? — Один из них, смачно собрав в горле всё, что там было, харкнул в сторону и вытер рот рукавом.

— Дядя, да мы из Реши. Какие-то проблемы? — дерзко, свысока ответил Гаррет.

— Малый, ты, походу, забыл, что у нас типа война. И что мы типа воюем. — Он оглянулся на товарища слева. — Помолчи, Гвен. «Война» и «воюем» — одно и то же, дебил. Ребята, на вас не просто одёжа селян. Вы из крепости, значит, оборонялись. И раз вы тут — хреново оборонялись. Скиньте-ка оружие. Ну, или то, что на него похоже.

Второй стражник пристально всматривался в лук Орвина — тот самый, что сир Альберт отдал ему незадолго до смерти.

— Уважаемые, у нас почти не осталось еды. Одежда на нас, мягко говоря, держится на добром слове. Нам бы поесть чего да, может, работы какой.

Сэдрик спешился, но неловко зацепился ногой за стремя и рухнул в дорожную пыль. Поднявшись, отряхнулся, сделал вид, что всё в порядке, и подошёл к стражнику.

— Оружие оставим, как скажете. Прошу только лук. Для Орвина он важен — охотничий лук его отца. Мы бежали от войны, оделись так, будто можем за себя постоять, и всё.

Он говорил жалостливо, почти просительно.

Второй стражник подошёл к Орвину. Видел — лук охотничий, но не из дешёвых.

— Ладно. За коня выручишь неплохие монеты. На жратву хватит и на шмотки. Поживёте недельку как люди, там, глядишь, и работёнку найдёте.

Стражники одобрительно закивали. Забрали всё, что напоминало оружие, но Орвину оставили лук, велев только обмотать его какой-нибудь рваньё.

Для Сэдрика и его спутников открылся совсем иной мир. Люди здесь одевались по-другому, говорили по-другому. Язык был тот же, но манера речи — чужая, более резкая, с непривычными оборотами. В тот день всё, о чём они мечтали, — это мягкая постель и хоть что-то, напоминающее еду.

Гаррет и Орвин знали Реш лучше. Перед уходом Гаррет сумел пробраться домой и собрать отцовское серебро. Попрошавшись с прахом матери, он покинул родные стены. Орвин набрал еды — его семья была большой, крупы закупали впрок, как и твёрдый хлеб, что не портился месяцами. Стоило такому хлебу коснуться воды, и он оживал — довольно было считать плесень, и можно есть. В дороге Орвин рассказал Сэдрику, что провожал мать, когда та уходила с Талленом и другими женщинами и детьми в Камменград. А вот братьев он так и не видел после падения стен — только отца, да и то лишь часть его.

Денег, что собрал Гаррет, хватило на два дня. На третий день нужно было что-то придумывать. Еды в запасе тоже не осталось. Продавать одного из коней было плохим выходом — без лошадей они становились пешими бедняками в чужом краю. Гаррет, самый крепкий и высокий из них, нанялся на небольшую мельницу помогать таскать мешки. Мельник платил ему три медяка в день и давал ночлег. Мельница стояла недалеко от основного города, так что Гаррет оставался поблизости.

Кровать в местной таверне стоила два медяка. Орвину повезло иначе. Когда они ели в таверне, его лук выскользнул из тряпки, и местные охотники заметили его. Похвалили работу, спросили, откуда такой. Орвин сказал, что в Реше его семья была из охотников. Те предложили ему собирать для них стрелы — платили медяк за каждые десять штук. В день он делал двадцать-тридцать стрел. На эти деньги уже можно было жить и даже покупать еду.

Сэдик всё это время изучал местную жизнь. Познакомился с трактирщиком и в основном крутился рядом с ним — слушал разговоры, узнавал новости, питал надежду, что кто-то из его деревни добрался до города. Но никого из Ольховки здесь не было. Со временем трактирщик, он же местный конюх, взял Сэдрика в помощники.

За месяц жизни парни хорошо осели в городе, стали почти как местные. Благодаря дружбе Сэдрика с трактирщиком по имени Джон одну комнату они получили бесплатно — в ней Сэдик и Орвин и жили. Подкопив денег, смогли прикупить туники, штаны и обувь посвежее. Сэдик следил не только за приходящими и уходящими лошадьми, но и за своими, бережно ухаживая за ними. Орвин делал стрелы всё быстрее, а Гаррет обзавёлся любовными связями с местными девицами.

В один из таких обычных дней Сэдик проспал больше обычного. Ночь была слишком длинной для него, сон — прерывистым и сковывающим. На миг он успокоился, утонул в мягкой подушке, как вдруг — звон в ушах, как в тот день на стене. Дыхание замерло, будто он забыл, как дышать. Звон нарастал, становился невыносимым, а потом — тишина. «Огонь или пыль? Огонь или пыль?» Лицо, которое он увидел, принадлежало тому странному типу, что стоял у таверны в Реше.

Сэдик проснулся от криков Орвина. Тот тряс его и выкрикивал его имя.

— Это просто сон. Не бери в голову, — пробормотал Сэдик.

Утром Орвин ушёл раньше обычного, а Сэдрик проспал. В спешке натянув штаны и даже не надев ремень, он выбежал со второго этажа трактира. Джон ругал его, но Сэдрик, ехидно ухмыльнувшись, сорвал с его стола кусок хлеба и побежал в конюшню. На бегу он заметил, что народу с утра было необычно много. Некоторые — явно из знати: мечи, щиты, столы, заставленные едой. Но разглядывать гостей было некогда.

В конюшне было забито лошадьми. Сэдрик злился на себя: в такой ответственный день он умудрился проспать. Лошади были непростыми — за последнее время он научился не только крепко сидеть в седле, но и различать скакунов. Один жеребец выделялся сразу: полностью чёрный, широкий, с гривой гуще львиной, даже копыта покрыты густой шерстью. Сэдрик понял: прибыла знать, и не простая. Сердце сжалось, страх прибил ноги к земле. *«Что, если это те, кто был в Реше?»* — мелькнула мысль. Но он тут же отогнал её: *«Нет, не может быть»*.

Вечерело. Орвин зашёл проведать Сэдрика в конюшню.

— Эй, Сэд! — позвал он, застыв в дверях.

Сэдрик улыбнулся и кивнул в ответ, не отрываясь от скребницы — он чистил необычно крупного чёрного жеребца.

— Я сейчас в трактире был. Столько рыцарей, наёмников Гляжу, и лошадей полно. Не знаешь, что стряслось? А то мне не по себе. И Гаррета не видать. Сказать бы этому дурню, чтоб нос в таверну не совал, а то опять всё по-привычному пойдёт. — Орвин почесал голову, густо заросшую светлыми волосами.

— Понятия не имею, Орви. Мне сегодня продохнуть некогда. Пока всех вычесал, накормил, подковы проверил — уже вечер. Утром выбегал — людей было много, а что к чему без понятия.

Сэдрик говорил не оборачиваясь, сквозь мерный скрип скребницы по конскому боку.

— Сэд, может, пострижётся? Лица уже почти не видно. Ты ж всегда с короткими ходил. Хотя тебе идёт. И девки на тебя заглядываются — Гаррет аж бесится.

Орвин хохотнул.

— Жаль, бороды у меня нет. Не то что у вас с Гарретом. Ну, у того ладно — как у козла. А у тебя завидная. Густая. — Орвин почесал пустой подбородок. — Ну и ладно. Зато глаза у меня голубые. Не то что у тебя — чёрные, как камень.

Сэдрик замер. Скребница застыла в руке. *«Чёрные, как камень»* — эхом отозвалось в голове. На миг перед глазами встали чёрные снаряды, летящие на стены Реша, и грохот, и крики, и боль в ушах. Он моргнул. Конь под рукой всхрапнул, переступил с ноги на ногу.

Орвин заметил, как лицо друга на секунду окаменело. Стало неловко. Он понял, что ляпнул не то, хотя и не понимал до конца, что именно.

— Пойдём уже. Хватит чесать их.

Сэдрик медленно провёл ладонью по конскому боку и кивнул.

Вечером, после работы, Орвин и Сэдрик сидели за своим обычным столиком. Рядом устроились Джон, Майк и Стиви — местные работяги.

Оказалось, в городе Фелль скоро будет турнир, поэтому в округе полно рыцарей и наёмников. Атмосфера стояла напряжённая. Восточный колорит сильно разнился: есть Стрёмы — те любят выпивку, разврат и шумное веселье, а есть Милтоны — жестокие, грубые ублюдки. И таков весь Восток. Чем дальше на восток, тем больше стрёмовского духа, но здесь, ближе к Югу, обитала всякая мразь.

Компания тянула пиво, когда в трактир вошли трое. Двое мужчин, средних лет, выглядели как наёмники, но выправка выдавала в них настоящих рыцарей — из тех, что красуются на показательных турнирах. За ними шла девушка. Капюшон скрывал лицо, но было видно, что один глаз у неё закрыт повязкой. Пепельно-чёрные пряди выбивались из-под ткани.

Сэдрик скользнул по ним взглядом и отвернулся.

— Смотрите, точно говорю — пародистая сука, — хмыкнул Стиви, приложившись к кружке.

Орвин застыл, не отрывая глаз. Рот его слегка приоткрылся.

— Кажется, я влюбился.

Сэдрик только хохотнул и отпил ещё пива.

Трое незнакомцев прошли мимо столика, где сидел Сэдрик. Один из пьяных наёмников, что устроился напротив, — явно нажравшийся пивом, — вдруг вскочил и невнятным, заплетаящимся голосом выкрикнул:

— Вы чё это, продаёте шлюшку? Или сами долб—

Голова незнакомца слетела с плеч прежде, чем он успел договорить.

Глава 7

Старики и летописцы, рассказывают одну историю, историю о людях живших до В те времена, когда не было ещё ни Империи, ни лордов, ни самой памяти людской, в самом сердце континента возвышалась великая гора. В её недрах жил маленький народ — много ниже ростом, чем люди. Позже их назовут гномами. Они были искуснейшими мастерами камня и кожи, их изделия славились по всему свету. Они служили связующим мостом между народами, ибо море щадило только их. Гномы могли спокойно переплывать огромные расстояния, и ни морской змей, ни другие чудовища никогда не нападали на них. Почему — никто не знает до сих пор. Поговаривают лишь, что нынешние северяне, которым тоже ведомы безопасные пути, — дальние потомки тех, кто перенял древний секрет. Артефакты и сокровища, что выходили из-под рук гномов, были самыми желанными среди всех живущих народов. Говорят, однажды один из гномов нашёл самоцвет невиданной красоты. Его выкрал человек, впоследствии ставший отцом первого мага среди людей. Правда, это уже столь древние сказания, что в них почти никто не верит. Гора была неисчерпаема, армия гномов — невелика, но и угроз для них не существовало. Они жили и процветали, занимая центральное место на карте континента. На востоке же, в самом прекрасном лесу Халлерос, обитали эльфы — бессмертные, совершенные создания. Они были воинственны и непобедимы, и по древнему договору служили защитниками гномов. Мир взрослел. Люди научились не только убивать друг друга, но и выучили общий язык, начали торговать, строить политику. Эльфы, чьи дети рождались крайне редко, стали отправлять своих отпрысков обучаться у гномов — ведь те были лучшими строителями, рудокопами и знатоками всех ремёсел. Годы, десятилетия, столетия текли, как вода. Эльфийские дети росли среди гномов, и мир процветал. Всё изменилось в один день. В кузнице впервые раздался стук чёрного камня. Молодой гном Хелен и его друг-человек Патрик обнаружили в недрах горы новую руду. Её было так много, что находка требовала изучения. Они принесли кусок руды в кузню, положили на наковальню и, вместе держа молот, решили расколоть его. В тот же миг, когда молот ударил по камню, тучи затянули всё небо над континентом. Камень раскололся. Но из одного родился другой — с алым огнём внутри. Глаза Хелена и Патрика наполнились слезами счастья. Они не ведали, что натворили. Радость длилась лишь мгновение. В гору ударила не молния. Нечто в сотню раз сильнее молнии. Нечто, чему нет имени. Гора перестала быть горой — она превратилась в вулкан. Гномы, жившие в самом её сердце, погибли почти мгновенно. Те, кто уцелел — гномы, эльфы, люди, — бежали через тайные ходы и выходы, спасаясь от огня и тьмы. В тот день сила удара прошла по недрам горы, по корням земли, и мир содрогнулся. Эльфы, что были в тот час под горой, замерзли. Кровь их стала видна сквозь кожу, нити души засветились красным. Они не могли ни двигаться, ни говорить — лишь тряслись в припадках. Кожа их стала меняться, обривая другие краски, она становилась темнее полуночи, глаза, что были светлыми, зелеными то голубыми, стали серыми да черными, волосы их обесветились, взгляд их потемнел. Молодые но умелые новые Эльфы, схватились за оружие, искали они только одно, тот самый камень. Хелен, ударивший по камню, не долго думая бросил кузню и сбежал, спасая себя и свою семью. Но не Патрик, он же видел в камне величие, будущее его и его народа, положив его внутрь своей сумки, он пытался сбежать, но жадность сыграла с ним злую шутку. Камнем он не ограничился — набил сумки драгоценными самоцветами. Один из эльфов настиг его, пронзил мечом и забрал камень себе. Гномы, что уцелели, бежали на север. Там они погрузились на корабли, понимая: мир рушится на глазах, континент гибнет, а причины им неведомы. Они решили покинуть эти земли навсегда. Но злость за тот взмах молота не утихла. Она выплеснулась за пределы горы, и в море гномов встретил змей. Он уничтожил все корабли до единого. Так история гномов завершилась. Никогда более никто и нигде о них не слышал. Те же эльфы, что переродились во

тьме, были воинами от рождения. Но у гномов они успели научиться главному — управлять камнем. Любым камнем. Не было породы, которая не поддавалась бы их рукам. Жерло вулкана со временем уничтожило остатки горы, оставив лишь один огромный чёрный утёс. Мир, ещё хрупкий, начал возвращаться к обычной жизни. Но тьма уже пустила корни. Из чёрного камня эльфы возвели Замок — твердыню, чей ужас и чья красота покоряли сердце любого, кто осмеливался взглянуть на неё. Волнения среди эльфов леса Халлерос всё нарастали. Они чувствовали: сила, чуждая этому миру, вселилась в их детей и сородичей. Люди почитали эльфов, благословляли их. Долгие годы светлые эльфы учили людей владеть мечом, ковать уникальную эльфийскую сталь — редкую, ибо секреты её ушли вместе с гномами. Они делились знаниями и умениями, готовясь к неизбежному. Наконец, светлые эльфы собрали армию, чтобы раз и навсегда искоренить чернь, пришедшую из ниоткуда. Но не все люди были преданы эльфам из Халлероса. В Чёрном замке тоже жили люди, и власть их там не была скромной. Говорят, тёмные эльфы были не менее прекрасны, чем их светлые братья. Узоры на их телах сводили людей с ума. Слепые прозревали, глухие слышали — так прекрасны были эльфы на рассвете. И любовь в их сердцах ещё жила. Так зародился союз — брак между тёмным эльфом и человеком. Пока светлые эльфы и люди тратили годы на создание армии, на свет появился ребёнок. Первый обладатель Покрова. Здесь летописи обрываются. Кто-то явно пытался изменить историю — или вовсе стереть её из памяти. И ему это почти удалось. О том мальчике известно лишь, что, когда война наконец разразилась, он вышел в самую гущу битвы. Сражавшиеся с обеих сторон эльфы вдруг замерли — и покорились. Почему и зачем, не понять. Но, как гласят мифы, он подчинил себе разом и светлых, и тёмных. Светлые эльфы оказались в оковах. Тёмные стали вольными рабами, обречёнными вечно следить за лесом Халлерос и своими пленёнными братьями. Утратившие власть и силу, они сгнули в чащах. Люди, видевшие это, подчинились его воле, преклонили колени и признали юного мальчика своим Богом и Королём. На шее его в тот день висел тот самый роковой камень. — Теперь уж и не знаешь, была ли правда в том или всё это — сказки такого старика, как я. Но могу сказать точно: мир не был бы так стабилен, учитывая силы, что существуют в наших землях. Один человек создал новый мир, а другой разрушил старый. Старый историк и летописец сидел за столиком в таверне, окружённый учениками, и рассказывал им истории давно минувших дней. Вдруг позади раздался громкий крик. Старик обернулся — и лицо его обрызгало кровью от срубленной головы. Сир Вальд Огненный, с густыми рыжими волосами, не дал мужчине, оскорбившему честь Аугрид, договорить. Голова слетела с плеч прежде, чем кто-либо успел понять, что произошло. Из ниоткуда возник запах железа, а следом — тишина. На миг таверна замерла. За столиком, где сидел теперь уже безголовый наёмник, трое его собратьев вскочили, обнажив мечи. Другие столы тоже не остались в стороне. Орвин привстал, но Сэдрик тут же одёрнул его вниз. Он понял: Орвин хочет вступить за незнакомку, но это была бы глупая затея. Два рыцаря, охранявшие Аугрид, схватились за мечи. Сир Вальд уже держал клинок, покрытый кровью, и та медленно стекала на деревянный пол таверны. Второй страж взялся одной рукой за ножны, а второй — за черенок меча. Аугрид стояла спокойно, опустив голову. — Что тут, сука, происходит? — раздался от входа хрипловатый голос. В дверях стоял мужчина. — Вы что, бойню решили устроить? Забыли, сучьи дети, где находитесь? Он перебирал челюстями, будто пережёвывал слова. За его спиной хлопала входная дверь — казалось, вот-вот начнётся резня. Одет он был в серое, лёгкое, с плащом, и выглядел убедительно. — Вы, мрази, будете смотреть в пол, пока я лично не начну вырывать вам рёбра заживо, если сейчас же не успокоитесь! Он плюнул вперёд, в сторону Аугрид. Рыцари, защищавшие принцессу, сделали полшага к нему, но она вдруг положила руку на плечо сира Вальда. Тот сразу остановился, убрал меч в ножны. Второй рыцарь тоже убрал руки с оружия. — Отродье, — процедил мужчина в плаще, повернув голову вправо. Там, в тени, стояли ещё двое разбойного вида. — Собрались и вышли отсюда. Вы и ваши побратимы. Без слов, без лишних движений. Он отступил от двери и провожал взглядом

всех, кто покидал таверну. Его глаза неотрывно следили за рыцарем, убившим наёмника. Губы шевелились, он тихо бормотал что-то себе под нос.— Госпожа Аугрид, мне не говорили, что вы направляетесь в наши скромные края. Чувствуйте себя как дома. Дом Альфреда Ханссена — ваш дом. Пожалуйста, вам нечего делать в таком месте. Эй, Джон! Извини наших гостей! Он швырнул серебряную монету в сторону Орвина. Та со звоном упала на пол, откатившись к его ноге.— Приберитесь тут, чтобы всё было чисто! Аугрид сняла повязку и откинула капюшон. Обернувшись, она скользнула взглядом по залу и вдруг замерла, встретившись глазами с Сэдриком. Ей показалось, что она уже видела эти чёрные, как камень, глаза. Чувство было мимолётным, обманчивым, но по сердцу будто лисьим хвостом провели — нежно и тревожно. Сэдрика прошиб холодный пот. Он вцепился одной рукой в край стула, побелели костяшки. Сердце забило так, словно вот-вот выскочит из груди. В ушах зазвенело. А через секунду на всю таверну раздался глухой стук — это его голова безвольно ударилась об стол.

Глава 8

— Сэдрик! Сэдрик! — Орвин тряс его за плечи, теребя из стороны в сторону. Сэдрик был в полубоморочном состоянии, голова безвольно моталась. Он с трудом разлепил веки, поднял голову и увидел перед собой девушку с пепельными волосами и кошачьим зрачком в левом глазу. Аугрид. Теперь он знал её имя. Она стояла вполоборота к нему, протягивая флягу с водой. — Принцесса Аугрид, не стоит задерживаться здесь и тратить время на сброд, — проговорил всё тот же незнакомый мужчина. Он стоял у входа, облокотившись на дверную створку. — Не переживайте, милорд Эрик. Этот молодой человек — мой знакомый. Ухмылка на её милом лице больше напоминала что-то доброе, нежели высокомерие. Сэдрик этого жеста не оценил. В этот раз он не стал брать воду. Орвин вцепился в друга ещё сильнее и переводил ошарашенный взгляд с неё на него. Его удивлению не было предела. Сэдрик только что отказался от помощи принцессы — самой красивой девушки, которую он когда-либо видел. «Они знакомы?!» — в голове Орвина роились тысячи вопросов. Но Сэдрик молча поднялся и, не глядя ни на кого, покинул общий зал. Он поднялся на второй этаж, в их с Орвином скромную обитель. Орвин поспешил за ним. Лорд Ерик, вассал Альфреда Ханссена, управлял местными землями. Небольшой вассал с крепкими рукавицами — все в округе его уважали и боялись. Славился он своими казнями: вырывал из преступников рёбра заживо, пока те не умирали, а тела оставлял на съедение птицам. Это Сэдрику и Орвину позже рассказал старый трактирщик Джон. Аугрид и два её верных рыцаря отправились в пригородный замок, где располагался лорд Ерик. Внутри царил уютная атмосфера, было очень светло. Пахло малиной и какими-то незнакомыми цветами. Аугрид по-детски умилилась, вспомнив рассказы о жестоких казнях хозяина. «Видимо, в каждом жестоком человеке есть что-то, напоминающее о свете, — подумала она. — Интересно, есть ли такой свет в моём дяде?» Рыцарей она отпустила отдыхать в отведённые им покои — здесь она чувствовала себя в полной безопасности. Аугрид и лорд Ерик отведали вкуснейшее рагу, приготовленное его женой Мариной. — Милорд, как вы узнали, что я прибыла в Фьелль? — спросила Аугрид с набитым ртом, спешно прожёвывая. — Госпожа, шлейф вашего прекрасного аромата слышен аж из крепости в Фелле, не говоря уж о нашем скромном городке. Не забывайте, я — вассал лорда Ханссена. Всё, что происходит в наших землях, мы знаем до того, как оно произойдёт. — Ерик засмеялся и хлопнул проходящую мимо жену по задку. Аугрид стало неловко. Она сделала вид, что ничего не заметила. Ещё немного побеседовав, Ерик пообещал сопроводить принцессу к основному замку Фелль через несколько дней, а пока предложил располагаться и отдыхать с дороги. В один из Вечеров, глядя в окно, Аугрид засмотрелась на закат. Он был алым, прекрасным, заливающим небо густой краской. Она облокотилась щекой на ладонь и представила, как летает там, высоко-высоко. «Эх, вот бы улететь отсюда подальше», — подумала она. И тут ей пришла мысль: «А что, если?..» Она быстро собралась, оделась как можно проще, чтобы не выделяться. Ночь в этот раз была её союзницей. Городок не считался опасным, и вряд ли кто-то теперь осмелился бы ей навредить. Она решила навестить Сэдрика. Её мучил один вопрос: почему он так показательно отказался от воды? Это оскорбило её. Юношеские порывы, неопытность в общении со сверстниками — её тянуло к ним, хотелось понять. Войдя в таверну, она сразу ощутила, как уютный запах замка сменился смрадом. Всё ещё пахло застывшей кровью и немного дерьмом — явно не лошадиным, а какого-нибудь пьяного трудяги. Но пол был чист, и трупа здесь уже не было. Она была приятно удивлена. Трактирщик Джон сразу узнал девушку. — Госпожа, вам здесь не место. Может, лучше — Господин, успокойтесь. Сделайте милость, представьте, что я просто горожанка. И пусть всё это останется между нами. — Аугрид мило посмотрела на трактирщика снизу вверх. Джон не мог перечить принцессе. Он не знал, как правильно поступить, и был вынужден сделать, как велено. В этот день Гаррет должен был принести половину

своей зарплаты, чтобы отложить в общий котёл. Периодически они менялись: иногда ходил Сэд, иногда Орвин, иногда Гаррет. Так у них копился общий бюджет.— Эй, Джон! Где мои придурки? ЭЙ, ПРИДУРКИ, СПУСКАЙТЕСЬ! ВАШ ХОЗЯИН ПРИШЁЛ! — громко, в две ладони, заорал Гаррет. Таверна была практически пуста — рыцари уже ушли дальше на восток, к Феллю, и атмосфера стала обычной. Гаррет обратил внимание на девушку, скромно сидящую в углу, где обычно сидели Сэдрик и Орвин. Он показательно подошёл к ней, поправляя нелепо свисающую чёлку.— Привет. Ты, наверное, подружка Сэдрика? А? Только он присел и начал закидывать руку, придвигаясь к Аугрид, как вдруг почувствовал грубую мужскую ладонь у себя под носом. Кто-то схватил его за рубаху и сдёрнул со стула.— Ты что, охренел, балбес?! — грозно наорал Джон на Гаррета. — Я на секунду отошёл, а ты уже лишился головы! Пошёл прочь, наверх! Аугрид рассмеялась в голос. На крики Джона спустился Сэдрик.— Что тут происходит? Опять ты, Гаррет? — ехидно ухмылялся Сэд. Он подошёл к Гаррету и помог тому отряхнуться от пыли.— Гаррет, ты как всегда. Хватит докучать Джону. Если бы не он, не знаю, что бы мы делали, — бережно проговорил Сэдрик, положив руку другу на плечо.— Брат, да я просто увидел её, — Гаррет ткнул пальцем в сторону принцессы, — хотел познакомиться. Старина Джон хлопнул его по руке и уставился прямо в душу. Гаррет аж просел под этим взглядом. Сэдрик обернулся и снова увидел её.— Понятно. Гаррет, иди наверх. Пожалуйста.— Но!..— Без «но». Иди, прошу тебя. Джон кивнул в поддержку слов Сэдрика, взял Гаррета за рубаху и поволок в сторону лестницы.— Джон, нальёшь пива?— Налью лучше вина. Вчера вечером был привоз. — Он позволил себе ехидную улыбку и лисий взгляд. Сэдрик сел напротив Аугрид.— Я так понимаю, ты здесь не пиво пить?— Нет, не пиво. Я вообще никогда такого не пила. Мне налили вино, это так вкусно оказывается! — Она держала огромную кружку у самого носа двумя бледными, тонкими руками.— Что тебе нужно? Или как я должен обращаться? Простите меня, принцесса, что вам нужно? Моя голова? Решили всё-таки убить всех? — Сэдрик облокотился обеими руками на стол, подался вперёд и пристально уставился в её необычайно красивые глаза.— Как банально. Нет. Решила спросить: почему ты отказался от воды? Я что, тебя обидела? Сэдрик только приоткрыл рот.— Нет, ну ты просто такой наглый! Вообще-то я принцесса Аугрид Ашаверская, вторая наследница трона из правящей династии. Рядом со мной стоят два моих рыцаря, а ты отказываешься от воды! Ты кто такой? — насупилась принцесса. Вино, судя по всему, уже дало первый эффект: щёки покраснели, речь стала чуть невнятной.— Я Сэдрик. Я никто для вас, принцесса. Прошу меня простить за — Он не успел договорить.— Хватит, пожалуйста. Я пошутила. Просто мне стало обидно, что ты так сделал. Мне любопытно: что ты видишь перед собой? — Аугрид отставила кружку и отвернулась, скромно глядя в сторону. Сэдрик растерялся. Что ей сказать? Тяжело сглотнув, он начал, почёсывая затылок:— Ну, э-э Девушку вижу. Ну, красивую девушку, да Принцесса, как ты сказала из откуда? Робко, с потрескавшимися губами, он проговорил это почти шёпотом. После его пламенной речи Аугрид залилась смехом.— Подстригись. И убери эту бороду. Тебе не идёт. Тогда, в саже, весь чумазый, тебе было лучше, чем сейчас.— Вообще-то девушкам нравится— Каким? Которые коров доют? — снова засмеялась Аугрид. В таверне остались только они двое. Джон делал вид, что его нет, иногда подглядывая из угла.— Что ты будешь делать дальше? Жить здесь? У вас неплохо вышло, кажется, за такое-то время. — Аугрид стала серьезнее.— Не знаю. Наверное, да. Обживёмся здесь, а там видно будет.— Но разве это для тебя? В твоих глазах я вижу огонь. Не позволяй ему угаснуть. Мой огонь, увы, не мой. — Она продолжала прихлёбывать вино после каждой фразы и выглядела уже изрядно выпившей. Сэдрик отодвинул её кружку подальше.— Хватит, принцесса. Этого правда хватит.— Но я ещё хочу! — Достаточно. В таверну вошёл Орвин с огорчённым видом. Заметив за столом Сэдрика и ту самую Аугрид, он чуть посветлел лицом и присел к ним.— Здравствуйте, моя госпожа. Я счастлив вас здесь видеть. Что привело вас сюда? — с деланно важным видом влез в разговор Орвин. Сэдрик ошеломлённо уставился на друга, будто видел его впервые.— Да вот, думала,

может, вы проводите меня до турнира, сир как вас там? — Ухмылке на лице Аугрид не было конца.— Госпожа, какой же я сир? Так, всего лишь оруженосец сира Альберта Младшего. — Орвин приподнял бровь и слегка откинулся назад. Улыбка тут же сошла с лица Аугрид. Она поняла, о каком Альберте речь.— Орвин, если вы были оруженосцем и ваш рыцарь, как я знаю, погиб Вы могли бы на этом турнире побыть оруженосцем у моего рыцаря. Как вам идея?— ЧТО?! — возмутился Сэдрик. — Нет, какой турнир? Какой оруженосец? НЕТ! НЕТ! — Он всё не унимался. — Ты был оруженосцем всего один день! Орвин же просиял.— Это честь для меня. Меня как раз сегодня уволили. Заниматься больше нечем. Охотники мои ушли в другие края, а мне с ними путешествовать не хочется — не моё это. Так что я только «за», моя госпожа. Внезапно со второго этажа, перемахнув через перила, спрыгнул Гаррет.— Турниир!! — заорал он, вскинув обе руки вверх от радости. Лицо Сэдрика нужно было видеть.«Надеюсь, она пьяна и не вспомнит об этом ужасе», — только и успел подумать он. Днём позже молодая принцесса прибыла за конями вместе со своими рыцарями и свитой лорда Ерика. Она велела одному из временных слуг позвать троих друзей. Гаррет так и остался в таверне, дожидаясь принцессу, — как оказалось, он уже несколько дней как лишился работы, переспав с дочкой мельника. Сэдрик, ничего не подозревая, как обычно возился в конюшне. Аугрид сообщила ему очень «приятную новость»: она ничего не забыла. Сэдрик долго раздумывал, стоит ли ему идти с ними, но он не мог оставить друзей одних — так он убеждал себя всю дорогу, стараясь не думать об иных причинах своего согласия. Так они и покинули городок, понимая, что больше сюда не вернуться. Не вернуться как помощник мельника, сборщик стрел и молодой конюх.

Глава 9

Свита принцессы была внушительна: лорд Ерик с двадцатью лучшими мечниками, два Ворона — одним из них Вальд Огненный, нынешний наставник Орвина. Они шли по дороге к городу Фелль. Путь был не самым долгим, но занимал не меньше недели. Земли Востока на континенте были самыми обширными — владения одного правителя тянулись на недели, а то и месяцы пути. Всё походило на то, что Сэдрик и Гаррет оставались всего лишь прислугой, шлейфом тянувшейся позади господ и Орвина. Орвин же не отходил от Вальда ни на шаг. Как утверждал сам Орвин, это сир Вальд не отпускал его от себя, предупреждая об опасностях турнира и обучая основам. Близость рыцаря к принцессе позволяла Орвину находиться рядом с ней, и это его радовало. Иногда он даже слышал обрывки её разговоров, восхищаясь красотой, манерой речи и харизмой. Для неё же он был не больше чем тень в полдень. — Не замечаешь? Орвин-то — серьёзный какой, деловой. Влюбился пацан, — Гаррет мял в руках кусок хлеба. Они с Сэдриком лежали на лугу. Очередной привал затянулся на несколько дней. Хотя дорога была не слишком долгой, ночного привала обычно хватало. Однако переход от Фелля к Феллю пролегал через большой Мост Великанов, построенный ещё при первом Ханссене. Юго-восток — местность холмистая, извилистая, полная ручьёв и водопадов, и самый быстрый путь лежал именно через этот мост. Под мостом проходил Пролив Слёз. В плохую погоду идти там — самоубийство. Но, как сказал лорд Ерик, вряд ли бор продлится больше дня и ночи. Сэдрик, с соломинкой в зубах, закинув ногу на ногу, глядел в небо. — Да, влюбился, это точно. Не знаю только, в неё или в рыцаря, — язвительно подшутил он. Гаррет оценил шутку. — А что мы будем делать там, Сэд? Может, тоже пойдём в оруженосцы? Орвина взяли, и нас возьмут. — Ну не знаю. Не моё это. Да и зачем? Да и кому служить? Так много вопросов, Гар. Честно сказать, я вообще не понимаю, почему мы тут. Зачем он согласился? То есть я понимаю, почему он. Не понимаю, зачем мы. С другой стороны — Эй, эй, эй! — прервал его Гаррет. — Давай вот без этих твоих. Ты когда начинаешь, тебя не остановить. Расслабься. Он наш брат. Куда он — туда и мы. Куда ты — туда и мы. Гаррет звучал убедительно. Он сидел, прижав ноги к себе, и смотрел на Сэдрика, полностью погружённого в свои мысли. — А если Орвин пойдёт налево, а я — направо. Куда ты пойдёшь? — Сэдрик повернул голову и пристально уставился на Гаррета. Гаррет закончил свой монолог, встал и легонько пнул Сэдрика по ноге. Улыбнувшись, он одобрительно кивнул ему. День проходил гладко. Буря под мостом не утихала. В лагере стоял приятный запах мяса и пряностей. Люди бегали в лес по грибы к ужину, костёр разгорался сильнее, придавая мясу ещё более густой аромат. Изобилие птиц в этих лесах создавало свою атмосферу: гармоничное пение смешивалось с доносящимся издали грохотом брёвен и волн, бьющихся о Мост Великанов. Время здесь остановилось для Сэдрика. Время подумать. Решить. Появились странные чувства, когда он думал о ней. Но было не очевидно, что это за чувства. Орвин, который всегда был балансом между безрассудством и смирением, сам стал чем-то другим, чем-то далёким. В лагере повечерело. Господа и рыцари поужинали, после за еду взяли слуги. Вечер был не менее тихим и спокойным. В лагере горело лишь несколько факелов, а мечники лорда Ерика патрулировали окрестности. Единственным врагом в этих местах были дикие животные, что крайне маловероятно во время бора. Но ради безопасности они всё равно бродили по лесу. Гаррет продолжал свою работу грузчика: переносил брёвна, мусор, всё, что прикажут. Сэдрик же, как обычно, ухаживал за лошадьми. Вечером, вычёсывая в очередной раз коней, он среди запаха навоза, сена и кожи почувствовал знакомый аромат — сладкие лилии. — Последний наш разговор был в конюшне. Теперь я ваш конюх? — Сэдрик не отводил взгляда от лошади. — Я просто хотела вытащить вас из этой утопии. Ты то есть вы мне показалось, что вы созданы для чего-то большего. — Да? Поэтому я опять здесь? Чувствую себя собачонкой, бегающей за куском хлеба, — угрюмо, с ноткой обиды, ответил Сэдрик. — А

что ты ждёшь от меня? Я не могу взять вас за ручку и побежать впереди всех. Я и так сделала то, чего не стоило. Даже сейчас я тут, с тобой. Был бы здесь мой отец или дядя — Аугрид резко замолчала. Она стояла за спиной Сэдрика, в двух лошадах от него, и вдруг схватилась рукой за голову, слегка закрыв лицо. — Не знаю даже. Может, я правда делаю глупости. Что со мной происходит, Сэдрик? — Не знаю. Может, тебе Орвин понравился? Другой причины я найти не могу. Аугрид опешила. Сэдрик обернулся и, глядя ей прямо в глаза, произнёс это. Она несколько секунд переваривала его слова, а потом залилась звонким смехом, но тут же зажала рот обеими руками. — Ну и скажешь же ты! Умора! — А что не так? Я думал Аугрид не дала ему вставить ни слова. — Если бы ты думал, Сэдрик, ты бы такого не сказал. В её голосе явно слышалась обида. Сэдрик лишь насупился и не стал спорить с принцессой. Аугрид поняла, что разговор не задался, махнула прядью волос и ушла. Поздней ночью лагерь уже практически полностью уснул. Пара дозорных, столько же факелов. В палатке Сэдрика не хватало Гаррета — рыцарь Вальд попросил его о помощи: что-то принести, отнести. Скорее всего, Гаррет там и уснул. Сэдрик же, как обычно, засыпал тяжело. Дурные мысли и далёкий, всё ещё не утихший звон в ушах мешали ему. Он гонял тревожные думы: правильным ли путём они идут? Как же мало он знает об этом мире. Снаружи послышались шаги. Сэдрик решил, что это возвращается Гаррет. Но каково было его удивление, когда шторка палатки приподнялась и на цыпочках вошла Аугрид. На ней была лишь ночная рубашка — мягкая, прозрачная, почти не скрывающая в темноте её красоты. Волосы распущены, а взгляд устремлён явно не на его лицо. Сэдрик испугался. Дыхание участилось. Он приподнялся, встречая её в полусидячем положении. Аугрид медленно приближалась. — Что ты тут делаешь, Аугрид? — отодвигаясь, нервно проговорил он, упёршись спиной в балку палатки. Он попытался привстать, опираясь руками в землю. Тело приподнялось, но Аугрид села на его ногу, коленом уперевшись ему в пах. Сэдрик ощутил тепло — её ноги были слегка раздвинуты, а под ночной рубашкой не было ничего. Она обхватила его ногу своими, и тепло почувствовал не только он. Аугрид тоже ощутила, как под тонкой тканью его штанов происходит что-то, чего она раньше не чувствовала и не видела. — Аугрид — голос его дрожал. — Что ты делаешь? Сердце стучало громче слов. — Я не знаю. Хочу тебя, кажется, — робко, стесняясь, прошептала она. Она медленно, хаотично двигалась вперёд-назад, потираясь о его ногу, положив обе руки ещё выше — так близко к тому месту, куда её безумно тянуло. — Так нельзя, Аугрид. Ты и я — это невозможно. — Ты не хочешь меня? — Я? Я не знаю. Точнее, конечно, хочу. Ты Пожалуйста, не делай того, о чём можешь пожалеть. — Он мягко убрал её медленно приближающиеся руки. — С чего ты взял, что я пожалею? Хватит думать! Просто сделай это со мной, я этого хочу! — громко и требовательно заявила она. Но Сэдрик остался холоден в своём решении. Ещё секунда — и он сорвал бы с неё всё. Он хотел её больше, чем она могла предположить. Его сердце и глаза говорили всё за него. Он безумно возжелал её, но смог устоять перед диким, животным порывом. — Прощу тебя, уходи. Для тебя это всё игры, но не для меня. — Сэдрик вырвался из её влажных и тёплых объятий. — Ты прекрасна. И ты обязательно будешь с принцем своей мечты. Глаза Аугрид наполнились слезами. Сердце в миг было разбито, душа опустошена. Но в голове наступила ясность: она совершила необдуманый поступок, сама не понимая, что творит. Отчасти благодаря Сэдрику. Она в спешке начала покидать палатку. — Аугрид, прости меня. Ты, возможно, единственное, что заставило меня тогда встать. И единственное, что мотивирует меня идти дальше. И — Он покраснел, прикусил губу до крови и, стесняясь, глядя на её поясицу, ждал, пока она обернётся. Аугрид стояла спиной, замерев в ожидании конца его фразы. — И?! — вырвалось у неё. — И не только, — трясущимся голосом произнёс он. Аугрид улыбнулась, издала короткий смешок, смахнула слёзы и убежала к себе. На утро шторм в проливе утих. Лагерь собрался, и путь продолжился. В дороге всё вернулось на круги своя: Гаррет и Сэдрик дурачились, пародировав идущих впереди господ, и беззлобно шутили. Через несколько дней пути их встретил город. Вдалеке показались высокие стены замка Фелль с широкими, огромными башнями, внутри

которых размещались военные сооружения. Город был очень большим — таких Сэдрик никогда не видел. Реш казался ему крупным, но здесь всё было иначе. Жизнь кипела. Рынки, мимо которых они проходили, ломались от людей и товаров, дома вздымались на три этажа, голова шла кругом от обилия лиц и звуков. Миновав окраины, процессия приблизилась к основной части города. Затрубили рога. — Встречайте лорда Ерика, лорда Фелля! — прокричали стражники. Горожане расступились. Сэдрик, хоть и плёлся в самом хвосте свиты, всё равно чувствовал себя важным. Ему, простолюдину с земель, что ещё недавно считались вражескими, уступали дорогу, как герою. Миновав первые ворота основного города, он замер, поражённый. Дома здесь были сложены из серого камня, крыши крыты зелёной черепицей. Люди одеты лучше, чем он когда-либо видел, — казалось, каждый горожанин здесь господин. Даже в городе пахло приятно. Не то что за стенами, на окраинах, где обитали кожевники и прочий вонючий люд. Внутри стен, в самом Фелле, жили те, кто пользовался благами богатого города. Фелль добывал для Империи немало ресурсов и, хоть и был далеко не самым богатым городом Востока, само расположение этих земель позволяло его обитателям жить в достатке. Сэдрика и Гаррета, как и остальную прислугу, разместили в гостевом доме замка. Принцесса и рыцари были поселены в самом замке. Орвин тоже оказался там — хотя обычно оруженосцев так далеко не пускают, сир Вальд настоял: ему были важны духовно связующие факторы. Аугрид была вынуждена отправить голубя отцу, сообщить о своём прибытии. Тот, конечно, и так давно всё знал, но формальности оставались обязательными. О победе при Реше отец уже тоже был осведомлён. Гаррет и Сэдрик фактически остались без работы. Местному конюху отдали лошадей, а Гаррет в целом был не особо полезен. До турнира оставалось ещё дней пять. Орвин навестил друзей. Они сходили в местную городскую таверну, выпили немало вина. Орвин без умолку говорил о принцессе, а друзья перебивали его и спрашивали обо всём, кроме неё. Интересы в их разговорах не сходились. Правда, один из них хотел слушать только о ней, но не подавал виду. Орвин попросил Гаррета помочь на турнире: переносить турнирные копыя сира Вальда. Их было немало, и они были нелёгкими — плюс щит, доспехи, оружие. Сир Вальд относился к этим вещам с трепетом, а к турнирам — как к чему-то божественному. Гаррет, конечно, согласился. Для Сэдрика же, к его сожалению, ничего не нашлось. Однако через день и ему предложили работу на турнире. Правда, на сей раз странную — виночерпия. Один из слуг замка лично явился к Сэдрику и сообщил, что по решению принцессы его назначили разливать вино в ложе лорда и принцессы Аугрид. Вопрос был риторический, отказывать — нельзя. Разумеется, он согласился. Сэдрика тут же оторвали от Гаррета и увели обучаться искусству разливать вино. Гаррет остался в гостевом доме, ожидая турнира. Хоть должность виночерпия и считалась высокой, здесь Сэдрик выполнял роль простого разливалы. Дегустировали вино другие люди, заведовали процессом тоже. Но в ложе лордов стоять должен был именно он. В его сердце разыгралась буря эмоций. Опять его используют. Опять показывают власть над ним. Аугрид, пользуясь своим статусом, помыкает им. Если она скажет плясать — его оденут шутлом и заставят. Злость брала верх. Но потом приходили другие мысли. Воспоминания о палатке, её глазах, её губах «Может, она хочет, чтобы я был рядом?» Дни шли. Жизнь среди придворных Сэдрика не радовала. Повсюду шёпот, обсуждения господ и не только. Каждый шептался о своём. Змей в замке было больше, чем в логове. Точнее, само змеиное логово и было замком. Вернулся и Альфред Ханссен, правитель Фелля. Он был на охоте и вернулся с большим мёртвым оленем. Поспешил приветствовать Аугрид. Мельком Сэдрик увидел молодого лорда — высокого, с короткими волосами и яркими глазами. Позже он услышал, как шушукались повара: Стрём хотел женить Альфреда на Аугрид ещё давно, когда она была совсем ребёнком. Но Ашаверы не отступают от законов своих предков, и такой союз невозможен. Турнир делился на три разных вида сражений, был конная сшибка копьём, сражение мечников, и схватка борцов. В схватке была классическая турнирная сетка как и у мечников, у мечников было правило падения или смерти в бою, пощадить или добить принимал решение уронивший или ранивший

рыцарь. Между благородными рыцарями из Династий и не только, было негласное правило не добивать, если же упал рыцарь, то он побеждён. А вот в конной сшибки, тут всё иначе, сбивая с коня, бой не окончен, упавший с коня может просить боя в пешем бою, где одобрение даёт уже лорд, в таком случае, рыцари сражаются, в момент конной сшибки, рыцари одеты тяжёлым доспехом, и передвигаться и сражаться им очень тяжело, ранить другого тоже дело не лёгкое, доспех крепкий, тяжёлый. Но в случае если как у мечников, рыцари договорились, то тут история другая, раньше было принято, сшиб - выиграл. Но рыцари гвардии династии Ашаверов, участвующие в турнирах, они всегда просят боя после сшибки, даже побеждая, зачастую могут просить боя, и в большинстве случаев, если их соперник не сын местного или известного лорда, им разрешают. И они бьются пока не убьют своего соперника, поэтому их ненавидят многие лорды, они погубили не мало их детей, и договориться с ними невозможно. Сэдрик думал о турнире как о главе в жизни, закончится турнир и всё по новой, Аугрид не возьмёт их с собой, она не может, и не нужно им туда. Много вопросов ещё витало над Сэдриком, и всё меньше ответов находилось. За несколько часов до турнира, проходя по опустевшему замку — его послали за хрустальной украшенной вазой, из которой наливали вино для Альфреда Ханссена, — он заметил в слегка приоткрытой двери сидящую в одной из комнат Аугрид. Сэдрик прижался к стене, надеясь услышать разговоры и понять, почему она здесь, а не в ложе. Но звуков не доносилось. Он заглянул одним глазком — она просто молча сидела, уставившись в стену, витая где-то в собственных мыслях. Сэдрик постучался и медленно вошёл. Аугрид встрепенулась, обернулась и, увидев его на пороге, очень мило улыбнулась. — Привет, — с опаской, оглядываясь по сторонам, вполголоса проговорил он. — Привет, — ответила она, не отводя от него глаз. Аугрид встала и медленно направилась к нему. — Что ты тут делаешь? Тебе нужно быть в ложе с лордами. Она не ответила. Подошла вплотную, положила ладонь ему на щеку и нежно, медленно поцеловала. Сэдрик окаменел. Будто стрела пронзила сердце. Как говорить? Как дышать? Что вообще делают в такой ситуации? Пока все эти мысли вихрем пронеслись в голове, Аугрид молча ушла.

Глава 10

Сэдрик лицезрел происходящее с лучших видов. Турнирная площадь была огромна, ложа находилась низко — так низко, что слышно было, как рыцари бормочут в своих громадных шлемах. Места забили под завязку, людей собралось великое множество — все хотели увидеть грандиозный турнир в честь десятилетия сына лорда Милтона. За короткое время Сэдрик узнал многое. Альфред и Милтон — родные братья, но находятся практически на пороге войны. Альфред — добрый правитель, не напыщенный, больше политик, охотник, поэт. Милтон же — настоящий вояка, рыцарь и братоубийца. Ещё в детстве, играя в летнем замке семьи, он задушил старшего брата голыми руками. Теперь Милтон — правая рука Оскара Стрёма, по сути генерал армии Востока. Оскар тоже воевода, но слушает Милтона. Эти двое держат Восток в крепких руках. При любых волнениях мелких лордов Милтон отправляется грабить и убивать, уничтожая бунт в зародыше, не давая ему даже увидеть луч надежды. Альфред же — один из провокаторов Востока. Он не поддержал Оскара, когда того призвала Империя, считая, что подобные войны можно решать без кровопролития, что всему голова — язык. Оскар принял оскорбление спокойно, не стал лишать Альфреда земель и жизни, хоть тот и его вассал. Милтон проигнорировал решение брата, но все понимали: когда Милтон вернётся с войны, он обязательно навестит брата. Турнир, возможно, был надеждой смягчить углы перед приходом старшего. Рыцарский турнир начался. Глашатай кричал, рога трубили, барабаны стучали. — Прошу внимания, доблестные рыцари! Рыцарь из Династии Стрёмов — сир Лансель Стрём, прозванный Золотым! Сир Вальд Огненный, Рыжий Рыцарь, Ворон и личный охранник госпожи Аугрид Ашаверской! Люди хлопали стоя, выкрикивая имя Вальда — любимчика многих. Хлопали и принцессе, которую никогда в глаза не видели. Большинство и Вальда-то не видело. — Также из благородных Династий — последний выживший из своего рода, Маркеллий Августинский! Вечная память их рыцарскому дому! Публика загудела, освистывая рыцаря, явно не желая его видеть. Глашатай перечислял всех, кто стоял напротив ложи лордов. Красивые брони были на каждом — лучшие на Востоке. Шлемы украшены, плащи расправлены. Шлем Вальда венчали огромные рыжие крылья по обе стороны — выглядело это невероятно эффектно. — Первое состязание! Лучшие рыцари выйдут на поединок с копьями! Сир Лансель Золотой и-и-и сир Каллен Смешной! Первая же схватка оказалась совсем не тем, к чему готовился Сэдрик. Подливая в очередной раз вино Альфреду и поглядывая то на Аугрид, то на рыцарей, он услышал столкновение и внезапную тишину публики. Подняв глаза, он увидел, как рыцарь Каллен, откинувшись назад в седле, держится обеими руками за горло, пытаясь что-то прикрыть, дёргаясь в конвульсиях. Сэдрик заметил кровь. Через несколько секунд упавший с коня Каллен перестал двигаться. Копьё сира Ланселя треснуло при ударе, и несколько отлетевших щепок пронзили шею рыцаря. Шлем Каллена оказался недостаточно удлиненным для такого поединка. Сир Каллен погиб. Бурю оваций сорвал Лансель — красивый, худощавый рыцарь в среднем доспехе, с личным рисунком розовой розы на протянутой ладони. Дальше был сир Вальд. Он опрокинул очередного противника с такой лёгкостью, что публика едва не заскучала, но всё равно одарила его аплодисментами. Бой за боем, удар за ударом. — Прошу внимания! — неожиданно выкрикнул глашатай. — У нас новый участник! Второй Ворон принцессы Аугрид — Карл Молчаливый, родной брат сира Ульрика! Против него в первом поединке выйдет приезжий из далёких краёв, смельчак с Севера! Его имя — Мортен! Публика заревела. Имя ничего не сказало толпе. Для них он был просто дикарём. Слева на коне восседал Карл — в шикарной броне, переливающейся от чёрного к фиолетово-красному. Шлем его напоминал язык пламени, копьё было чёрным. Цветы летели к его ногам с трибун, толпа жаждала увидеть его в деле, кричала убить дикаря. Никто прежде не видел в деле северного наёмника, и все предвкушали его гибель. Напротив же вышел абсолютно простой человек. Его доспех напо-

минал обломки с телеги, кое-как стянутые воедино. Всё было потёртым, убогим. В ложе лорд Альфред возмущился — как такого вообще допустили в подобном виде? Лёгкая броня, копьё, направленное в грудь, пробьёт её без труда. Схватка началась. Рыцари схлестнулись посередине. Северный дикарь за счёт скорости и лёгкости своего доспеха увернулся от прямого удара, но сам промахнулся, не задев Карла. Карлу помогал Орвин — теперь уже обученный Вальдом оруженосец. Прискакав к Орвину за новым копьём, Карл отбросил старое и резко остановился. Орвина не было видно за пылью, поднятой конём, но из облака пыли вылетело огромное копьё прямо в руку рыцаря. Карл рванул вперёд, набирая внушительную скорость. Казалось, для дикаря всё кончено. Но его конь был не хуже — пусть и с задержкой, они столкнулись вновь. Вокруг повисла гробовая тишина. Пыль поднялась столбом, и многие не понимали, что там произошло. Скорость коней была серьёзной. Когда пыль осела, сир Карл лежал у перил. В ярости сорвав с себя шлем и поднявшись на ноги, он, ни у кого не спрашивая, выхватил меч и двинулся на дикаря. Тот, не медля ни секунды, спрыгнул с коня и сбросил с себя доспех, державшийся буквально на двух верёвках. Помощник подал ему меч — небольшой, с полруки, лёгкий, похожий на кол. Шлем он тоже отбросил. Дикарь побежал на рыцаря. Карл замедлил шаг — на миг показалось, что он испугался. — Эй, ты! А ну належь вина! Сколько я ещё буду тебя подзывать?! Всё это время лорд Альфред махал рукой, требуя вина, но Сэдрик не отводил взгляда от площади. Дикарь набросился на рыцаря. Звон стали. Карл пятился назад. Его меч был вдвое больше, но всё, что он успевал, — отмахиваться от ударов дикаря. Удар за ударом. Броня Карла была крепка, брешей в ней не было — для дикаря шансов почти не оставалось. Но Карл совершил одну ошибку. Он снял шлем. Дикарь сделал вид, что выдохся, позволил Карлу размахнуться. И как только тот занёс меч, чтобы снести ему голову, дикарь пригнулся почти к самой земле, оказавшись ниже колена. А после замаха резко вскочил и вонзил свой лёгкий клинок в подбородок Карлу. Меч прошёл сквозь всю голову и вышел насквозь. Аугрид вскочила со своего места, перекрыла рот двумя руками и закрыла глаза. Она была в ужасе от увиденного — Карл с малых лет охранял её, и хоть был немым, он был добр к принцессе и делал всегда, как она прикажет. Сэдрик чуть дёрнулся в её сторону, чтоб успокоить, но вовремя вспомнил о своей работе. Альфред, не теряя времени, приобнял Аугрид, успокаивая, прижал к себе. Публика была в шоке. Но вскоре, осознав весь ужас, взорвалась свистом и гулом. Летели объедки и камни, что едва долетали до ног убийцы. Дикарь, чьё имя было Мортен, вытащил свой меч и ушёл — молча, ни разу не взглянув ни на ложу, ни на трибуны. — Аугрид, мы не давали разрешения на бой! Мы можем казнить этого дикаря хоть сейчас! — проговорил в ложе Альфред. — Нет. Сир Карл первым пошёл на него. Этот бой состоялся бы в любом случае. Трибуны шептались. Все глядели то на ложу, то на уносимое тело сира Карла. Следующие бои проходили гладко. Выступали безродные рыцари, странствующие искатели славы. Всё постепенно шло к тому, что Вальд, возможно, столкнётся с Мортеном. Победы обоих приближали их встречу. Турнирная сетка подходила к концу, финал был не за горами. Аугрид переживала за Вальда. Альфред метался, пытаясь угодить принцессе. Маркелий из-за полученной травмы был вынужден сняться: мышца на руке, которой он держал копьё, надорвалась. В следующем туре он должен был встретиться с Ланселем. Лансель остался без соперника, и Вальд автоматически вышел в финал. Мортену же предстояло провести ещё два боя, но его продвинули дальше, сняв неизвестного рыцаря. Лансель и Мортен выходили в полуфинал, чтобы определить, кто станет соперником Вальда. Напряжение висело в воздухе. Каждый раз, когда Мортен появлялся, мрак словно покрывал арену. Трибуны хмурились, надеясь на его гибель. В ложе стоял запах вина и угощений. Мелкие лорды, вассалы Альфреда, развлекались, лапая молоденьких дев. Они не нагтели в открытую, боясь дурного взгляда принцессы, но за её спиной творили непотребное. Сэдрик видел, как их пальцы забирались в нетронутые женские уголья. По лицам девушек стекал жаркий пот, но не только пот обливал их ляжки. Сэдрик тяжело сглатывал, наблюдая за молодыми, как и он сам, девушками. Его собственная плоть мешала ему разливать вино

— приходилось слегка нагибаться, чтобы не выпирало. В один из таких моментов его позвала Аугрид. Она сидела слева от него. Он подошёл очень близко — так, что его пах оказался почти на уровне её лица. Сэдрик почувствовал неловкость, немного покраснел. Аугрид заметила это и повернулась к нему. Одно движение — и они бы соприкоснулись. Никто не смотрел на них, хотя они были в центре ложи. Жадные, озабоченные мужчины сзади думали только о своём. Альфред, опьяневший и забывшийся в окружении девиц, уже не следил за принцессой. Аугрид опустила взгляд и увидела, как из его штанов выпирает Она вспомнила похожую картину в палатке. Резко отвернулась и тихо, в себя, засмеялась. Сэдрик покраснел, прикрыл срам кувшином, отклонялся и отошёл назад. Лансель, молодой сын лорда Оскара Стрёма, второй наследник Восточных земель, был умён и галантен. Перед боем он подарил принцессе фирменные розы своего дома, говорил много приятных слов — без лести, просто так, как учили с детства. Будущую победу обещал посвятить Династии Ашавер. Присутствие Ланселя было важно для Альфреда. Он не мог погибнуть. Лучше, конечно, чтобы победил. Альфред велел подчинённым предложить Мортену солидную сумму, чтобы тот сдался. И тот согласился. Но Вальд Огненный узнал об этом. Он слышал разговор слуг с Мортеном — он пристально следил за северянами, прибывшими на турнир. Показательное выступление Ланселя перед полуфиналом закончилось, и он отправился готовиться. Вальд пришёл в его покои и оглушил черенком лопаты, подобранной где-то по пути. К несчастью для Вальда, план пошёл прахом: броня Ланселя оказалась слишком мала для такого крупного рыцаря. Вальд решил рискнуть и выйти как есть. Глашатай объявил Мортена первым. Трибуны освистали его, материли, швырялись чем попало. Затем объявили благородного сира. Но все тыкали пальцами: это же не Лансель! Трибуны загудели, но, поняв, что перед ними Вальд, разразились радостными криками и аплодисментами. Альфред, заметив неладное, в полуживом состоянии попытался остановить турнир. Но Вальд не растерялся. Он подошёл к ложе и объяснил, что Лансель не может выйти на бой — его состояние ухудшилось после предыдущего поединка, и он попросил выйти вместо него. Аугрид, не раздумывая, заступилась и попросила Альфреда дать добро. Тот, склонив голову, дал отмашку. Рыцари в сёдлах. Орвин помогает Вальду закрепиться, подаёт копьё, проверяет, всё ли застёгнуто. Бой начался. Разгон, удар — и снова никого на земле. Мортен ловок, но сила Вальда не по слухам оправдана. Он выдержал удар копья, попавший в него. Не спеша подошёл к Орвину, взял новое копьё. Вторая стычка — и Вальд сбивает Мортена, попав ему в плечо. Броня на Мортене была лучше прежней, он подготовился, но всё же получил тяжёлую травму: плечо сломано, левая рука не работает. Он слетел с коня, ударился о землю и, тяжело дыша, начал вставать. Вальд спрыгнул с лошади на ходу, чуть споткнулся, но устоял. Он пошёл на поднимающегося Мортена, достал меч — и отшвырнул его в сторону. Голыми руками. Мортен, встав, улыбнулся, вытер кровь с губ, вытащил свой клинок. Два шага их разделяли. Мортен зафехтовал так быстро, что никто не замечал его манёвров, — звон стали, шаги в стороны. Вальд только и слышал этот звон, но продолжал давить, пока не ударил Мортена своей могучей рукой, закованной в латную перчатку, прямо в раненое плечо. Мортен замер на секунду. Эту секунду Вальд и ждал. Он схватил Мортена за волосы, да так, что тот потерял контроль над головой, и начал бить. Первый же удар выбил все зубы, встретившие кулак. Ещё несколько — и Мортен просто висел в его руке. Удар за ударом, казалось, от лица уже ничего не осталось. Клинок Мортена лежал рядом, кровь текла ручьём. Белые перчатки Вальда стали красными. Наконец он отшвырнул тело к ложе, словно звериную шкуру. Снял шлем и преклонил колени. — Моя принцесса, я приношу извинения за увиденное. Орвин ликовал — гордость за своего учителя, искры в глазах, как от мечей, сверкали. Его рыцарь был на высоте. Рядом стоял Гаррет, помогавший Орвину, и они вдвоём шушукались о доблести и силе Вальда. Сэдрик же молча смотрел из-за спины Аугрид. Ему стало обидно за Мортена. Тот сражался как мог. У него не было таких возможностей, как у Вальда: тяжёлой брони, оруженосца, имени. Он просто

бился как настоящий мужчина. Но мысли быстро развеялись. Объявили победителя первого турнира — конной сшибки. Впереди было ещё два.

Глава 11

Через несколько дней подготовки к следующему этапу турнира Сэдрику сообщили, что его работа в ложе окончена. Альфреду не понравилось, как он разливал вино, и его вышвырнули со двора. Аугрид об этих изменениях не знала. Сэдрика это не сильно волновало. После поцелуя он немного потеплел к ней, но работа в замке, разливание вина перед пьяными лордами — это было не то, о чём он мечтал. Его голос обретал сталь, сердце покрывалось тенью — к этому миру, к этому уставу человека, где одни рождаются господами, а другие — вечными слугами. На той площади, когда Вальд превращал лицо Мортена в кровавое месиво, Сэдрик заметил необычные синие рисунки на его теле. Такие же, как у того странного типа у таверны в Реше. Любопытство набирало обороты. Для южан северяне — дикари и психопаты, которые жрут своих детей. Но он увидел бесстрашного воина. Денег ему выплатили сполна. Их общие накопления, плата за работу в замке и та серебряная монета из таверны — на всё это можно было бы даже домик прикупить в городе. Дороги для Сэдрика стали шире. Конь при нём, и друзья всё ещё работают. Он решил посетить «Серый Конь» — притурнирную таверну, где часто отдыхали рыцари. Надеялся увидеть других северян, что могли прийти с Мортеном. Просидел до позднего вечера в приятной, уютной таверне, увешанной знамёнами всех династий Востока. Вкусные угощения, сладкое вино. Он был немного пьян, но разум оставался ясным. Собираясь уже уходить, он вдруг услышал незнакомый язык. За спиной, где-то в середине зала. Детский голос и другой — мрачный, с хрипотцой и свистом, тихо говорящий непонятные слова. Сэдрик замер. Резко обернулся. За столом сидели четверо. Девочка, девушка и двое мужчин. Худые, худородные, как и сам Сэдрик. Но их тела, хоть и лишённые жира, носили следы сражений: шрамы, жилистые мышцы, грязь и история. История, написанная синими красками прямо на коже. Страх прошил его, как только он обернулся. Все четверо подняли глаза и уставились прямо на него. Время будто остановилось. Взгляды, пронзающие душу. Тишина окутала таверну, хотя вокруг былолюдно и шумно — Сэдрик не слышал ничего. Только эти глаза, обведённые чёрным, длинные рыжевато-чёрные бороды, вечно в саже. Один из мужчин, сидевший посередине, поманил его рукой. Сэдрик не сразу понял, обернулся назад — его ли зовут? Показал пальцем на себя. Мужчина кивнул. Сэдрик взял свою кружку и пересел. Его прежний стол тут же заняли другие мужчины, уже несколько часов дождавшиеся, пока задумчивый и пьяный южанин уйдёт. — Южанин? — голос грубый, уверенный. Сэдрик только присел. — Да. А вы северяне? — Нет, мы из Чёрного замка. Конечно, северяне, баран! — ухмыльнулся мужчина. С его бороды стекало что-то непонятное. — Что вы пьёте? Такого вроде тут нет, — спросил Сэдрик, глядя на бороду. — Это наш эль. Забродивший, правда, но по башке бьёт не хуже алебарды. — Мужчина заржал. — Меня Сэдрик зовут. А вас? — Я Баэль. Это Вернер. Девочка — Эйлис. А это жена моя, Мари. Он отрывивал после каждого имени. — Баэль, я видел такие узоры уже на Юге. Когда мы когда мы защищали Реш. — В глазах Сэдрика сверкнуло любопытство, он произнёс это громче, чем следовало. Глаза Баэля забегали. Он заметил, как люди за соседними столами начали перешёптываться и коситься в их сторону. — Малой, не говори об этом больше никогда. Особенно так громко. Такие, как я, везде. Может, какой беженец забрёл так далеко, как и мы. Подумаешь. Сэдрик не дал ему сделать очередной глоток воняющего мочой пойла. Схватил за руку и прижал кружку к столу. Привстал, наклонился ближе. — Но он не был похож на вас. Он был как труп на ногах. Говорил про какой-то огонь. Он мне снился. Постоянно пытался что-то сказать, но я не слышу — только вижу, как шевелит губами. Северяне переглянулись. В их глазах мелькнул интерес. — Потом я стал бежать за ним — Сэдрик осёкся. — Что он говорил про огонь? — перебил Баэль. — Не помню. «Ты огонь или пыль?» — что-то такое. Я всегда бегу за ним во сне. Он стал реже появляться, но я не могу избавиться от чувства, что он должен мне что-то рассказать. — И что он ещё тебе сказал? —

Да ничего. Он напугал меня. Я вообще не знаю, кто он и откуда взялся. Так резко От него воняло, и он нёс что-то на непонятном языке. Я не говорил с ним — просто убежал. Баэль чесал бороду, бормотал что-то невнятное. Вернер ковырял щепкой в зубах. Мари, не отрываясь, смотрела на Баэля после слов Сэдрика. Эйлис же пристально, не мигая, уставилась Сэдрику прямо в глаза. — Ты пламя, огонь, палящий поля, или пыль, растворяющаяся по ветру, что стирает время. Эйлис произнесла это не своим голосом. Не девичьим, не мужским — иным. Тем самым, что звучал в тот день у таверны в Реше. — Замолкни, тварь, — тихо, но с угрозой процедил Баэль, даже не взглянув на девочку. — Да так он и сказал. Ты откуда знаешь, Эйлис? — судорожно выдохнул Сэдрик. — Ты о чём? — Эйлис улыбнулась, глядя на него с абсолютным непониманием. Её глаза снова стали глазами ребёнка. — Хватит болтать. Завтра турнир мечников. Вернер выступит, и мы уедем отсюда. Мортен и так погиб пусть корни дерева приютят его душу. Нужно сегодня его сжечь. — Баэль почесал затылок и начал вставать. — Славный малый был, хоть и глуповат, да и слабоват. — Стойте! А как же я? Кто она? Кто вы? — Сэдрик вскочил за ним. Голос его дрожал, в голове роились сотни вопросов. Баэль остановился и медленно повернулся. Его взгляд, обведённый чёрным, впился в Сэдрика. — После турнира мечников мы встретимся с тобой. А если задашь хоть ещё один вопрос — мне или кому-нибудь из нас, — я отрежу тебе язык. Вернер ухмыльнулся, сверкнув голубыми глазами и шрамом на щеке. Мари молча взяла Эйлис за руку и повела к выходу. Девочка обернулась на Сэдрика и снова улыбнулась — светло, невинно, будто ничего и не было. На следующий день Сэдрик был уже по ту сторону ложи. Заплатив немалую сумму, он сидел среди приличных горожан, с лучшим обзором. Взгляд его то и дело возвращался к ложе лордов — он надеялся увидеть знакомое лицо. В очередной раз обманывал себя: увидеть хотел лишь одного человека. Турнир начался. Среди участников не было никого из знатных династий — в подобных схватках редко участвуют галантные рыцари. В основном наёмники да никому не известные воины без имени. Сэдрик заметил Аугрид в ложе. Она сидела тесно, плечом к плечу, с Альфредом, и тот едва ли не тёрся о неё. На секунду Сэдрика захлестнула злость. Глашатай объявил о старте. Четверо бойцов, каждый сам за себя. Трое выбрали меч и щит. Четвёртый вышел с двумя клинками. Знакомое лицо — Вернер. Броня на нём была лёгкой, но не такой убогой, как у погибшего Мортена. Мечи — под стать. — Брат Мортена! — выкрикнул глашатай. — Брат Мортена! Трибуны взорвались свистом и оскорблениями. Выкрикивали имя Карла, требовали убить «дикаря» первым. Но в пылу боя голоса с трибун слышны плохо. Вернер легко управлялся с двумя клинками, вращая их в обеих руках. При первой же стычке он увернулся от нескольких ударов, затем пнул ногой в боковину щита, заставив соперника открыться. Тот сразу подтянул щит и меч ближе к телу, но Вернер схитрил: бросил один клинок, припал к земле и просто срубил противнику ногу. Тот рухнул. Вернер был хладнокровен, но нарушать негласное правило не собирался: упал — проиграл. Он подобрал второй меч, встал, широко расставив ноги и разведя руки, ожидая, когда двое других соперников закончат свой бой. Когда один из них пал, Вернер рванул вперёд. Разбежался так быстро, что оставшийся противник попятился и встал в глухую защиту. В шаге от врага Вернер высоко подбросил меч в сторону. Соперник невольно проследил взглядом за летящим клинком — и через секунду лезвие Вернера вошло ему в лицо. В наступившей вдруг тишине отчётливо хрустнул проломленный череп. Толпа, молчавшая после первой победы Вернера, взорвалась. Первым захолопал Сэдрик — он встал и забил в ладоши, не заботясь о том, что на него смотрит вся площадь. И не только площадь. Аугрид тоже смотрела на него. За ним захолопали другие. Свист, овации — публика забыла про Карла. Публика пришла за зрелищем, и Вернер дал им это зрелище. А потом он закричал. На неизвестном, гортанном языке, запрокинув голову к небу. Жилы вздулись на шее, голос рвал тишину. Сэдрик чувствовал этот крик не ушами — ногами, через землю. Вернер кричал так, что небо услышало. И пошёл дождь. Хороший, крепкий дождь. Пыль улеглась, запах мокрой земли и кожи поплыл над ареной. Вернер умолк. Из ложи вылетел небольшой

мешок и шлёпнулся рядом с ним. Альфред заплатил за бой. Следующего этапа для Вернера уже не было — это высшая награда для наёмника. Сэдрик поднял голову к небу, обеими руками зачесал волосы назад и вдохнул полной грудью приятный запах дождя. А потом развернулся и пошёл к дому, где его поселили как дорожную прислугу, — рядом с замком. Там они должны были встретиться с Гарретом и Орвином. Орвин встретил друзей и проводил в свой небольшой сарайчик оруженосца — уютный, с камином, где было всё необходимое. Он раздобыл вина лордов, немного курятины и разных угощений. Парни расположились у маленького камина. Вино грело, курятина исчезала с костей. Они смеялись, перебивали друг друга, вспоминали турнир. — А потом Вальд говорит Ланселю: «Господин, вас не было, нужно было вас заменить, и я осмелился взять на себя такую роль. Мы уже ищем негодяев, напавших на вас!» — Орвин захохотал и несколько раз хлопнул себя по колену, изображая Вальда. Гаррет был тише всех и дальше всех. Он смотрел на друзей со стороны — смеющихся, нервно говорящих друг с другом, пытающихся отвлечь друг друга от вопросов. Гаррет в очередной раз чувствовал себя лишним, но при этом ощущал свою важность. Будто пузырь вот-вот лопнет, и только он может это остановить. — Смешно, Орви Смешно. — Сэдрик с натянутой улыбкой сел напротив Орвина. — Что дальше? Турнир Вальда закончился, меня выкинули со двора, Гаррет тоже не нужен. Что мы делаем дальше, а? Он потёр подбородок и губы, не глядя на Орвина. — Как что? Вальд разрешил и дальше быть его оруженосцем. Он уже начал учить меня обращаться с доспехами, я держал даже его меч в руках — Орвин не успел договорить. — А мы что? Что мы с Гарретом будем делать? Бегать за тобой и ждать, когда ты принесёшь объедки со столов? — Сэдрик был зол. Неоправданная ярость проснулась в нём. Гаррет подошёл ближе, но Сэдрик остановил его жестом: не вмешивайся. В домике посветлело. Тучи разошлись, и закатное солнце пронзило окно. Лица стали яркими. Стоял приятный запах углей из камина, смешанный с пролитым вином. — А что ты предлагаешь? Мне всё бросить, потому что у тебя ничего не получилось? — возразил Орвин. — В смысле «не получилось»? Ты о чём? Мне это и не нужно было! Я не прислуга этим упёртым, жестоким, переполненным похотью тварям! — Сэд, что с тобой? Я тебя не узнаю. Мы же прошли такой путь! Я на пути к рыцарству, как в детстве мечтали, помнишь? Альберт умер разве не ради этого? — Альберт умер, потому что идиот. Нужно было бежать оттуда сломя голову, а он спасал пацанов, которые потом будут жопу подтирать тем, кто пришёл в наш дом, убил твоих родителей, братьев! Друзей! Орвина наполнила злость. Глаза стали мокрыми на ровном месте, кулаки сжались. Гаррет всё видел, но не знал, что делать. Вмешиваться было ещё рано. — Да, убили. И твоих, и Гаррета. Но я не хочу жить в прошлом. Ты ничего не сделал, чтобы быть на моём месте. Сидишь и жалуешься на жизнь. Тогда жаловался, сейчас жалуешься. Ты как падальщик, высасывающий последнюю кровь из нас. Мы должны за тобой бегать? С какой стати, а? Сын кожевника. Орвин вскочил. За ним вскочил Сэдрик. Гаррет подбежал и встал между ними. — Отойди, Гаррет. Я не собираюсь об него пачкать руки, — сказал Орвин. — Сын кожевника, значит. — Сэдрик кивал. — Не забудь ночью лизнуть своему рыцарю вшивый зад. Он плеснул вино из кружки в лицо Орвину. Орвин бросился на Сэдрика, но Гаррет с лёгкостью удержал его, приобняв. — Ты ничтожен! Посмотри на себя! Злишься на себя, а выливаешь на меня. Что тебе так не нравится? То, что я влюбился? — Орвин тыкал пальцем в спину отвернувшегося Сэдрика. — Ты влюбился? — усмехнулся Сэдрик. — В кого? В рыцаря или в ту, которую видел пару раз и которая на тебя даже внимания не обращает? Идиот. — Откуда ты знаешь, а? Это я рядом с ней, а не ты! Обращает или нет — я рядом, и я стану тем, кто будет рядом с ней чаще, чем ты думаешь! — Идиот. Ты погубишь себя. Ты идёшь за теми, чья судьба уже избрана: ложью, погибелью, интригами и чернью. — Сэдрик обернулся к Орвину, заговорил спокойно. — Что ты предлагаешь? Мне бросить любовь и мечту, потому что тебе что-то не нравится? Мы с Гарретом должны — Не приплетай Гаррета сюда! — перебил Сэдрик. — Он единственный, кто видит всю правду. Единственный, кто слушает не только сердце. Сэдрик посмотрел на Гаррета. Тот опустил взгляд в пол. — Друзья,

вы не слышите друг друга. Хватит ссор, мы так ничего не решим, — тихо сказал Гаррет. — А тут нечего решать. В моей жизни сейчас есть лишь три причины жить: принцесса, Вальд и мои друзья. Точнее, мой друг. Ты, Гар. — Орвин посмотрел на Гаррета. — Извини, Орвин, но, кажется, в твоей жизни осталось всего две причины жить. Ты не видишь в нас больше друзей. Ты уже пропитан их запахом. Ты больше не тот Орвин. — Гаррет ослабил хватку, медленно опуская руки. — Да что ты говоришь? Ты тоже хочешь, как свинья, валяться в собственном дерьме? Я дал тебе шанс приблизиться к сиру Вальду! Ты помогал мне! Я дал тебе шанс, и вот так ты решил со мной поступить? Так вы оба решили, да? Бросить меня? — Орвин схватился за грудь. — Значит, мои чувства ничего не значат? Значит, вы решаете за меня? Или как? Он говорил громко, голос ломался, начал хрипеть. — Значит, я тут негодяй, потому что у меня есть чувства? Потому что мне плевать на прошлое? — Завали уже свою мерзкую пасть. Я устал слушать это. Ты хуже пса, Орвин. Погляди на себя, одет как любовница своего Вальда. — Сэдрик насупился, с презрением глядя на друга детства. Глаза его тоже намокли, но непонятно, от грусти или от злости. — Я всегда думал, что ты самый умный среди нас. Думал, будешь вести нас. А ты решил, что ты у нас правитель, предводитель. Гаррет отошёл от Орвина, встал ближе к Сэдрику. — Знаешь, Сэдрик, да и ты, Гар. Вы два идиота. Советую вам обосноваться где-нибудь недалеко от города. Может, выйдете замуж друг за друга, будете трахаться в жопу и жить счастливо. И может, не сдохнете так быстро. — Орвин харкнул на пол между ними. — Ты жалок и мерзок. — Сэдрик плюнул в Орвина. Тот в ярости бросился на Сэдрика с кулаком, но Гаррет встретил его и со всей силы ударил так, что Орвин рухнул без сознания в собственную слюну. Сэдрик взял Гаррета с собой в «Серый Конь», где надеялся встретить Баэля. Но на полпути, не дойдя до таверны, из тёмного угла услышал: — Эй, ты с другом? В тени стояла Мари. Сэдрик и Гаррет подошли к девушке. — Сэдрик, да? Слушай, мы выступаем через час. Если хочешь узнать ответы на свои вопросы, давай встретимся у главных ворот. Мы все будем ждать тебя там. Подождём ещё час и уйдём, так что у тебя есть два часа. — Мари спокойно проговорила это, хлопнула Сэдрика по плечу и ушла. — Кто это был, Сэд? — взволнованно спросил Гаррет. — По дороге из города расскажу тебе, брат. Собирай вещи и коней, иди к воротам. Увидишь Мари — скажи, что я приду. Мне нужно немного подышать воздухом. Сэдрик развернулся и пошёл обратно к замку. По пути он думал об Орвине, о разговоре с ним, пытался нащупать хоть какие-то чувства к этой ссоре. Но поймал себя на мысли, что ему всё равно на Орвина. Несмотря на всё время, проведённое вместе. Казалось, даже Гаррет уже не нужен Сэдрику. Он направился к турнирной площади. Там было пусто, почти все атрибуты уже убрали. Сэдрик сел на ещё не разобранный трибуну и стал бросать камни в сторону арены. Было темно. Из ложи вылетел камень и ударился рядом с ним. Сэдрик не видел, кто бросил. Следующий камень прилетел прямо в него. — Эй! Кто там? — А ты подойди и узнаешь. Сэдрик узнал голос Аугрида. Он спрыгнул с трибуны, подошёл к ложе — там никого не было. — Эй, ты. — Аугрида оказалась за его спиной. — Шустрая ты. Я даже не заметил, — улыбнулся Сэдрик. — Что ты тут делаешь? — спросила она удивлённо. — У меня такой же вопрос. — Я осталась после турнира. Задумалась. Всё это время сидела тут Смотрела на то место, где ты стоял и хлопал убийце. — Аугрида стало неловко от собственных слов, она перебирала ногой влажный после дождя песок. — Убийцы меня окружают. Начинаю ими восхищаться. Одна из них меня даже поцеловала. — Я не убийца! Пока ещё. Но после таких слов могу и стать. — Она толкнула Сэдрика в плечо и посмеялась. — Я не знала, что Альфред тебя выгнал. Узнала только когда увидела, что в ложе какая-то девица с кувшином стоит. Думала, с тобой что-то случилось. — Это не важно. Я и не хотел прислуживать ему. — Прислуживай мне. Я этого хочу. Безумно хочу, чтобы ты был рядом. — Почему, Аугрида? Почему я? Я неотёсан, я никто. — Ты человек, разве этого мало? Ты есть ты. Не знаю почему. Ты ломаешь меня всю. Моё сердце от одной мысли о тебе разрывается. — Аугрида смутилась, схватила себя за руку. — Прошу, пойдём со мной. Я придумаю что-нибудь. Ты и твои друзья, у вас будет всё! — Аугрида, ты

прекрасна, когда заводишься. Ты всегда прекрасна. Но наша встреча — лишь случайность, не судьба. Сэдрик впервые сам прикоснулся к принцессе так — с нежностью. Положил руку ей на щеку. Она прильнула головой к его ладони. Сэдрик почувствовал холод этой кожи, силу и ужас этого тела. Тяжело было дышать. Его трясло от ярости и грусти внутри. — Как же ты — Что я? Как же что? — перебила Аугрид, прося продолжить. Сэдрик убрал руку. — Мне пора, Аугрид. Я ухожу с Гарретом. Я не могу находиться среди таких, как ты. Не о таком я мечтал, да и дело даже не в мечтах. — Он убрал взгляд в сторону. — Эти чувства погубят нас двоих. Ты и я — Губы его задрожали, слёзы готовы были пролиться. — Прости меня. Аугрид зарыдала в ту же секунду, задыхаясь от боли внутри, хватаясь за грудь. — Прошу тебя! — сквозь слёзы редела она. Сэдрик промолчал, лишь отвернулся и медленно пошёл прочь. Аугрид упала на колени, рыдая, держась за лицо. Сквозь пальцы она смотрела на удаляющегося Сэдрика — такого холодного с виду. Но он едва шёл. Ноги подкашивались от боли. Он рыдал, глаза не справлялись со слезами, а внутри него ревел рог грусти. Она ещё что-то кричала ему в спину, но он уже не слышал. Отойдя подальше, он упал на землю и рыдал ещё минут десять. Не знавший любви, вкусив впервые, тут же утратил в неё веру.

Глава 12

Прошло немало времени с тех пор, как Сэдрик попрощался с другом детства и с Аугрид. Недели и месяцы пути. Надежды узнать больше от северян каждый раз заканчивались ничем. Гаррет же нашёл в них настоящих наставников. Их обучали владению мечом, луком и ножом. Гаррет постоянно уходил с Баэлем на охоту, и на каждом привале они бились голышом на кулаках. Баэль спрыгивал с коня и бежал на Гаррета, тот не медлил — бежал навстречу. И так каждый раз, бой за боем. Вернер учил Сэдрика иначе — ловкости, владению мечом, управлению телом. Телосложением они были похожи, и Сэдрик быстро схватывал, как сражаться не одним лишь размахиванием, а всем корпусом. Однажды, решив повторить трюк Вернера, он бросил меч в сторону, пытаясь отвлечь противника, но через полсекунды получил звонкую пощёчину. — Идиот. Ты правда думал, что так глупо обманешь меня? — захохотал Вернер. — Смотреть в глаза, Сэдрик! В глаза! Тебе не нужно видеть меч, тебе нужно видеть глаза. Если я вижу твоё лицо — я вижу всё остальное. Так они шли, поднимаясь по востоку, сквозь густые леса, обходя малые города и замки. Миновали последние населённые пункты. Их путь лежал к Северу, но Гаррет, немного знавший карту континента, не понимал, почему они идут именно этой дорогой — она вела к горам и скалам, через которые на Север не пройти. Восток и Север разделяли непреодолимые горы. Однажды вечером все сидели у костра, хвалили наваристую похлёбку Мари. Эйлис — которой, как оказалось, было около шестнадцати, — была худенькой и невысокой, с острыми чертами лица и длинными, густыми волосами. В ней уже угадывалась будущая красота, но пока она оставалась угловатой, как все подростки. Гаррет перебил её: — Баэль, разве мы не к горам идём? Этой дорогой на Север не пройти. В руках он держал длинную ветку с насаженной на неё белкой — утренний трофей с охоты. — Мы идём в лес Халлерос, — ответил Баэль, разминая шею. — Точнее, пройдем по его окраине, а потом двинем подземными гномьими путями. — Что за тропы? Что за гномы? — удивлённо спросил Сэдрик. — Я слышал, в таверне какой-то дед про это рассказывал, но я не особо вслушивался. Мари в это время расчёсывала его длинные густые волосы, стоя за спиной. — Может, и расскажу как-нибудь, — отозвался Баэль. — Но не сейчас. До леса уже рукой подать. А лес тот густой, одно из самых опасных мест на земле. Учись пока, Сэдрик. Гаррету дури хватит себя защитить, а вот тебе ещё работать и работать. Он присел на бревно и протянул руки к огню. — Эйлис, ты уверена, что мы встретим его? — Баэль посмотрел в невинные глаза девочки. — Ты же знаешь, отец, я не контролирую видения. Но я чувствую, что моя судьба скоро исполнится, — тихим, скромным голосом ответила Эйлис. — Хорошо. Сэдрик, Эйлис — проводник для разных существ, и хороших, и плохих. То, что ты слышал в замке и в таверне, — Драугары. Когда-то они были людьми, но предали своих королей, друзей, семью. Теперь они вселяются в слабые души и ведают людям тропы — тропы, не предназначенные для нас. Чтобы ты пошёл по этим тропам и совершил что-то ужасное, на радость тварям. Что-то вроде того. Мари была взволнована словами Баэля. Вернер тоже притих, перестав вздыхать. Эйлис приуныла. — Значит, я слышал мертвецов, которые просто несли какую-то чушь? — Сэдрик отложил похлёбку и уставился на Баэля. — Вопрос в том, что ты, похоже, его видел. Не только слышал. В таверне — да, но в замке, по твоим описаниям, он стоял перед тобой. Как он оказался на Юге? Почему там? Только старики могут поведать нам истину. Я в этом далёк. Эй, Вернер, сделай-ка мне иглу. Вернер вытащил кость из остатков птицы, которую Мари готовила для похлёбки, и принялся точить её. Баэль встал, порылся в сумках, достал что-то вроде коры и долго возился с ней. Вернер точил кости. Разговор снова перетёк в бытовое русло. Эйлис забылась и начала веселиться — ей нравился Сэдрик, она вилась вокруг него всю дорогу. Мари тоже симпатизировала и Гаррету, и Сэдрику, помогая им весь этот долгий путь. Спустя какое-то время Баэль подошёл к Сэдрику, велел ему лечь и снял с него штаны и рубаху. Сэдрик удивился. — Что ты дела-

ешь? — Лежи и не ной. Тело Сэдрика пронзили резкие, острые боли — короткие, будто его кто-то кусал. Когда он приподнял голову, чтобы посмотреть, то увидел, что Баэль выбивает на его колене какие-то узоры и круг. Через какое-то время он заметил, что на колене уже красуются руны — такие же, как у Баэля, Вернера, Мари и Эйлис. — Синие узоры Зачем это? — нервно поинтересовался Сэдрик. — Оберег. И чтоб враги боялись. Нога Сэдрика покрылась синими узорами, похожими на цветы, деревья и животных. Ключица тоже была покрыта рунами. Сэдрик не знал их значения, но доверял Баэлю. — Я тоже хочу, Баэль! Сделай мне что-нибудь, чтоб врага трясло при виде меня! — Гаррет стоял над Баэлем и громко требовал. — Я тебе член на лбу выбью. Такого точно испугаются. Баэль заржал и сильно уколол Сэдрика, но все залились звонким смехом, включая Гаррета. Даже Сэдрик забыл про боль и ржал как ненормальный. После Баэль и Гаррета украсил синими красками — почти до утра они наносили ему рисунки. Пока все не уснули. Утром тела обоих горели и болели. Идти и сидеть в седле было трудно, но Мари дала какую-то приятную мазь из трав, и боль отступила. Эйлис всю дорогу рассказывала, как в совсем юном возрасте ей уже делали такие узоры и она потом бегала играть с соседскими детьми. Густые леса закончились, и отряд вышел на луг. Чистейший луг, вокруг — ни души. Даже птицы не летали над этим участком земли. Стояла такая тишина, что слышалось каждое шевеление листьев на деревьях. Баэль замедлил шаг, и все, кто шёл за ним, тоже. В конце луга начинался другой лес. Золотые листья, деревья до небес. Птицы, что кружили в гуще того леса, слабо виднелись, но они были необычно большими — иными, не такими, каких они видели раньше. Баэль ещё в дороге рассказывал: лес этот — одно из самых опасных мест. Войдя в него, уже не выйдешь. Старинное заклятье. Только жители леса могут покинуть его, и то не всегда. Подойдя к самой границе, они слышали сотни голосов. Монотонный, злобный, зловещий шёпот на незнакомом языке — как один голос, размноженный сотнями глоток. — Не бойтесь. Там никого нет. Это всего лишь магия леса, — проговорил Баэль, обернувшись. Но Сэдрик трясущейся рукой указывал в сторону деревьев. — ЧТО ЭТО, БАЭЛЬ?! — выкрикнул он. Баэль резко повернулся к лесу и увидел силуэт. На них шёл тёмный эльф. Чёрная кожаная мантия, длинный плащ, волочащийся по земле. В руке — клинок. Высокий, грозный, он перекладывал плечи, улыбался, и взгляд его пронзал насквозь. Лошади обезумели, вставали на дыбы. Гогот из леса усилился. Баэль прыгнул с коня. Вернер тоже начал спешиваться, но Баэль приказал оставаться в сёдлах. Он скинул одежду, оставшись с голым торсом. Здоровый, как медведь, весь в узорах и шрамах — Сэдрик никогда не видел таких огромных людей. — Эта мразь моя. Баэль вытащил из седельной сумки огромный двусторонний топор и шагнул в лес. — Нет! Туда нельзя! — крикнула Мари ему вслед. Но Баэль был в ярости. Глаза его покраснели, вены на шее вздулись и пульсировали. Едва он пересёк невидимую границу, эльф побежал на него. Схватка началась мгновенно. Вернер запел на языке северян — песню, похожую на ритуал. Сэдрик и Гаррет от этого напева словно возмужали: дух поднялся, страх ушёл, осталась только гордость за бесстрашие Баэля. Эльф был невероятно ловок и быстр. Сбросив плащ на ходу, он уворачивался от ударов так элегантно, будто не чувствовал в Баэле соперника. Он изрезал ему ноги и спину — понемногу, методично. Баэль не успевал за ним. Весь отряд смотрел, как эльф, словно играя, пускает кровь их товарищу. Эльф зашёл за спину, полоснул по колену изнутри. Баэль рухнул на одно колено. Эльф повернулся к отряду, улыбнулся, провернул меч в руке. Отошёл от истекающего кровью, стоящего на колене Баэля, разбежался, прыгнул ему на плечо, оттолкнулся, взлетел, размахнулся своим лёгким длинным клинком и через секунду рухнул мёртвым, бездыханным телом. Из его головы торчала длинная, с красивыми перьями, стрела. Из леса вышел ещё один эльф. Иной. Светлая кожа, высокий рост, волосы светлые, почти золотистые. Одежда на нём напоминала охотничью, но больше походила на обноски — старая, поношенная. Он шёл к Баэлю, поднимая с земли плащ, сброшенный тёмным. Прошёл мимо истекающего кровью северянина, даже не взглянув на него. Остановился над мёртвым телом, срезал уши и вложил их в рот трупу. Затем достал маленький клинок и ещё несколько раз ударил им в грудь.

Поправил свои шикарные волосы, и на лице его отразилось явное облегчение. Он забрал меч тёмного эльфа, снял с него одежду. Весь отряд смотрел, замерев. С губ Мари едва не срывались слова, но все боялись того, что будет дальше. Эльф наконец подошёл к Баэлю и протянул ему руку. Баэль ухватился и встал. Эльф был на удивление силён. — Я Дуинхир. Я так много лет ждал вас, — улыбаясь, сказал он ошеломлённому Баэлю. — Возьми это. Твои раны затянутся, ты не умрёшь сегодня. Дуинхир протянул какие-то пилюли. Баэль, не колеблясь, проглотил их. Через несколько секунд боль ушла, и он уже мог идти — хоть и прихрамывая.

Глава 13

После леса отряд, пополнившись новым спутником, двинулся к горам. Раненый Баэль указывал путь, и в дороге они узнали многое. Правда, многое Дуинхир оставил на потом. Расспросы о том, кто он, откуда и кем был тот тёмный эльф, его искренне удивляли — он полагал, что все в курсе их существования. Но даже Баэль, чья ярость ещё недавно кипела, превратился во внимательного слушателя и был увлечён беседой не меньше остальных. Дуинхир поведал отряду, что эльфы испокон веков делятся на светлых и тёмных. Тёмные — надзиратели, нечто вроде эволюции светлых, но, к несчастью, они одержимы Камнем, которым завладели поллюди-полуэльфы — Ашаверы. В лесах Халлероса хранится множество древностей и писаний, сохранившихся с незапамятных времён, однако доступа к ним почти нет. Сам Дуинхир — один из Первых Сынов, из Золотой Сотни, великого и могучего клана воинов. Он не был стар в привычном понимании, но прожил не меньше двухсот-трёхсот лет. Родился он рабом, однако его родители застали всю историю — до появления Камня и после. Память их осталась при них. В лесу ещё немало эльфов, помнящих былое, но силы их настолько слабы, что сопротивляться тёмным они не могут. Дуинхир сам обучал тёмных искусству боя, а те взамен давали ему лучшую жизнь в лесу. Тёмные же, в свою очередь, использовали его навыки во благо Дома Ашаверов. — Один из моих учеников до недавнего времени находился в лесу, — сказал Дуинхир, и голос его стал тише. — Наследник трона Империи, Феанор, сын Друга Ашаверского. С малых лет его отправили к нам — учиться войне, письму и многому другому. Чтобы стать следующим правителем. Отряд молчал. Даже ветер, казалось, стих. Сэдрик почувствовал, как холод пробежал по спине. «Получается, брат Аугрид?» — подумал он. — В нём есть магия, но, кажется, такая слабая, будто вот-вот погаснет, — продолжил Дуинхир. — С его приходом я стал мостом между лесом и магией Башни. — Что за магия Башни? — с осторожностью спросил Баэль. — Башня магов. Вы что, совсем одичалые? Это я в лесу двести лет сидел или вы? Там люди, владеющие магией, сидят, изучают её и учат других врачеванию, писанию и многому другому. Все были в диком шоке. Никто и никогда не слышал о подобном. Баэль, впрочем, был потрясён меньше остальных — он знал о существовании Башни, знал, что там хранятся тайны Ашаверов, но не подозревал, что такое вообще возможно. — Если маги и существуют, то мир о них мало что знает, если вообще что-либо знает, — проговорил он пренебрежительно. — Значит, всё, что говорили древние, — правда. Они такие же заложники, как и мы, только с иной ценой за свою силу. Интересно. — Дуинхир почесал подбородок и задумался, глядя в чистое голубое небо. — Что же говорят ваши древние? — проявила интерес Эйлис. — Много ли живущих Ашаверов вы знаете? — вместо ответа спросил Дуинхир, обращаясь ко всей группе. Гаррет поднял руку. — Мы знаем одну. Насколько нам известно, их не так уж и много. — Он говорил об Аугрид. — Значит, правда — Дуинхир снова ушёл в свои мысли. — Да говори ты уже, ушастый столб! — не выдержал Вернер и выплюнул эти слова, едва не закричав. Баэль и Гаррет засмеялись. — Ах да Люди, вы же смертны, всегда торопитесь. Вы не даёте мне покоя, мне подумать надо. — Дуинхир говорил медленно, но взгляды Баэля и остальных буквально пронзали его, вынуждая продолжать. — Ну, думается мне, что их мало, раз они не известны по всему миру. А если так — значит, умирают. А если умирают — значит, не все Покровом обладают. — Дуинхир в очередной раз погладил подбородок, выпрямился и состроил умный вид. — Дурень большеголовый, это все знают! — захохотал Вернер. — Покров — это не только управление разумом, но и телекинез. Он работает как барьер. Скорее всего, они держат магов в заперти своей силой. Это объясняет, почему носители Покрова умирают так быстро. По всей видимости, в них больше эльфийской крови, чем в тех, у кого нет силы. Хотя всё это лишь догадки. Хватит меня донимать, вы утомили меня! Лучше бы сказали, какой я молодец, спас вашего друга, вышел в самый нужный момент как герой. — Он поправил волосы, гордо выпя-

тил грудь и отошёл подальше от группы.— Ну и кретин. И это — то, ради чего умер наш друг? Ради этого мы рисковали жизнью? — Вернер повернулся к Баэлю.— Не знаю. Эйлис, ты уверена, что нам нужен был не тот, кого мы убили, а этот? — Баэль с надеждой посмотрел на девочку.— Точно он. Я чувствую, — с звонкой ухмылкой ответила Эйлис. Шли они уже две недели. Морозы охватили отряд. Охота в этих краях была плоха — Север за горами, и звери неохотно паслись на этих землях. Еды взяли в путь много, но не ожидали, что её конец наступит так быстро. Баэль и Гаррет вечно жрали за пятерых, пытаясь соревноваться, кто больше съест. Мари постоянно ругалась, что так припасов не останется. Ночью было очень холодно, необычно холодно. Сэдрик соорудил себе небольшую палатку — многие спали прямо на земле, но ему всё ещё было не по себе под открытым небом. В эту ночь, заснув, как ему показалось, лишь на миг, он проснулся от того, что на его груди кто-то сидел. Эйлис. Она опиралась руками на его грудь, полностью устроившись сверху. Её длинные волосы окутали их обоих, создав между ними тоннель, в котором не осталось ничего, кроме её глаз.— Эйлис, что ты тут делаешь? — робко, немного взволнованно спросил Сэдрик.— Я вообще-то взрослая девочка, если ты забыл, — кокетливо произнесла она, водя одним пальцем по его груди и нежно прикусывая губы в улыбке.— Я знаю, и меня это сейчас очень сильно застало врасплох. Запах её волос, её тела — он пьянил и вызывал возбуждение, которое Сэдрик уже не мог контролировать. К тому же её обнажённое тело, горячее и лёгкое, прижималось к его груди, и каждое её движение отзывалось в нём дрожью.— Чем же? — Эйлис резко выпрямилась, чуть откинувшись назад и одной рукой уверенно взялась за его член. — А, вот он, твой врасплох? — посмеялась она.— Тише ты, нас же услышат! — Сэдрик приподнялся, испугавшись её громкого смеха, но Эйлис толкнула его обратно.— Успокойся, они спят как убитые. Ну, может, только эльф не спит, но ничего, пусть слушает. — Эйлис была будто пьяна собственной смелостью.— Я не знаю, Эйли Мне неудобно. Ты мне как сестрёнка, — Сэдрик засомневался, начал смущаться.— Какая я тебе сестрёнка, балван? Я просто твоя спутница. Перестань. Тебе же нравится, как я мну их тебе. — Эйлис продолжала двигать рукой так, будто делала это много раз.— У тебя уже такое было? — стеснительно спросил Сэдрик.— Нет. И у тебя не было, да? Я вижу, что не было, — захихикала Эйлис. Разговор перешёл в действия... Эйлис ногами сдёрнула с Сэдрика всё лишнее. Он не растерялся, схватил её за талию, опрокинул на спину, и они инстинктивно слились в одно. Их первая, особенная ночь длилась недолго. Эйлис была в полном восторге — головокружительные чувства захлёстывали её, и стоны, вибрируя, проходили сквозь Сэдрика, отдаваясь в нём дрожью. Пот в эту холодную погоду согревал их разгорячённые тела. — Не знаю, спрашивают ли после такого но тебе понравилось? — спросил Сэдрик, глядя ей в глаза. — Да-а-а — выдохнула она, вытирая пот со лба. — Очень. Хочу ещё. Эйлис снова забралась на него, так резво, что ему не пришлось и шевелиться, — он вошёл в неё сразу же. В этот раз она была сверху, и Сэдрик лишь наблюдал за её жадным, нетерпеливым желанием. Из лагеря послышался голос Гаррета:— ЭЙ! НУ МОЖНО ЖЕ КАК-ТО ПОТИШЕ ТРАХАТЬСЯ, А?! Он орал во всю глотку, разбудив Баэля.— Кто там хочет трахаться? Ты о чём, Гаррет? — спросонья пробормотал Баэль.— Муж, мы же спим — проснулась от шума Мари. Эйлис затихла. Впрочем, всё уже случилось. Они вместе тихо смеялись, уткнувшись друг в друга.— А правда, я первая у тебя? — обняв Сэдрика, с нежностью спросила она.— Первая. Первая, — ответил он, отведя взгляд куда-то в ткань палатки. Внутри что-то дрогнуло, и перед глазами встало другое лицо. Воспоминания нахлынули сами собой. На следующий день все смотрели на Эйлис и Сэдрика уже по-новому. Они больше не были просто сестрёнкой и братом — между ними появилось нечто большее. Баэль и Мари заметили в Эйлис перемену: она перестала вести себя как ребёнок, и в её движениях, во взгляде проступило что-то женское. Их это радовало, хотя Баэль теперь поглядывал на Сэдрика с подозрением и постоянно отпускал шуточки насчёт прошедшей ночи. Дорога до гор заняла полдня. Перед ними встала сплошная стена — такая высокая, что вершина терялась в облаках. Баэль подошёл к груди камней и жестом подозвал

Гаррета. Вдвоём они упёрлись в огромный валун — такой, что, казалось, его впору тащить десятку лошадей. Мышцы вздулись, зубы закрипели, и камень медленно, с глухим рокотом, сдвинулся в сторону. За ним открылась пещера. Тёмный провал, в котором не было ничего — только запах сырого камня и древности. Проход, которого здесь, по всем законам природы, быть не должно. Баэль, хоть и был всё ещё ослаблен, справился с трудом. Шаг его замедлился, взгляд потяжелел. Дорога уходила вглубь, идти пришлось долго. Лошадей оставили у входа, как и большую часть припасов — тропы внутри оказались короткими и тесными, едва позволяя протиснуться нескольким людям.

Глава 14

Факелы сменяли факелы. Тёмные узкие ущелья сменялись лазами, где приходилось идти в полусидячем положении. Гномы строили для себя — такие высокие и большие существа, как люди, не должны были ходить здесь по их задумке. Особенно тяжело приходилось Баэлю и Дуинхиру: один — широкий, как медведь, другой — высокий, то и дело задевающий своды головой. Мари и Эйлис оберегали Баэля, не давая ему упасть. Вернер шёл в середине, Дуинхир замыкал. Гаррет и Сэдрик взяли роль направляющих.

Счёт времени был потерян. Казалось, они уже несколько дней ходят кругами. Помечали камень землёй, но и это не помогало.

— Кажется, мы никогда не выйдем отсюда, — шёпотом проговорил Гаррет.

— Если есть вход, должен быть и выход, — Сэдрик осветил очередную стену, покрытую странными царапинами. Таких раньше не попадалось.

Шаг замедлился. Усталость брала своё. Воды оставалось крайне мало, и Баэль потреблял слишком много из-за ран. Где-то очень далеко эхом прозвучал звук — лающий хохот. Все встали. Замолчали.

— Здесь никого не может быть, — взволнованно произнёс Баэль, глядя на эльфа. — Тропы веками не тронуты.

— Из леса ты тоже не должен был выйти, дорогой, — Мари с осторожностью положила руку на плечо Баэля и прошептала: — Старики не всё знают.

Звуки становились всё истеричнее. Слышался не только хохот — что-то приближалось.

— Люгины, — медленно, с звоном вытаскивая из ножен сверкающий во тьме клинок эльфийской стали, проговорил Дуинхир. — Не думал, что они ещё существуют. Приготовьтесь. Они чувствуют нас.

Сэдрик и Гаррет переглянулись. Оба не понимали, что происходит, но было очевидно: хорошего ждать не стоит. Пока Сэдрик пытался взглянуть во тьму и разглядеть хоть что-то, Гаррет не сводил с него взгляда — пока не увидел, как на плечо друга что-то капает.

— Они сверху! — прокричал Вернер, прижимаясь к Баэлю и закрывая его собой.

Одна из тварей рухнула на Сэдрика. Горбатая, пахнущая грязью, кровью и протухшим мясом. Всё тело покрывала мокрая скользкая плёнка. В руке — кость, напоминающая человеческую, заточенная вручную. Тварь приземлилась прямо на плечи Сэдрика, сбив его с ног. Клинок тут же выпал из рук. Оказавшись снизу, Сэдрик попытался сбросить её, но люгин уже оттолкнулся и прыгнул на стену, а оттуда — на Гаррета. Гаррет попытался схватить его, но пальцы соскользнули с мокрой плёнки, и тварь вцепилась в него, повалив на землю.

Вернер и Дуинхир тоже не стояли без дела. Вернеру было тяжелее всего: он защищал не только себя, но и Баэля с Мари. Дуинхир прижал к себе Эйлис и отбивался сразу от двух люгинов, наседавших с боков. Тесные стены не давали простора для манёвра — каждый удар приходилось рассчитывать так, чтобы не задеть своих.

Сэдрик встал и ринулся помогать Гаррету. Подхватив клинок, он вогнал его в спину твари, что рвала друга. Проткнул насквозь. Гаррет закричал:

— Сбоку ещё один!

Другой люгин сшиб Сэдрика с ног и ударил костяным клинком в живот, чуть ниже рёбер. Острая боль пронзила тело. Сэдрик упал вместе с тварью. Люгин выдернул кость и замахнулся, чтобы добить.

Но Гаррет, не раздумывая, врезался в него всем телом. Пальцы вцепились в скользкую башку — так, что никакая слизь уже не могла помочь. Гаррет вдавливал большие пальцы в мерзкие, налитые кровью глаза, продавливая их внутрь черепа. Дикий, лающий хохот люгина сменился рёвом боли.

Как только глаза лопнули под пальцами, Гаррет перехватил тварь за башку, упёрся ногами в камни и с размаху впечатал её череп в стену. Раз, другой. Пока кость не хрустнула, а тело не обмякло.

Сэдрик уже не мог встать и помочь друзьям. Гаррет накрыл его телом мёртвого люгина, закрыв от чужих глаз, а сам ринулся к Вернеру. В темноте звенела сталь о кость. Подняв упавший факел, он осветил проход и увидел, что Вернер с трудом отбивается сразу от двух мерзких тварей.

Не раздумывая, Гаррет всем телом впечатался в ближайшего люгина, прижав его к стене. Меч, висевший на поясе, только мешал — он отбросил его и начал бить тварь головой в затылок. Снова и снова, пока на камне не оставалась лишь грязь, а лицо люгина не превратилось в сплошное кровавое месиво. Гаррет бил, пока тварь не перестала визжать.

Вернер, расправившись со своим противником, замер и вместе с Баэлем молча смотрел, как Гаррет, весь в слизи и крови, извращённо и жестоко разбирается с врагом. В свете факела уже было не разобрать, где заканчивается Гаррет и начинается люгин.

— Ну вы долго там ещё будете? Мы тут с Эйлис уже заскучали, — выкрикнул Дуинхир, вытирая клинок тряпьем.

Гаррет вспомнил про Сэдрика и сразу же ринулся к нему. Убрал с друга мёртвого люгина. Сэдрик лежал на боку, прижимая руку к ране в животе. Кровь текла не переставая, лицо побелело — казалось, ещё немного, и всё.

Мари протиснулась между камней, опустилась рядом, промыла рану остатками воды и, насколько могла, стянула края чистой тряпицей, наложив под неё лечебную мазь — ту самую, что когда-то облегчала боль от татуировок. Гаррет взял плащ Дуинхира, уложил на него Сэдрика и осторожно поволок за собой.

— Как же это напоминает нас, друг мой, — Вернер глянул на Баэля и едва заметно улыбнулся. — Поправляйся уже давай, без тебя туго.

Он взял Баэля под руку, и отряд, с трудом помещаясь в узком проходе, продолжил путь. Впереди снова была тьма, но теперь они знали: здесь они не одни.

Несколько часов блужданий по тёмным и узким тропам — и эхо люгинов наконец стихло. Потянуло воздухом, морозной сыростью, а впереди забрезжил слабый свет. Выход.

Гора расступилась, и отряд вышел на Север. С высоты открылся вид: холодные берега, морской городок — едва различимый в дымке, а в центре, над серыми крышами, высился замок с несколькими уставшими башнями.

— Север, — выдохнул Баэль.

— Наконец-то дома, да? — Сэдрик, едва сдерживая боль, процедил сквозь зубы.

Стоявший рядом Вернер бросил на него настороженный взгляд. Сэдрик уловил в нём неодобрение.

— Сэдрик, ты разве ещё не понял? — Гаррет обернулся после его слов о доме. — Их дом — совсем другой север.

Гаррет указал рукой куда-то далеко, за море.

— Можем остановиться здесь, — предложил Дуинхир, уже собирая камни для костра. — Расскажите, что за «другой север». Да и отдохнуть нужно. Люгины боятся света, здесь мы в безопасности.

Эйлис и Мари уложили Баэля рядом с Сэдриком и занялись их ранами — меняли повязки, смачивали лбы остатками воды. Вернер обошёл окрестности, проверяя, нет ли угрозы. Гаррет помогал Дуинхиру разводить костёр.

Остатки припасов, что хранила Мари, были скудны. Гаррет набрал полный котелок снега, восполнив запасы воды, а Мари, пытаясь из того немногого, что осталось, соорудить хоть какое-то подобие ужина, достала последние полоски вяленого мяса, горсть муки и крошечный

остаток жира. Эйлис добавила из своих запасов щепоть сушёных трав. Сварили очередную похлёбку — жидкую, но горячую.

Усевшись поближе друг к другу, спасаясь от сурового северного ветра, отряд расположился на скале, выпирающей из горы, словно вытянутая каменная ладонь. Баэль достал свой именитый эль и разлил каждому по полстакана.

Тишину, нарушаемую лишь лёгкими перешёптами, внезапно прервал Вернер:

— Змей — лишь защита, как когда-то для гномов, — Вернер отпил эля, не отрывая взгляда от моря. — Сколько ещё мы будем под его защитой? Он уже не раз уничтожал наши корабли.

Баэль кивнул, прикрыл глаза.

— Очень давно, когда Север и Юг восстали, к нам пришли первыми. Почти весь континентальный Север поддержал Империю. Весь наш флот был там. Они перебросили хорошую армию, у нас не было и шанса.

— Но вы выстояли, — тихо произнёс Сэдрик, даже не спрашивая, а скорее утверждая.

Баэль усмехнулся.

— Небольшим отрядом наши кланы выдвинулись на защиту, зная, что путь в один конец. Но пророчество было: Север не падёт, пусть даже весь мир придёт с мечом. — Он помолчал, бросил ветку в костёр и продолжил: — Змей разрушил весь флот — наш и имперский. Столкновения не произошло. Но и Империя не имеет возможности перебрасывать так много войск, учитывая, что под боком Юг.

— Значит, они переключились на нас, — мрачно сказал Гаррет, глядя в огонь.

— Да, — кивнул Баэль. — А мы полностью закрылись. Иногда грабили континентальный Север и немного восточных земель.

Он отпил ещё глоток эля, и Вернер, повернувшись обратно к отряду, добавил:

— Сейчас между нашими народами отношения сильно натянуты. Прошло много времени. Иногда мы грабим, но некоторые местные «лорды», чтоб их псы подрали, платят дань нам, чтобы мы их не трогали.

— Как раз город, который вы видите, — Кёримат, — Баэль указал кружкой в сторону далёких огней. — Он наш данник, но местный управленец — та ещё мразь. Баларис.

— А его дочь-шлюха Фрия, — проговорил Вернер, сплюнув в костёр. — Вечно создают проблемы.

— Они должны дать нам корабль, — Баэль снова посмотрел на море. — Отсюда мы двинемся в Исвик, нашу столицу и мой дом.

Сэдрик не смог долго бороться с усталостью и незаметно для остальных уснул. Эйлис тут же прижалась к нему, согревая своим телом, и укутала во всё, что только нашла под рукой. Даже вонь, исходившая от Сэдрика после боя, её ничуть не пугала. Похлёбка Мари не спасала от смрада, которым пропитались и Сэдрик, и Гаррет после схватки в горе.

— Эйли, не волнуйся, он крепкий малый, — Баэль, заметив её заботу и переживания, постарался успокоить девушку. — Завтра пойдём в город, там будет помощь.

Мари улыбнулась, глядя на них. Все в отряде уже давно заметили их отношения, заметили и иногда слышали по вечерам.

Дуинхир был тих. Он слушал рассказы и вдумчиво глядел на каждого из отряда.

— А что потом? — наконец обратился он к Баэлю. — Мы придём в Исвик, а дальше? — Оперевшись двумя руками на колено, эльф пристально смотрел Баэлю в глаза.

— А я откуда знаю, ушастый? — Баэль долил себе остатки эля. — В мою дочь вселился посланник с пророчеством, нас отправили за тобой сюда, старики толковали пророчество так. Свою миссию мы почти выполнили, а дальше — дело за стариками.

Он помолчал, покрутил кружку в пальцах.

— Надеюсь, дадут время, чтоб Мари ещё одного мне сделала. Оставлю её дома с Эйлис, может, и пацанов, — он кивнул в сторону Гаррета, и между ними скользнула улыбка, как между отцом и сыном. — Такие мужья пригодятся нам дома.

— Лучше ты Расскажи, что за люгины и откуда они вообще взялись, — Баэль повернулся к Дуинхиру и зевнул.

Дуинхир поднял глаза к небу.

— Тропы эти — торговые. Точнее, сделаны были, чтоб легче было торговать со всеми. Никто и подумать не мог, что когда-нибудь о них забудет мир. Люгины живут в земле, как кроты. Не знаю, что ещё и сказать о них. — Он тоже начал зевать, потёр глаза. — Глаза слипаются уже. Давайте спать.

Он поднялся и ушёл в дальний угол лагеря.

Вернер и Гаррет остались приглядывать за лагерем.

— Поспи пока, Гар. Как засыпать начну — разбужу тебя. Завтра очень тяжёлый день, — Вернер хлопнул Гаррета по плечу.

— Почему тяжёлый?

— Ложись, пацан.

Глава 15

Кёримат встречал отряд холодным морским бризом, запахом рыбы и гари. Взгляды горожан сразу устремились на Баэля и Вернера. Дети тыкали пальцами, родители поспешно убрали их с улиц, едва северяне проходили мимо. Кузницы стучали, люди шептались. Стража сопровождала всех к Баларису — всех, кроме Дуинхира. Баэль велел ему остаться у подножья горы: рисковать его раскрытием было нельзя. Сам Баэль выглядел уже лучше, а вот Сэдрик по-прежнему был тяжело ранен. Стражники в помощи отказали. Гаррет, не обращая внимания на опасность причинить другу боль, тащил его на себе. Перед входом в дом правителя всех заставили оставить оружие. Баэль, скрепя зубы, отдавал свой топор — он был дорог ему не меньше, чем дочь и жена. — Если хоть одна мразь его тронет, я отрублю сперва пальцы, потом руки, потом губы и вырву язык, — пробормотал Баэль, брызгая слюной в лицо стражника. Те лишь ухмыльнулись. — Да-да, я чуть не обоссался от страха, — бросил один из них. Вернер мгновенно дёрнулся в его сторону, заставив стражника отшатнуться. — А теперь, кажется, точно обоссался, — оскалился Вернер. Тяжёлые двери длинного дома распахнулись. В лицо пахло теплом очага, запахом сытной еды и хорошей жизни. Баэль и остальные вошли внутрь. Их встретил зал наместника, где Баларис принимал гостей и подданных. Он восседал на большом деревянном «троне», сработанном явно не лучшими мастерами и покрытом никому не ведомыми узорами. — Ба-а-аль! — Баларис притворно-радостно развёл руками, ухмыляясь. — Какая честь видеть тебя в наших землях! Неужели с набегом пожаловал? И бравых ребят, гляжу, привёл! — Он захохотал, и через секунду весь зал засмеялся вместе с ним. Вернер напрягся. Гаррет следил за ним всю дорогу до Кёримата и теперь ожидал худшего. — Баларис, — сдержанно, но с нажимом произнёс Баэль, подходя настолько близко, насколько позволила охрана. — Ты наш данник. Мне нужна твоя помощь. — Да что ты, данник — Баларис резко подался вперёд. — Чей же я данник? Каждого, кто живёт за морем? Твой? Или вашего короля? Я плачу достаточно. Ты пришёл не по адресу, мой друг. — Он встал с трона. — Убирайся. Это будет мой щедрый подарок — тебе и твоему мерзкому щенку. — Он сплюнул в сторону Вернера. — Всё такой же — бледный, слабый, вонючий старик, — не сдержал эмоций Вернер. — Ещё немного, и можно было бы гномом назвать. — Если бы ты не был моим сыном, Вернер, я бы приказал освежевать тебя здесь и сейчас. — Так прикажи. — Вернер чуть отступил, сбившись на полшага. — Я тебе не сын. Ты мне не отец. — Прекратите! — выдохнул Баэль. — Баларис, дай мне один корабль. Я договорюсь с Гердой и Ригом, они на год оставят тебя с данью. Клянусь тебе. — Вы забираете каждый год сто новорождённых детей! Один из них стоит сейчас рядом с тобой. — Баларис ткнул пальцем в Вернера. — Вы грабили и убивали. Моя жена была пленена, и её унесло море вместе с тварями, что её пленили. Твой отец был на моих землях много раз. — Он вытер слюну с усов и бороды. — И он был жесток. Я лорд этих земель! Я здесь решаю! — крик его разносился далеко за стены дома, нависая над Баэлем. — Лорд? — тихо переспросил Баэль. Мари осторожно положила ладонь ему на спину, пытаясь остудить его пыл. — Лорд, значит. Такой теперь здесь удел. — Баэль наклонил голову, его голос упал до угрожающего шёпота. — Ну так скажи, лорд, какова твоя цена? Сколько нужно заплатить тебе, чтобы ты, сука, дал мне корабль и врача? Он пересчитал взглядом каждого стражника в зале. Те немедленно схватились за мечи. В зале повисла тишина. И вдруг двери распахнулись, и внутрь вошла девушка. Было в ней что-то неуловимо похожее на Вернера — те же резкие черты, тот же разрез глаз, — но смягчённые миловидностью. Спутанные, давно не мытые волосы свисали вдоль лица, под левым глазом белел тонкий шрам. Одетая она была в кожу и тёплую меховую накидку. Шла уверенно, не глядя по сторонам, подкидывая в руке яблоко. Проходя мимо Вернера, который немедленно отвернулся, едва её завидев, она на мгновение задержалась и шлёпнула его по заду. — Привет, братик, — весело и игриво бросила она. Про-

шла мимо отца, скинула накидку и рухнула на трон, закинув ногу на ногу. — Ну что тут, отец? — откусила яблоко. Баларис повернулся к дочери: — Фрия, ты забываешься! — прошипел он, склонившись к её уху. — Папочка, кажется, это ты забываешься. Твоё время — отдыхать. Я займусь делами. Пойди поспи. — С презрением и отвращением она махнула рукой в сторону. Баларис не стал перечить молодой и дерзкой дочери. — Фрия, в тебе есть северный огонь, — Баэль сложил руки на животе и заглянул ей прямо в глаза. — Я прошу тебя оказать нашему другу помощь. Он сильно ранен, а нам нужен корабль. — М-м-м, — промычала она, ковыряясь ногтями в зубах и пытаясь вытащить застрявшую яблочную шкурку. — Вернер останется здесь. — Она склонила голову набок и оглядела брата с ног до головы. — Исключено! — возразил Вернер. Рука его дёрнулась к мечу, но пальцы сжали пустоту — оружие он сдал. — Братик, ты забыл, как трахал в этом доме мою мать? А меня заставлял смотреть? — улыбаясь, она накрутила прядь волос на палец. — Я не знал, что ты его дочь. Я не заставлял тебя смотреть, тебе так показалось. — Вернер растерялся, голос его дрогнул. — А-а-а, не знал. Значит, мелкий налётчик пришёл в свой дом насилловать свой народ на глазах у детей — это нормально? А когда я отдала приказ вырезать всех, — она поставила обе ноги ровно и подалась вперёд, нависая над Вернером, — всех, кто пришёл договариваться о мире, так я сразу стала шлюхой и тварью. — Её взгляд переметнулся на Баэля. — «Северный огонь»? Дяденька, во мне севера не меньше твоего. Я пошлю птиц, и сюда тут же пришлют Ворон, и ваши сраные оборванцы с островов, — Фрия встала, достала из ножен небольшой клинок и направила его на Баэля, — тут же перестанут приходить сюда за данью и со своими набегами. — Пацану помогут, — она махнула головой стражникам, чтобы те его забрали. — Не отдам, — возразил Гаррет. — Сам понесу. Фрия одобрительно кивнула. — Ты, может, не знаешь, Вернер после вашего набега отец возненавидел мою мать, и та повесилась в нашей комнате. Я до сих пор сплю и вижу её висящей над своей кроватью. — Она поправила волосы назад. — И всё благодаря тебе. Может, мне приказать, чтоб тебя отдали псам? Или Идея! — вскрикнула Фрия, подняв палец вверх. — Вы сразитесь с Баэлем насмерть! — засмеялась она. Эйлис и Мари прятались за спиной Баэля, Эйлис держала мать за руку. — Фрия, я понимаю твой гнев. Дай нам корабль и людей, завтра мы уплывём, и ты больше не увидишь нас, — прервал её хохот Баэль. Фрия смотрела с презрением на них всех. — Почему? Зачем мне это? — Она прижала плечи и вскинула брови. — Вы ненавидите меня, я ненавижу вас. Вы пришли — и я должна вам всё отдать, так? — Я не прошу тебя отдать. Я верну тебе гораздо больше. — Баэль насупился, казалось, ещё немного — и его терпение лопнет. — Мы больше не будем вашими данниками. Никаких детей. Наш лес, наша рыба. Набегов больше не будет, и этому не должно быть срока. Наши корабельщики и литейщики вернутся домой, к семьям, навсегда. Твоя дочь останется здесь и выйдет замуж за кого-нибудь из моих людей. — Фрия упала на трон, доедая яблоко. Баэль тяжело вздохнул. Посмотрел на Эйлис. Мари тряслась, пуская слезу. Эйлис закрыла глаза от ужаса. — Договорились. Сэдрик и Гаррет были у местного лекаря. Эйлис не отходила от Мари ни шагу. Ночь была долгой. Вернер был в ярости от решения Баэля отдать им Эйлис — единственного его ребёнка. Баэль лишь перебирал в руках вырезанные им давным-давно руны. Мари не разговаривала ни с кем, лишь гладила Эйлис и вытирала слёзы со своего лица. — Я вернусь за тобой, дочь моя. Сниму шкуру с этой шлюхи. Я даю тебе слово, Боги слышат клятву, Боги помнят клятвы. Земля не примет меня, если я не сдержу своё слово перед тобой. — Баэль смотрел на руны, и в голосе его дрожали слёзы. — Брат мой, друг мой Как ты мог так поступить? — Вернер не сдержался и положил обе руки на плечи Баэля. Баэль отшвырнул руны и резким движением сбил руки Вернера в стороны. — А что я должен был сделать? Наша цель — довести ушастого. Наше предназначение таково. — Он начал наступать на Вернера. — Прошу вас, не ссорьтесь. Я принимаю твоё решение, отец. Такова судьба. Просто я думала, всё будет по-другому, не так. — Тихий, дрожащий голос Эйлис прозвучал из объятий матери. Тишина повисла над ними. — Лучше бы меня оставили здесь. Я всё равно виноват во всём, — Вернер отвернулся от Баэля.

— Я был молод Яйца кипели, крики людей и запах крови свели меня с ума в тот день. — Тихо, с сожалением он опустил взгляд в пол. Баэль не стал продолжать разговор. Он дотронулся до руки Эйлис, провёл по ней, не глядя на неё саму, отошёл и лёг смотреть в гнилой потолок. Под ним было лишь немного сена, на ужин принесли какие-то помои. Баэль не притронулся к ним, да и никто не стал — аппетит покинул всех. Снаружи доносились крики морских птиц и далёкие голоса матросов. Холод пробирал до костей. Вернер ушёл и не возвращался до самого утра. Эйлис и Мари уснули, обнимая друг друга. Раним утром Баэль отправил Вернера дать сигнал Дуинхиру, чтобы тот пробрался в порт и проник на корабль, который готовили к отплытию. На причале их никто не провожал. Эйлис забрали ко двору по приказу Фрии — назло Баэлю, чтобы она не могла проститься с родителями. Экипаж был молодой — новобранцы, не иначе. Слабые руки, да и сам корабль оказался под стать: ветхий, чахлый. «Доплыть бы до дома», — думал Баэль. Сэдрик и Гаррет немного задержались, но Сэдрик уже шёл сам, прихрамывая. В дорогу они закупились провизией в городе — хоть и продавали им всё вдвое дороже, денег с турнира и накоплений Сэдрика хватило, чтобы пополнить запасы сполна. Сэдрик заметил, что лицо Вернера скривилось кислой гримасой — будто воняло дерьмом повсюду. Хотя дерьмом и правда воняло повсюду, таким он всё равно никогда не выглядел. «Что-то случилось», — подумал Сэдрик, но спрашивать не стал. Заходя на корабль, Сэдрик обратился к Баэлю: — А где Эйлис? Баэль, поднимавшийся следом, с неприязнью бросил: — Я думал, ты не заметишь. Он пихнул Сэдрика в спину, заставляя быстрее взойти на борт. — Иди давай, — буркнул и двинулся следом. Все разместились на этом подобии судна. Уставшие паруса взялся помогать спускать Гаррет, но тут же запутался в морских узлах. Один из молодых моряков крикнул ему: — Ты что, тяжелее члена ничего в руках не держал? Весь корабль засмеялся. — Член твоей матери был потяжелее этого, осёл, — Гаррет сплюнул в сторону и угрюмо уставился на моряка, но через несколько секунд засмеялся вместе с остальными.

Глава 16

Путь отряда был опасным и долгим. В этих морях царствовал Змей, чей размер неизвестен до сих пор — говорят, весь мир держится на нём. Сэдрик, Гаррет и Дуинхир страдали от качки. Дуинхир прятался в трюме почти всё время, изредка выходя на палубу по ночам. Сэдрику поведали историю что произошло в очаге Кёримата. Настроение было мрачным, подавленным, но они находили в себе силы общаться на другие темы. Сэдрик не был опечален отсутствием Эйлис, и все это замечали. Между Гарретом и Сэдриком натянулись непонятные отношения — несмотря на то, что Гаррет оберегал Сэдрика, сам он волновался об Эйлис больше всех. Мари заметила безразличие Сэдрика, и это сильно оттолкнуло её от него. Гаррет же наоборот — Баэль относился к нему с теплом, Мари тоже, будто он и правда был членом их семьи. Сэдрик не терял времени в пути и учился у Вернера мечу, хоть рана была всё ещё серьёзной. Они обсуждали тактики ведения боя. Вернер объяснил разницу доспехов, их тяжесть и преимущества каждого, объяснил, что не всегда выгодно быть слегка одетым для ловкости. Время шло. Дуинхир тоже подключился к обучению Сэдрика — лучшего мечника нельзя было и представить. В один из дней застучал колокол на мачте — означало, что виднеется берег. Сэдрик и Гаррет первыми побежали к носу корабля и увидели остров огромных масштабов. Из труб валил дым. Большой порт встречал их: люди с копьями и топорами стояли на причале, а дома здесь были необычными — треугольными, каких Сэдрик раньше не видел. Замков тоже не было заметно. На небольших возвышенностях, похожих на горы, виднелись длинные украшенные дома — как в Кёримате, только больше, выше и красивее. Внизу толпились грубые, озлобленные люди, чьи бороды скрывали половину лиц. Баэль велел всем оставаться на корабле и сошёл на берег один. Напряжение, висевшее над палубой, быстро развеялось, когда его встретил человек не менее мощный, чем сам Баэль. Тот обнял его и приподнял, засмеявшись. Баэль, улыбаясь, повернулся к кораблю и махнул рукой: — Сходите на берег! — крикнул он. Все уже собрались и сразу же начали сходить. Сэдрик чувствовал себя лучше — боль никуда не ушла, но ходить он мог уже легче. Город оживал: трубили рога, селяне радовались, глядя на Баэля. Сэдрик был удивлён — так их ещё нигде не встречали за последнее время. Каждый второй пытался что-то втюхать Баэлю, угостить, зазывал к себе. Они двинулись по тропе вверх, поднимаясь к тем самым скалистым горам, где стояли дома местных вождей. Ивик был огромен — с ним, пожалуй, мог сравниться только Чёрный замок, хотя и владения Стрёмов были не малы. Город раскинулся от берегов едва ли не до середины острова. За пределами столицы, по границам, правили малые вожди, державшие собственные деревни. Но все они были едины перед лицом двух людей — Рига и Герды, мужа и жены, верховных вождей Севера. На них держался мир на самом острове. Другие, мелкие вожди, жаждали грабить и вернуть себе прежний, дикий Север, но покорялись только Ригу и Герде — тем, кто сохранил мир, когда Север раскололся изнутри. Континентальный Север отказался быть данником, посчитав остров слабым. Были мятежи и перевороты, но Риг и Герда, в те времена ещё совсем молодые, с армией малой по численности, но сильной духом, сумели подавить смуту и удержать власть. Так, в пути, Вернер рассказал Сэдрику. Гаррет шёл рядом с Баэлем и, кажется, чувствовал себя как дома. Даже местные относились к нему иначе. В море он оброс бородой, и патлы свисали на плечи. Сэдрик подстригся и сбрил бороду ещё на корабле. Теперь, без всей этой щетины и спутанных волос, он выглядел иначе — моложе, но жёстче. Острые скулы, тёмные глаза, в которых застыла усталость. В городе было на удивление уютно. Несмотря на дикий, жесточайший холод, люди пели песни, работали с улыбкой на лицах. Запах дыма и моря почти не чувствовался — только иней, оседавший на ресницах, напоминал о том, что здесь властвует зима. Плащи у всех были тёплые, ботинки набиты мехом, рукавицы толще сапог, но Сэдрика с непривычки трясло с головы до ног. Войдя в тёплый дом, их встретила женщина — высокая, с короткими

волосами. Лицо её было покрыто татуировками: узоры одновременно украшали и устрашали. Она подошла к Баэлю и обняла его очень крепко — стоявший позади Сэдрик услышал, как тот хрустнул. Мари обнялась с ней с теплом и впервые за долгое время с улыбкой на лице. — Где моя девочка Эля? — осматриваясь вокруг и заглядывая за спину, спросила женщина. — Я тебе позже расскажу, Герда, — грустно ответила Мари. — Только не говори мне — Герда заглянула в глаза Мари. — Нет Нет Давай потом, пожалуйста. Я хочу прилечь в нормальную постель. — Мари скинула сумку с плеча и ушла вглубь дома. — А это что за малый такой у нас тут? — Герда обратилась к Гаррету и подошла ближе. — Это что, твой сын, Баэль? Как он быстро вырос за два года. Она резко взяла его за пах. Герда была выше Гаррета, и ладонь её оказалась велика — уместившись туда, причиндалы почувствовали не только тепло, но и силу её хватки. — Ну точно северянин, — засмеялись все в зале. — Герда, ты мои-то яйца когда держала? А как молодого увидела — так сразу хватаешься. А что, если это ублюдок ашаверский? — Риг с насмешкой проговорил, проходя мимо них. — Я Гаррет, госпожа, — тихо, слегка испуганно пробормотал в бороду Гаррет. Герда засмеялась: — Откуда ты его взял, Баэль? «Госпожа»! — Её смех усилился, и все стоявшие в зале засмеялись вместе с ней, включая самого Баэля. — Герда, дай нам отдохнуть с дороги, — Баэль помял головой влево-вправо. — Мы проделали такой путь. Мне бы сейчас баню горячую да эля убойного. — Конечно, брат мой. Твой дом — располагайся, всё будет для вас. Всем места хватит. А кому не хватит, — она посмотрела на Гаррета, — могут сегодня вечером присоединиться к нам с Ригом. — Подмигнув, сказала Герда. Весь отряд расположился в доме Баэля. Вернера не было видно — он не заходил внутрь, уйдя куда-то с Дуинхиром ещё раньше. Сэдрик получил свою комнату, обвешенную мехами разных животных, от которых веяло запахом шкуры. Приятное ощущение этих шкур и идущее от них тепло успокаивали его. За всё время, начиная с отплытия от Кёримата, Сэдрик не мог расслабиться ни на секунду, не мог уединиться со своими мыслями. Но как только он присел на мягкую кровать, смятение охватило его, а следом подкатил ужас. Что я тут делаю? Как так вышло? Мысли кружили в голове, чёрные черви уже готовы были пронзить его мозг, но Гаррет помешал им. Он вошёл без стука. — Э, че как тебе, а? Круто тут! Ещё эта Герда ухх, я бы ей Блин, скоро в баню пойдём, может, и нажрёмся сегодня! — Гаррет ходил по комнате, широко рассекая ногами. — Ты че молчишь? Тебе че, не нравится тут? Смотри, какие меха. — Он провёл рукой по медвежьей шкуре. — Запах какой тут стоит. Суровый такой. Северный камень. — Он посмотрел на ошарашенного Сэдрика, сидевшего в скромной позе, и, подсев рядом, спросил: — Что с тобой, Сэд? — Да не знаю я. Всё это так странно. Мы такой путь с тобой прошли, я даже представить себе не мог. Мы просто идём и идём. Меня вообще проткнули костью, — он посмотрел на место раны, — костью, какая-то слизкая тварь. — Он помотал головой. — Я не знаю, Гаррет. Кажется, я схожу с ума. Не это я представлял. Я даже не думал, что такие твари существуют. — Да-а-а, ты как обычно, Сэдрик, думаешь непонятно о чём. Мы так далеко от дома, мы мечтали об этом, помнишь? Лежали у стен Реша и мечтали. — Гаррет лёг на кровать, закинув руки за голову. — Да, мечтали. О замках и принцессах, рыцарстве и — Сэдрик сделал небольшую паузу. — О вечной дружбе. А сейчас что? — Он повернулся к Гаррету. — Что сейчас? Мы непонятно где. Зачем мы вообще тут? Мы лишние, нет? — Да нет, Орвин, хоть и мудака, но он нашёл своё место. Мы своё. Ну, или я нашёл своё. Мне тут хорошо. Эти люди — мои люди. — Гаррет спокойно проговорил в потолок. Сэдрик отвернулся, глядя на свои руки. — Своё место? Есть ли в этом мире мне место? — тихо сказал он, едва слышно. — Что ты сказал? — спросил Гаррет. — Да ничего. Я рад за тебя, друг мой. — Сэдрик положил руку на колено Гаррета. — Слушай, Сэд, когда мы вернём Эйлис, ты не против, если я с ней ну, попробую? А то кажется, тебе всё равно. — Гаррет вскочил и устался на Сэдрика. — Да конечно, делай что хочешь. — Сэдрик фальшиво улыбнулся. — Ну и славно. С самого начала она мне понравилась. Не знаю, что она в тебе нашла. — Гаррет встал и отошёл от кровати. — Ну ладно. Я вот думаю, может, сбежим? На день-два, исследуем местные леса. Помнишь, как

раньше? — Он повернулся к Сэдрику с улыбкой, почёсывая затылок.— Как раньше? Раньше ты в жопе ковырялся и нюхал потом руки, делая вид, что нос чешешь. Думал, мы не замечали? — засмеялся Сэдрик. Гаррет засмутился, но тоже слегка посмеялся.— Давай сходим в баню, а потом, если нас не хватятся, сбежим ненадолго. Хоть на день. Как раньше.— Как раньше, — кивнул Сэдрик, и впервые за долгое время его улыбка была почти настоящей. — Если нас вкусно покормят, я подумаю над твоим предложением. Приняв баню, Сэдрик и Гаррет остались одни, но стол для них был полон. Наевшись до отвала, они принялись выпивать, и в тот вечер изрядно накидались вдвоём. Впервые за долгое время они позволили себе расслабиться и договорились уйти на несколько дней в леса вокруг Исвика.

Глава 17

Раним утром Гаррет и Сэдрик покинули город. Лица, видевшие их, были им незнакомы. Баэль с остальными занимались своими делами — встречами с лидерами кланов и старейшинами. Другим нечем было себя занять, их не посвящали в дела Севера. Гаррет шёл вперёд, сам не зная куда. Холод стал для него привычным, а Сэдрик проклинал каждую секунду на этом сыром, замёрзшем камне. Путь их лежал через деревушку недалеко от города, на окраине виднелся лес. Гаррет охотно, в своём обычном задорном духе, побежал туда сломя голову. Сэдрику ничего не оставалось — он ведь сам согласился на эту авантюру. Подходя к лесу, они почувствовали болотный запах и немного тепловатого воздуха — такого, какого нигде вокруг не было. Деревья стояли черноватые, а снег лежал лишь поверх кроны. Внутри леса не виднелось зимы, хотя позади остались снежные завалы. Сэдрик насторожился, но Гаррет уверял, что всё дело в плотности деревьев. Войдя в лес, Сэдрик убедился, что выглядит он обычно, хоть запах тут стоял тухловатый, воздух был притушен, а живности будто никогда здесь и не водилось. Они проходили всё глубже, исследуя чащу, и туман начинал окутывать окрестности. — Гар, ты уверен, что мы найдём выход потом? Туман затягивает, — Сэдрик оборачивался по сторонам и с тревогой выкрикивал вслед уходящему вдаль Гаррету. — Га-ар, не уходи так далеко, я почти не вижу тебя! В ответ он услышал только лёгкий гул деревьев. Запаниковав на секунду, Сэдрик ударился об Гаррета, не заметив его в тумане. — Ты чего, идиот, молчишь? — возмутился он. — Смотри! Какой странный олень! — Гаррет показывал пальцем на тушу. Олень выглядел свежо, но одновременно с этим — будто лежал здесь тысячу лет. Из туши было высосано всё: глаза заняли черви, остались лишь скелет и шкура. Но шкура та была свежей. Сэдрик смутился: — Что-то неладное. Может, уйдём обратно? Тут рядом деревня. — Прекрати. Ну, наверное, из-за климата так сохранился олень. Может, тут кровопийцы-комары? — засмеялся Гаррет. — Дурак. Может, и из нас высосут всю жизнь? — Сэдрик не переставал нервно оборачиваться, но видел всё меньше из-за тумана. Гаррет пошёл дальше, одёрнув Сэдрика за собой. Они блуждали в тумане какое-то время. Звуки доносились разные: гул леса сменился скрипом, изредка слышались крики птиц и устрашающий гогот. Сэдрика захлёстывала тревога, ужас начинал окутывать его всё плотнее. Гаррет же, будто ребёнок, с каждым шагом становился всё веселее, и это веселье пугало Сэдрика больше самого леса, хоть и напоминало ему их молодость. Сердце сжималось, ноги еле шли. — Гаррет, с тобой всё в порядке? — тихо, с опаской в голосе проговорил Сэдрик. Гаррет кружился и хохотал: — Конечно, как тут чудесно! — Он скинул с себя утеплённую мехом накидку. — Золотистые птицы, солнышко! — продолжал веселиться и прыгать от счастья. Сэдрик смотрел, как Гаррет, по щиколотку в болоте, прыгает от радости и говорит о птицах. Туман сгущался. Ужас звоном и тряской заполнял разум Сэдрика, приглушая мысли. Головокружение усилилось, и он припал на колени, схватившись за голову обеими руками. Когда поднял взгляд, Гаррета уже не было. Не стало слышно и его смеха. — Гаррет! — крикнул он несколько раз. В ответ — тишина. Сэдрику ничего не оставалось, как просто идти сквозь этот густой туман. Он шёл недолго. Впереди проступили очертания дома — небольшого, приземистого. Подойдя ближе, он заметил, что в окнах горит свет. Над дверью висели кости животных, а в центре — большой рогатый череп, напоминающий оленин, но явно принадлежавший чему-то иному. Сэдрик не осмелился войти, пока не услышал рычание и вой позади себя — так близко, что сердце ударило в грудь, а ноги сами толкнули вперёд. Он вбежал в дом. Прищурившись, он почувствовал тепло. Было светло. Пахло хлебом, похлёбкой — той самой, что варила Мари в их первый совместный ужин. Пахло как дома, когда готовила мать. Приятно потрескивали дрова в камине. Стены украшали картины и гобелены. Недалеко от камина стоял стол, а за столом сидел Гаррет — жадно что-то уплетая. На столе было много еды: рыба, мясо, сладости, фрукты. Звук голодного желудка выдал Сэдрика. — Гаррет! — крикнул

он. Тот не обернулся, продолжая жадно загребать всё руками. — Гаррет, сука! — громко, на весь дом, закричал Сэдрик. Гаррет обернулся. Взгляд его был пустым, жадным, налитые кровью глаза лишь на секунду пронзили Сэдрика, а потом он снова продолжил есть. Над столом, на втором этаже, показалась приближающаяся фигура. Женщина подошла к перилам. — Ах, Сэдрик, ты уже пришёл. Не мешай своему другу кушать. Лучше присядь за стол, я сейчас спущусь, — слегка посмеялась она. Сэдрика взял ужас, по телу пробежала дрожь. Подойдя к столу, он присел так, чтобы видеть и женщину, и Гаррета. Запахи со стола манили, и он чувствовал, как слабеет перед желанием наброситься на большой жирный окорок, стоявший посреди стола. — Угощайся, не стесняйся. Я весь день готовила для вас, — проговорила женщина, спустившись. — Меня зовут Хельга. Я живу здесь уже давно, привыкла готовить для заблудившихся селян. Она крутила головой и ехидно улыбалась. «Прямо как мать», — на мгновение пронеслось в голове у Сэдрика. — Откуда вы знаете, как меня зовут? — Твой друг поведал. Он заблудился, потерял тебя. Видишь, как кушает. — Она глянула на Гаррета, и тот улыбнулся в ответ. — И как же вы тутживаетесь в таком доме? Вместо ответа она положила свою руку на руку Сэдрика. Его будто пронзила волна первобытного ужаса, сковав всё тело. Кости ломило, сердце колотилось, отдаваясь вибрацией в рёбра, старая рана зазудела болью. Он захлёбывался воздухом, пытаясь выдать хоть слово. — Ты во мраке блуждаешь один, сердце твоё покрывается плесенью, — глаза Хельги делались каменными, будто вот-вот выпадут. — Путь твой только начинается, ты — пламя вечного огня. Она сжала его руку, впиваясь ногтями в кожу. — Протянувшаяся рука однажды пронзила твою душу и плоть. Ты связан. Ты обречён. Жуткий смех разнёсся по всему дому, стены, казалось, тряслись от её хохота. — Ты увидишь, ты поймёшь, — проскрежетала она и достала из складок платья что-то, похожее на сушёные грибы. Сэдрик невольно приоткрыл рот и почувствовал кислый вкус. Глаза его закрылись. В видении он увидел свои руки, с которых стекала кровь. В ужасе он тряс ими, а под ногами лежали трупы. Он поднял взгляд и вернулся в дом. Перед ним, вцепившись в его руку, сидело существо с сухой сморщенной кожей, редкими длинными волосами, сквозь которые просвечивала кожа головы. Глаза — полностью белые, слепые, выпирающие из орбит. Губы — разбитые и иссохшие. — Это же я! Аугрид! — хриплым, мерзким голосом проскрежетала тварь и засмеялась, как лошадь. Сэдрик смотрел с омерзением, чувствуя, что его вот-вот вывернет. — Не бойся меня. Ты здесь не по воле судьбы, но я дам тебе ответ на любой твой вопрос, — злобно хохотала она. Разум Сэдрика понемногу прояснялся. — На какой вопрос? — осторожно спросил он. — На любой. В голове пронеслось множество вопросов: кто она, где они, что с Гарретом. Но первой с губ сорвалась та, что мучила его дольше всего. — Что значили те слова? «Ты пламя или пыль»? Ведьма задумалась, и улыбка на несколько секунд сошла с её иссохшего лица. — Тяжёлый выбор ведёт к большим последствиям. Выберешь ты путь к звёздам или путь ко дну морскому, может, хочешь ты славы рыцарской али желаешь дерьмо лошадиное прибирать? Два пути лежат перед тобой. Гореть тебе большим огнём или забытым быть. Слова её звучали, как колокол. Голова Сэдрика закружилась, они отдавались в сознании раз за разом, пока темнота не поглотила его. Очнулся он от дикого холода. Лицо лежало на обледенелой столешнице. Подняв голову, он увидел Гаррета — тот сидел на стуле и спал как убитый. Сэдрик осмотрелся: в доме зияли дыры, в крыше не хватало доброй половины, повсюду чернели проломы. От бывшего уюта не осталось почти ничего — лишь остов из нескольких стен да ветки деревьев, вмёрзшие в щели. На голову падал лёгкий, редкий снег. Сэдрик кинулся будить Гаррета. Тот, придя в себя, затрясся от холода. — Где моя накидка? Где мы, нахрен?! — возмутился он. — Возьми мою, согрейся. — Сэдрик снял с себя тёплый плащ и накинул на Гаррета. — Кажется, заблудились и уснули здесь. — Давай вернёмся в деревню, там поедим и погреемся, пока нас не хватились. Оттуда в город вернёмся, — говорил он, поднимая Гаррета со стула — тот намертво прилип к сиденью. — Может, прогуляемся ещё? Мы ведь только пришли недавно, да и туман вроде сошёл, — пробормотал Гаррет спросонья. Сэдрик помотал головой: — Нет. Пошли в деревню,

я уже одубел. Лес перестал быть прежним. Обычный зимний лес — запах гнили ушёл вместе с туманом. Сэдрик шёл так быстро, насколько это возможно. Гаррет ныл, что тот торопится. Выйдя из леса, они направились в деревню, что была неподалёку, и сразу же зашли в местную корчму — погреться и выпить эля. Но, к их удивлению, там сидел Вернер и ещё пятеро суровых воинов. Сэдрик и Гаррет подошли поздороваться. — Вернер, а ты чего тут забыл? Мы тебя с самого прибытия потеряли! — с улыбкой и радостью выкрикнул Сэдрик, обращаясь к его спине. Вернер обернулся. Взгляд у него был злым. — Вы где пропадали? Мы вас сутки ищем, вы исчезли на несколько дней! Где вас носило, два ублюдка? — Он схватил Сэдрика за рукав и тряс, не скрывая ярости. Сэдрик растерялся. — Как — два дня? Мы же всего на несколько часов ушли от деревни. Утром вышли из Исвика, дошли сюда и зашли в лес, — спокойно ответил он. В корчме повисла тишина. Вернер отпустил Сэдрика и чуть отшагнул. — Как — в лес ходили? — испуганно спросил он. — Гаррет побежал туда, я за ним. Ну, погуляли там. — Сэдрик почувствовал себя неловко, будто нарушил закон. Корчмарь за стойкой проговорил с ужасом на лице: — В тот лес уже лет сто никто не заходит. Мёртвый лес это. Кто зайдёт — не выйдет, умрёт. Говорят, разные твари там живут, а всеми ими ведьма старая правит. В него не входят и не выходят, он для жителей не опасен, но туда нельзя. Сэдрик делал вид, что не понимает. Гаррет и правда ничего не понимал. Вернер обвёл взглядом всех присутствующих, взял свой отряд, прихватил ребят и двинулся обратно в Исвик, по дороге без конца расспрашивая Сэдрика.

Глава 18

Дни сменяли ночи, недели — месяцы. Сэдрик заметно поднатаскался с мечом и щитом, но щит по-прежнему стеснял его движения. Он вдохновлялся Вернером и Дуинхиром, чьи руки были заняты только клинками. Вернер любил второй клинок для отвлечения внимания, а Дуинхир сражался с одним — длинным, но лёгким, как перо, мечом из эльфийской стали. Гаррет стал приближённым Баэля, помогал ему с дипломатическими делами и ужился вместе с Баэлем и Мари в доме. Вечно хмурый, злой, но всё тот же Гаррет — глаза его горели от любви к Северу и к делам, что Баэль ему поручал. Дуинхир часто пропадал на несколько дней. Вернер говорил, что старейшины морально пытаются его. Дуинхир знал все древние языки — что-то переводил, что-то и так знал. В общем, все были заняты, и только Сэдрик с Вернером каждый день стучали сталью. — Говорят, твой дружок Орвин рыцарем стал, — Вернер, покусывая яблоко, уселся на перила тренировочного лагеря. — Как — рыцарем? Уже? Не рано ли? — Сэдрик, не останавливаясь, продолжал рубить столб, обмотанный тряпьем. — Ну, кто-то жизнь тратит, а кому-то и два года хватает. Сэдрик остановился и повернулся к Вернеру. — Два года? Он опустил меч в землю. — Да. Два года уже прошло, может, чуть меньше. — Вернер поднял глаза вверх и сделал вид, что считает. — А что ещё слышно? — Сэдрик ускоренным шагом подошёл к нему. — Да я так, краем уха слушал, честно сказать — Не ври. Рассказывай, ну, — Сэдрик облокотился рядом на перила, где сидел Вернер. — Ну, он теперь третий рыцарь этой принцессы твоей. Сэдрик выпрямился. — Чего это она моя? — Я с тобой уже сколько живу? Ты во сне её имя произносишь: «Аугрид, о Аугрид!» — Вернер скорчил рожу и начал дразниться. — Прекрати, а то лапу отрублю, — Сэдрик слегка ударил по свешивавшейся ноге Вернера. — Короче, её второго ещё Мортен закончил, ей приставили там, в замке, какого-то, а потом и третьим стал Орвин. А о твоей подружке мало что известно — наши глаза и уши до воронов не дотягиваются. — Вернер вздохнул. — Почему, кстати, Ашаверы — это вороны? — спросил Сэдрик. — Потому что власть их — в чёрном камне, что под Чёрным замком, ну и в блядском Покрове, чтоб его земля забрала. — Вернер сплюнул в сторону, часть слюны попала на бороду, отчего Сэдрик залился смехом. В один из совместных ужинов, где были все члены отряда, в доме Баэля, как обычно, вкусно пахло северной едой, было тепло и уютно. Баэль заговорил о том, что надеется получить одобрение Рига и Герды на осаду Кёримата и освобождение дочери. Если всё получится, Гаррет женится на Эйлис. Он говорил так, будто речь шла о его собственных планах, в которых всё давно решено. — Ты же не думаешь, что поплывёшь один с кучкой воинов без нас? — перебил его Сэдрик, не переставая хлебать суп. Мари стояла за спиной мужа, разминая ему плечи. Вернер закивал, поддерживая слова Сэдрика. — Вы останетесь тут. Если я уплыву и умру, Гаррет станет правителем моих земель — он и Мари. Вернер поведёт армию вместо меня, а тебе, Сэд, просто незачем рисковать. Будешь помогать Гаррету, — Баэль говорил убедительно, чувствовалось, что он уже не раз прокручивал этот план в голове. — Да хрен ты угадал. Я плыву с тобой в любом случае. — Вернер швырнул ложку, та ударилась о стол и упала на пол. — Либо я один туда поплыву, мне без разницы. Возьму мелкого с собой. — Он кивнул на Сэдрика. — Дело говоришь — поддержал Сэдрик. Баэль напрягся. Он не ожидал такого жёсткого отпора. Гаррет был предупреждён и молчал: всё уже обговорили, но только не с Вернером и Сэдриком. — Я не хочу, чтобы вы рисковали жизнью из-за моих личных намерений. Вы для меня как семья — продолжил Баэль уже спокойнее. — Если мы семья, то и Эйлис - наша семья. Разговор окончен. Дайте мне новую ложку, и закончили. — Вернер не смотрел на Баэля, но скулы его ходили от злости. Мари молча принесла ему новую ложку. Она была напугана гневом Вернера, но в душе радовалась, что он никогда не бросает друга. — Я тоже не могу оставить её там. Да и пора бы уже испытать свой клинок, — Сэдрик положил руку на рукоять. — Кстати, что за клинок? Ты так и не показал, что тебе эльф подарил,

— Вернер, облизывая пальцы, потянулся к клинку Сэдрика, но тот хлопнул его по рукам:— Не-а.Баэль и Мари засмеялись. Гаррет весь вечер был задумчив и молчалив, лишь наблюдал за всеми.— Гар, ты чего такой серьёзный? Почти ничего не ешь? — спросил Сэдрик.— Юг пал. Мы - последний оплот свободы от тирании Ашаверов, — хмуро произнёс Гаррет.Над столом на секунду повисла тишина.— Прекрати. Твоё дело сейчас — не об этом думать, — резко оборвал его Баэль.— Ещё кое-что. Вы не знаете, — ну, ты, Сэдрик, и Вернер, — Рига и Герду сильно давят кланы. Хотят войны, хотят вернуть свои земли. Старики тоже начинают трактовать победу — Его взгляд наострился на эльфа, сидевшего в углу. — Не знаю, что там наш эльф им наговорил, но они хотят, чтобы мы сделали шаг. — Баэль зачесал голову.— Прекрати чесать башку над едой, там и так достаточно специй, — отругалась Мари.— Да ничего я им такого не сказал. До сих пор не понимаю, как так вышло, что мы вышли из леса. Почему так долго я ждал вас — мне понятно: вы смертные, ваша судьба лишь зарождалась. — Дуинхир сидел у камина, грея руки и уперевшись плечом в боковину. — Я рассказал о магах, живущих у южных земель. В море стоит огромная башня, к ней нет хода — безумные шторма охраняют её. Одним словом, магия. Я видел сон, в нём был один маг, смотревший на меня. Думаю, это был не сон. Возможно, он и освободил нас тогда — Дуинхир замолчал, задумался и погряз в своих мыслях, подкидывая дрова в камин.— Маги, эльфы, загадочный лес — вздохнул Вернер. — Будто нам мало тварей с запада, да и своих тоже хватает. — Он продолжал жадно пожирать свою тарелку.Ужин впервые за столько времени был звонким, каждый что-то для себя узнал новое. Сэдрика не отпускала мысль об Орвине, о его успехе и мечте. Гаррет, похожий на какого-то лорда, думал даже за столом о политике и буре.Спустя несколько дней жизнь внутри Исвика изменилась. Всё больше приходило знамён издалека, был созван «совет всех», где были только лидеры своих земель. Гаррет тогда был взволнован очень сильно. Он вместе с Сэдриком и Дуинхиром пошёл на местное озеро — замерзшую речку с прорубью и лестницей, окружённую небольшим густым лесом. Никого, кроме них, не было. Гаррет не находил себе места, ходил туда-сюда.— Может, прекратишь маяться? Мы вышли прогуляться, а ты только и делаешь, что маячишь туда-сюда, — Сэдрик дёрнул Гаррета за плечо.— Да не могу я. Там серьёзный разговор будет, очень серьёзный, Сэд.Сэдрик сел над прорубом, на деревянный понтон.— Сядь рядом, успокойся.Гаррет сел рядом. Дуинхир стоял неподалёку, наблюдая за ребятами.— Сэд, — Гаррет обратился вполголоса, — и ты, Дуинхир, иди сюда. — Он обернулся к эльфу, и тот присел позади них на свои две.— Если сегодня всё пройдёт успешно, Север собирает знамёна. Война начнётся. Мы все выдвинемся к Кёримату, захватим его, и там будет опорный пункт. — Гаррет заглядывал за спину Дуинхира, говорил тихо. — Оттуда начнём войну. Каты будет следующим городом. Если подсчёты верны, то после Кат армия Империи будет в Раллане. В Катах мы будем обороняться.Шорох рядом в кустах заставил Гаррета осесть, он вскочил, чтобы проверить. — Успокойся, ветер, может, белка — Дуинхир привстал и положил руку на волнующегося Гаррета.— Ладно, короче, этот день очень серьёзный — сказал Гаррет прикусывая палец.Сэдрик не стал спрашивать его ни о чём. В последнее время он испытывал неприязнь в общении с ним. Только Вернер и Дуинхир понимали Сэдрика.Вечером Сэдрик и Дуинхир нашли Вернера, чтобы узнать, что тот знает. Тот поведал им практически то же, что и Гаррет, но не в таких подробностях. Их опасения подтвердились. Вернер пригласил их в таверну, где выступал один из певцов Севера. Это было на окраине Исвика. В этот день был Праздник Корней. Север покорен перед природой, чтит и уважает её желания. Считается, что Боги создали землю для людей, корни в земле — души Богов, каждый воин мечтает быть похоронен под деревом семьи. Они сажают деревья каждый раз, когда рождается мальчик.День, когда почитали падших воинов, отмечали с размахом. Вечером Исвик украшали, пели песни. Но Вернер повёл друзей в свою любимую таверну «Серый Бул». По дороге рассказал, что хозяин когда-то хотел назвать её «Серый Булыжник», но слово было слишком длинное, и ему не хватило денег на ковку букв, поэтому он сократил до «Бул».Окраина, в которую шёл Сэдрик, — здесь

вырос Вернер и все, кто был отправлен с континентального Севера для воспитания армии. Северу платили дань не только провизией, но и детьми. Дети не были рабами, они были оружием против своих же родителей и близких. Пошёл липкий дождь, пар клубился повсюду. Крики детей, которых качали незнакомые им женщины-кормилицы. Здесь не было праздника, лишь из таверны слышалась слабая мелодия. Войдя в таверну, Сэдрик был удивлён — удивлён её размерами, количеством столов. Всё было таким большим, а в середине стоял подиум, где мужчина с лютней пел на древнем северном языке. Все поднимали кружки, пошатываясь, как один, в разные стороны. Вечер в этой таверне для Сэдрика был по-настоящему ритуальным. Вернер рассказал, что тот поёт о Богах, что даруют жизнь, о силе, что дают мужчине, и любви для женщин. Было тихо, никто не орал, сильно пьяные мужчины вели себя смирно. В этот вечер Сэдрик сильно напился и излил душу Вернеру и Дуинхиру. Он рассказал им, что не чувствует ничего к Орвину и Гаррету, что иногда жалеет, что вообще выжил при Реше, и что не пошёл за Аугрид тогда, в Фьелле. — Сэдрик, ты очень пьян, — произнёс Вернер, икая. — Удар от клинка заживёт, рана затянется, лишь напоминая о том дне, но душевная рана не затянется, — Дуинхир приложил руку к сердцу Сэдрика. — Может, то и не любовь? — спросил он. — Я не знаю. Просто так тошно. Я чувствую, что чернеет всё внутри меня. Дуинхир внимательно смотрел в глаза Сэдрика, которые внезапно закрылись. — Я же сказал, что он слишком пьян. Нужно нести его домой. Я тоже пьяный, так что потащишь его ты, ушастый, — засмеялся Вернер. Утром в комнату Сэдрика ворвался Гаррет — без стука, едва не выбив дверь. — Вставай! Война! Они согласились! — закричал он. Сэдрик, с трудом разлепив глаза, спустил вчерашний эль в таз, стоявший наполовину полным рядом с кроватью. — Ты что, бухал вчера? — засмеялся Гаррет. — Не ори, балван башка трещит, — хрипло выдавил Сэдрик. — Война, Сэд! Мы идём на Север! Скоро рог, армия будет собираться, корабли поплывут к Исвику! — радостно проговорил Гаррет, подошёл к окну и отдернул шторы. — Закрой! Чему ты радуешься, идиот? — Сэдрик заслонился рукой от яркого света. — Мы освободим Эйлис и весь Север, ты что, тупой? — возмутился Гаррет. — А дальше что? — Сэдрик укрылся одеялом, оставив видимым лишь край лица. Гаррет взял со стола кружку с водой. — ВСТАЮ! Я ВСТАЮ! — выкрикнул Сэдрик, заметив кружку в его руке.

Глава 19

После общего объявления о войне весь Север был созван в Исвик. Корабли огибали остров, прибывая к порту для погрузки армии. Настроение людей было радостным — мечта о возвращении родных земель, забытых когда-то святых земель, грела каждого. Женщины бегали всюду, помогая мужчинам собираться в поход, старики пели невнятные песни, барабаны стучали повсюду. С утра проливал сильный дождь, но никого он не смутил — всё жило и билось. В роще Древа старейшины благословили поход. Сэдрик и весь отряд были там — их пригласили наблюдать за ритуалом. На коленях стояли Риг и Герда, за их спиной — четверо мужчин в полностью чёрных мантиях, видны лишь бороды. Они произносили что-то едва различимое. Риг и Герда сжимали руки друг друга. Старейшины взяли кубки, наполненные чьей-то кровью, и стали поливать их обоих. Голос мужчин усиливался, копья окружающих стучали ритмично, в такт голосам, дождь сливал кровь с лиц — они смотрели в пол, не разжимая рук. Шестеро мужчин, несущих факелы, встали позади Рига и Герды, разжигая большой костёр. Старейшины сняли с их голов костяные венцы и надели на них большие металлические шлемы без забрал, закрывающие лишь пол-лица, украшенные рунами по кругу. Риг и Герда подошли к горящему костру, чей огонь тонул в идущем на него дожде. Риг вытащил свой огромный двуручный меч, вознёс его одной рукой над собой. — Змей! Дыхание бездны! Хозяин холода и чешуи! Ты стережёшь наш берег, ты рушишь мечты врагов. Дай пройти по дому твоему — не ради наживы, ради жизни! Пусть твоя воля будет нам не стеной, а попутным ветром. Узри нас. Услышь нас. Мы идём! Мокрую бороду Рига поднимал лихой ветер. Было тихо, лишь он говорил, и дождь сражался с костром. У Большого Древа застучал в небольшой барабан мужчина в чёрной шкуре, с деревянным шлемом на голове, рога во все стороны торчали. С ним вышла женщина с тонким и мягким голосом, она запела мелодию, и все мужчины начали выть, как волки на луну. Так закончился ритуал — последний рубеж перед отправкой на Север. Воины грузились на корабли. Сэдрик не отходил от Вернера. Их судно было готово к отплытию, но долго не могли решить, пойдёт ли с ними эльф. Старейшины были против. Дуинхир же жаждал битвы — искусный боец должен быть на поле брани. Баэль вмешался в споры Вернера со старейшинами и позволил Дуинхиру присоединиться к отряду. В порту было шумно: запах железа, кожи и множества тел стоял в воздухе, трубили рога отходящих кораблей. Мари просталась с Баэлем и остальными. Гаррет и Баэль находились на командирском корабле, огромном, напоминающем таран. Вернер, Сэдрик и Дуинхир замыкали строй. Перед отплытием Вернер подарил Сэдрику лёгкую броню, чтобы легче было двигаться в бою, и лёгкий шлем, прикрывающий от боковых ударов. Уже стоя на палубе, Сэдрик крикнул Вернеру: — Гляди на мой клинок! — он вытащил новое оружие — недлинный меч из эльфийской стали, сверкающий и слепящий бликами, с узорами, понятными только Дуинхиру. Вернер одобрительно улыбнулся, кивая головой: — Надеюсь, ты насадишь на него парочку ашаверских выроdkов. И, кстати, у меня тоже новый клинок. — Вернер снял штаны и показал ему свой член. Настрой на корабле был весёлым с первых секунд. Паруса наполнились ветром. Путь предстоял долгий. Армия, какой Север ещё не собирал, грузилась на корабли и отплывала от Исвика. Море затмили паруса. Сэдрик отдалился от всех. Его руки уже умели обращаться с мечом, но в реальном бою он ещё не бывал. Сердце колотилось, а кишки скручивало от качки. Каждый был себе на уме: несмотря на радость и предвкушение сражений, взгляды мужчин оставались пустыми, страх наполнял сердца и души. Моряки шептались о Змее — никогда ещё он не пропускал столь большое количество кораблей. Но путь их был лёгким: ни шторма, ни чудовища. Вернер решил обойти приказ Баэля охранять орудия и ринулся обгонять его корабль. До Кёримата оставалось меньше полудня. Разъярённый Баэль кричал с капитанского моста на Вернера, а тот лишь оголил зад и вертел им. Все смеялись, пока не застучали колокола и не раздался крик: «Корабль

впереди!» Спереди шло небольшое судно, отправленное из Кёримата, чьи стены уже виднелись на горизонте, хотя казалось, что стены те пустые. Все приготовились к неизвестному. Вернер забрался на самый конец носа корабля, в полуприсяди пристально всматриваясь в то, что к ним идёт, и заметил на том корабле тела — очень много тел. Подплыв ближе, Вернер зацепил судно абордажным крюком, и корабли замерли, лишь слегка пошатываясь на волнах. Вернер увидел то, чего не хотелось бы видеть никому. Десятки мёртвых тел, изуродованных, разорванных на части собаками. А в самой куче стояла пика, и на ней — голова. Голова Эйлис украшала весь этот ужас. Вернер замер. Его руки тряслись, глаза впервые за многие годы были мокрыми не из-за дождя. Сэдрик выбежал на палубу к Вернеру и, увидев кошмар, не сдержал рвоту. Он понимал, что Баэль придёт в ужас, и скрылся в тени корабля, отводя свой взгляд на их судно. — Что там, Вернер? — крикнул Баэль с соседнего корабля. Ему не было видно, что творится на том судне. Вернер не ответил. Он перепрыгнул на корабль смерти, взобрался по груде трупов и снял голову Эйлис. Руки его тряслись, но сделал он это бережно, закрыв открытые глаза Эйлис уже навсегда. Тела вокруг были шпионами Севера — каждого, кого ещё можно было распознать, он знал в лицо. Вернер вернулся на свой корабль и лишь спустя несколько минут осмелился показать Баэлю голову. Но тот уже всё понял — он видел, что Вернер возвращается с чьей-то головой. Он чувствовал. Вернер положил голову в мешок и бросил Баэлю. По лицу его можно было прочесть, в каком он состоянии. Баэль смотрел на лицо дочери, выпирающее из сумки. Руки его сжимались, зубы скрипели, он смотрел в сторону города, губы его шевелились, будто проклятие произносит он, но никто не слышал его тихое бормотание. Баэль вёл армию, он командовал, и приказ его был передан на все корабли: никого и ничего не должно быть живым за стенами Кёримата. На подходе к городу с разных сторон подбивались корабли. Баэль выбрал самый тяжелый путь — путь через берег у стены. Порт осаждали корабли потяжелее, они должны были захватить порт и с него выгрузиться с орудиями, но планы поменялись. Баэль приказал штурмовать лестницами и, если понадобится, ломать стену руками, лишь бы не терять ни дня. У стен была глухая тишина, необычная тишина для осад: не виднелись лучники, не было чувства, что здесь сейчас будет кровопролитная и жестокая битва. К берегу первым прибился корабль Баэля. Он один тащил лестницу, совсем не замечая того, что их никто не встречает. Его вела лишь слепая ярость. Вернер тоже приказал выдвигаться, но он уже давно заметил, что стены пустые, боясь, что враг устраивает засаду. Несколько осадных отрядов прибилось к береговой стене помогать штурмовать. Лестницы поднимались, воздух наполнился криками и воем, но лишь с одной стороны. Ноги Сэдрика подводили его — он спотыкался, подшатываясь, трясущиеся руки с трудом удерживали щит над головой. Едва успевая за бегущими, Сэдрик то и дело поправлял свой шлем, который не успел закрепить на корабле. Дуинхир был впереди. Быстрый, высокий эльф выделялся среди всех и своим одеянием, и ловкостью — каждое его движение было как рисунок. Поднявшись по лестнице, Баэль закричал, ошарашенный: «Никого! Никого нет!» Сначала казалось, что это засада, что сейчас всё загорится. Но нет. Никого не было. Город был оставлен в спешке. Баэль был в ярости. Он крушил всё, что попадалось под руку, и никто не трогал его, никто бы не посмел. Даже Вернер стоял в стороне. Крик боли и ярости разносился на версту. Корабли сходили в порту и у стен. Город пал, но какой ценой. Лишь через час Баэль успокоился, опьянённый горем, и подпустил к себе только Вернера. Они долго о чём-то говорили, а потом в их диалог вступил эльф. Вся армия обосновалась в замке. Вернер уложил Баэля. Сэдрик и Дуинхир забрались на крышу одной из башен и смотрели на звёзды. — Что испытал, когда увидел её голову? — Дуинхир неловко прервал тишину. — Ты вообще не умеешь разговаривать с людьми, да? — возмутился Сэдрик. — А что такого? Просто интересно. У вас же было что-то, тут голова, ты — Так не спрашивают в лоб. Я позвал тебя сюда, чтобы просто отвлечься от ужаса, который нас ещё ждёт. — Сэдрик отвернулся. — Война. Меня учили убивать, потом я учил убивать. Интересно, встречу ли я кого-нибудь из своих учеников, — вздохнул эльф, закинув руки за голову. — А кого ты обу-

чал? — Сэдрик с интересом повернулся и присел рядом.— Да много кого. Не знаю, кто из них жив ещё. Ну вот вы имя Вальд обсуждали, если он рыжий был — это мой ученик, например. — Дуинхир напучил губы и стал перебирать звёзды взглядом.— Вальд? Твой ученик? Как это возможно? — удивлённо спросил Сэдрик.— Таких, как он, детьми совсем маленькими отправляли к нам в лес, чтобы мы их учили. А они потом служат Ашаверам. Лучшее для лучших, — усмехнулся эльф.Сэдрик был в недоумении. Значит, тот рыцарь — не просто рыцарь.— И сколько же ещё таких, кого вы обучали? — Он устало положил руку на голову.— Да много, Сэдри, я даже не смогу посчитать. Хорошие бойцы. Тяжело будет, если они все будут против нас.Они ещё долго лежали под открытым небом, и Дуинхир подарил новые знания Сэдрику о звёздах.Ночь была длинной. Риг и Герда всю ночь совещались с правителями, обсуждая план действий. Никто не подходил к ним близко — очевидно, что слишком много шпионов оказалось рядом, чьи паутины были гораздо крепче и длиннее, чем у Севера. Одни предлагали утром же отправиться в Каты, чтобы не давать время Империи подтянуть армию. Другие говорили, что лучше сидеть за стенами и обороняться. Споры длились всю ночь, но ни к чему не привели.Утро выдалось тяжёлым. Риг всё ещё продолжал собирать советы, однако Баэль, будучи командиром, отсутствовал — он не мог ни принимать решения, ни вести людей. Он был сломлен. Армия оказалась вынуждена осесть и просто ждать приказов. Время тянулось мучительно. Герда пыталась помочь Баэлю прийти в себя, но тщетно.Сэдрик и Дуинхир покинули город и отправились обратно на гору — на ту самую каменную ладонь, где когда-то был их первый привал. Им нужно было просто побыть подальше от суеты.

Глава 20

Путь к горам был небыстрым. Пропажу Сэдрика могли бы заметить лишь единицы, но вот пропажу высокого эльфа заметили бы все — и вряд ли выпустили бы из замка. Однако Сэдрик убедил Вернера отпустить их прогуляться, хоть тот и был крайне против такой затеи: враги могли быть где угодно. Но связь между Сэдриком и Вернером стала уже очень крепкой, почти дружеской. Снарядившись всем необходимым, они отправились в путь. Холод этого острова отличался от холода континента, но именно Кёримат и его окрестности были, пожалуй, самым холодным краем на всём континенте. Мороз добирался до костей: усни на десять минут — и уже не проснёшься. По дороге Сэдрик расспрашивал Дуинхира обо всём подряд, и тот охотно рассказывал, что знал. — Расскажи про Запад, — попросил Сэдрик, кутаясь в плащ. — Почему никто о нём не говорит? — Запад, — начал Дуинхир, глядя куда-то вдаль, за снежные вершины, — по сути, самое богатое королевство. Не только золотом и самоцветами, но и колоритом своих обитателей — среди людей там живёт множество разных существ. Их земли огорожены горами, как наш лес от Севера. У них нет выхода к морю, и чтобы добраться до них, нужно пройти через весь Север. Он помолчал, подбирая слова. — Когда я был молод, мне рассказывали о всадниках, летающих на гигантских летучих мышах — размером в половину замка. Армия у них сильная, народ специфический. Они словно завязли в похоти сражений, это лучшие воины, каких знал континент. Говорят, они всегда поддерживали централизацию, но при этом часто избегали масштабных столкновений. — Дуинхир вздохнул. — Впрочем, я знаю всё это лишь по рассказам. Я не так уж много знаю о нынешнем мире. Больше о том, который похоронили Ашаверы. — Он грустно умолк, глядя в снег. — Вообще, знаешь, у них одно из самых крупных государств. Оно заполнено жизнью, городами и замками. Многие им досталось от гномов: разные подземелья, артефакты, неизведанные тропы. Там живут авантюристы. — Ты говорил про магов. Кто они такие? — Маги — последствие находок гномов в недрах земли. Свет, когда-то похороненный там, разлился на этот мир заново, и люди стали рождаться с даром. — Эльф улыбнулся. — Так мне рассказывал отец, он любил эту тему. — Он говорил с лёгким смешком, потрясываясь от мороза. — Ашаверы, уже будучи на троне, сослали всех эльфов в леса. Маги помогали им в этом — под воздействием Покрова. Тогда первый обладатель дара заковал эльфов, а потом и самих магов, обеспечив своей династии тотальную власть. Но он очень быстро состарился и умер, будучи не таким уж и старым, скорее даже юным. Это позволяет строить теорию об их силе. Думаю, она их быстрее старит или просто убивает. Мы, эльфы, не стареем, не умираем, как люди. А Ашаверы — умирают, хотя они прямые потомки. Здесь есть какая-то тайна, но до неё не добраться. Возможно, маги могли бы рассказать об этом, но они заперты в Лунной Башне. Много раз Южане, лучшие моряки континента, пытались обуздать шторма вокруг неё в надежде найти там богатство и лишь погибали в кровавом море. Говорят, то море сплошь кишит чудовищными созданиями невероятных размеров. Но всё это легенды. Мифы. Как Люгины, например. — Они просто мерзкие создания, — Сэдрик положил руку на место, куда его ранили. — Хуже них я ничего не встречал. — Ох, поверь мне, хуже них ещё много что существует. Но я соглашусь с тобой: они очень мерзкие. Никто даже не знает, как они появились. У них даже язык свой есть, хотя разумными их не назовёшь. Но этот их гогот и визги похоже, они различают какие-то команды или слова — не знаю, да и не особо хочется изучать. — Неужели все гномы погибли? — промяв снег с хрустом под ногами, Сэдрик остановился. — Ну, на данный момент, думаю, да. Старейшины в Исвике говорили, что несколько гномов уцелели. Их выловили моряки, они ещё пожили какое-то время на Севере, но продолжить род уже не могли — болезни забрали их. Эльф часто смотрел в небо, на пролетающих мимо птиц, и к чему-то принохивался. Но Сэдрик запаха не чувствовал — мороз перебивал всё. — Кажется, мир ждёт угроза хуже, чем Ашаверы, —

произнёс вполголоса Дуинхир.— О чём это ты? — возмутился Сэдрик.— Я чувствую запах. Он несётся откуда-то очень далеко. Птицы бегут от него. Похоже на чуму. — Эльф замкнулся, ища ответы у себя в голове.— Я слышал о чуме. Говорят, она многие города и замки опустошила. Нас пугали в детстве этими историями: мол, руки надо мыть всегда и не жрать всё, что в рот уложить. — Почесав подбородок, он пошёл вперёд, обгоняя задумавшегося эльфа. — Всё-таки не нравится мне Север. На Юге тепло, запах моря повсюду, даже вдали от моря. А тут лишь тоска. Даже в Фелле было куда лучше, чем здесь. Дуинхир, а твоя семья? У тебя есть дети? Жена? — Сэдрик обернулся, не останавливаясь.— Нет, я слишком юн. Да и нам запрещено по желанию продолжать род. Тёмные эльфы дают каждой семье по ребёнку. Мне должно быть лет триста, чтобы разрешили завести своего. — Взгляд его потяжелел, голос стал суровым. Золотые волосы покрылись снегом, мороз усиливался. Они шли в гору, обсуждая грядущие битвы, прошедший путь. Эльф ещё многое рассказал о жизни в лесу, о своём народе и его тяжёлой участи. Внизу, в Кёрримате, Гаррет и Вернер навестили Баэля — тот утопал в собственном горе, молча глядя в стену. Бутылка в его руке была уже почти пуста. Они молча присоединились к нему. Сердце Гаррета было разбито: впервые он испытывал что-то, кроме желания потрахаться. Им овладела мечта о мести. Одежда, голос, повадки — всё в нём заметно стало северным. Теперь его почти не отличить от остальных. Кёрримат застелил снег. В покоях правителей веяло напряжением. Риг и Герда думали над следующим шагом. Идти в такую погоду было бы безумием — казалось, сама природа против них. В это время года таких снегопадов не случалось. Шпионов на острове чуяли за версту, но не в этот раз. Кто-то продал их — и этот кто-то был из своих. Иней на стенах, пробирающий до костей холод ощущались теперь иначе — это была не просто зима.— Гаррет, завтра я проснусь, пойду к Ригу и объявлю тебя своим сыном и наследником. Мари, возможно, беременна, но даже если родится сын, ты всё равно останешься наследником. — Баэль смотрел на Гаррета, и взгляд его был тяжёлым, но тёплым. — Ещё я хочу кое-что спросить тебя. Ты же знаешь, что твой друг стал рыцарем Ворон? Хотя они так не становятся рыцарями — значит, он уникален, как и вы все. — Он сделал глоток. — Когда ты встретишь его на поле битвы, дрогнет ли твоя рука? Услышанное осадило Гаррета. Он задумался, глядя в стол.— Нет. Любой, кто причинит боль моей семье, — я перемолю ему кости. Будь то Орвин или кто другой — я сверну шею этой грязной крысе, — резко ответил он, и в голосе его не было сомнений. Вернер наблюдал за разговором молча. Он не пил. Он просто смотрел, как мальчик — ещё недавно испуганный, потерянный — сломался, а из этих сломанных частей сложился мужчина. Строгий, жестокий и могучий, как сам Баэль. Баэль обнял Гаррета и прижал к себе.— Как жаль, что оно всё так вышло. Как бы я хотел, чтобы ты и — Я тоже хотел! Но — Гаррет запнулся, потом поднял кубок с элем. — Отец, мы отомстим! Мы вернём Север и выгоним этих чёрных тварей с нашей земли! Вернер смотрел на него, как змей. Взгляд был тяжёлым, но не пьяным.— Много ты болтать стал. Не кажется ли тебе? — внезапно произнёс он.— А что он болтает? Всё по делу сказано, — возразил Баэль.— Да ничего. Слишком много чести для юнца: на яйцах три волоска, а уже Север возвращать собрался. Ты в битве-то бывал? — Вернер глядел в глаза Гаррета, и тот заметно стушевался.— Бывал! Когда Реш защищал! И многое что видел, и убивал! — Гаррет ударил кулаком по столу.— Да? А мне вот Сэдрик другое рассказывал, — не успел договорить Вернер, как Гаррет перебил:— Кто?! Сэдрик? Да он в отключке был! Откуда ему вообще знать, что там было?! — Гаррет покраснел, голос его сорвался на нервный крик. Баэль переводил взгляд с одного на другого, не понимая, о чём они говорят.— Не думаю, что он бы придумывал или врал мне. Кажется, кто-то бросил своего защитника на верную смерть. Или не так было? — Вернер облокотился на стол.— Да пошёл ты! Ты и Сэдрик — вы как два ерги! — выкрикнул Гаррет, но не успел закончить. Вернер вскочил, швырнул кубок, что держал в руке, в сторону, и тот с грохотом покатился по полу.— Что ты сейчас сказал, сука? А ну-ка, повтори, — с грозным рыком, брызгая слюной, вылетело из Вернера. Баэль мгновенно вскочил и оттащил Гаррета за

спину.— Он сам не знает, что говорит. Вер, сядь и успокойся. Он перебрал, — Баэль указал пальцем на место, где только что сидел Вернер.— Перебрал?! Если бы тебя так назвали, ты бы сидел?! Я отрежу ему язык и в жопу вставлю — пусть лижет свой трусливый зад, который он поджал в Реше! — Вернер схватился за рукоять. Гаррет попытался возразить, но Баэль прикрыл его рукой.— Успокойтесь, Вернер. Ты отрежешь язык моему сыну? Он, может, и знает, что сказал, но не понимает, что это значит для нас! — Он повернулся к Гаррету. — Никогда не применяй это слово, если не готов сразиться насмерть с тем, кому его сказал. Для нас, северян, это непозволительно. Баэль усадил Гаррета за стол. Тот молча сел и больше не встречался взглядом с Вернером. Вернер ушёл, не дослушав Баэля. Гнев его был слишком велик, и он не хотел портить этот вечер ещё сильнее. В тёмной ночи Дуинхир и Сэдрик с факелами в руках взобрались на гору — на то самое место, где был их первый привал. Под каменной крышей, укрытые от ветра, они разожгли старый, слегка засыпанный снегом костёр и увеличили его вдвое. Мороз пробирал всё хуже, так что они приготовили взятое с собой мясо прямо на огне. Затем уселись на самом краю каменного выступа и глядели вниз, на Кёримат — светящийся так далеко, что казался крошечным островком тепла в бескрайнем море холода. Ночь, звёзды и далеко виднеющийся городок.— И всё таки , есть что то в Севере — Дунхир приминая хлеб с мясом , плечом толкнул слегка Сэдрика , тот лишь улыбнулся в половину.

Глава 21

Проведя ночь в горах, утром к ним неожиданно присоединился Вернер. Он был нагружен сумками, а Дуинхир спешно тушил костёр — он явно ждал его.

— Что происходит? — переглядываясь, спросил Сэдрик.

— Нужно уходить на Юг, — не глядя, ответил Вернер, бросив сумки и копаясь в них.

Сэдрик засмеялся:

— Чего? Какой Юг? Что за шутки?

Он нервно мял пальцы. Вернер остановился и перевёл на него холодный, уверенный взгляд:

— Здесь нам делать больше нечего. Севера больше нет. Точнее, скоро не станет. Собираемся на Юг.

Сэдрик понял — тот не шутит. Это читалось и на лице Дуинхира.

— Ты шёл один? — спросил эльф.

— Да. Я ушёл рано, никто меня не видел.

— Да что тут происходит?! — закричал Сэдрик.

Вернер вздохнул. Он знал, что придётся объяснять, хоть и не хотел этого сейчас.

— Империя уже здесь. Они ждут в Катах северян.

— Но как? Они не могут так быстро прийти! — не поверил Сэдрик.

— Их предупредили. Эйлис и остальные шпионы — тому свидетельство. — Его скулы сводило, губа невольно дёргалась.

— Но кто, Вернер? И почему мы должны бежать? Где Баэль, где Гаррет? Они придут?

Сэдрик глядел вниз, надеясь увидеть друзей. Тучи сгустились, утро было тёмным, словно ночь. Ветер выл, снег бил в лицо Сэдрику, выглядывающему из-за камней.

— Мы не можем бегать за политическими идеями людей. Наша судьба в другом, — крикнул Дуинхир.

— Вы что, спятили?! — возмутился Сэдрик, подходя к эльфу.

— Нет. Всё сложно, и мне тяжело объяснить всё сразу. Просто поверь — лучше будет уйти.

Сэдрик глядел на них, и его рука невольно потянулась к мечу. Он сам не понимал зачем, но пальцы легли на рукоять. Он осознавал — даже если сразится, шансов против них нет.

— Не глупи, — сказал Вернер. — Я не боюсь умереть, сражений у меня были тысячи. Меня не пугает Империя, никто в этой жизни не пугает. — Он встал, отряхнул снег и продолжил: — Я предал всех. Из-за меня погибла Эйлис, из-за меня Империя была предупреждена.

Сэдрик ужаснулся. Злость вспыхнула, но Вернер перебил его мысли:

— Не спеши. Я просил отдать Эйлис, писал сестре об условиях, но подозреваю, ни одного она не сдержала. Мои помыслы просты: я ненавижу Север. Меня отняли ребёнком, воспитывали как животное на убой. Мои руки в крови невинных. Я ненавижу всех, кто живёт там, и всех, кто живёт здесь. Я слепо шёл за Баэлем лишь из-за пророчества Эйлис. Она говорила мне, что умрёт после своего предназначения, а я не верил — и сам стал причиной её смерти. Со старейшинами мы с Дуинхиром поняли: Север обречён, пророчество только начинает исполняться. Мы должны идти на Юг. К Башне.

— Какой, на хер, Башне?! Ты же близок с Баэлем, ты ты

Сэдрик попятился. Сердце колотилось от боли, голова пошла кругом. Шаг за шагом он отступал, пока веки не сомкнулись сами собой. Он рухнул прямо на спуск, на тропинку, ударяясь головой о камни. Вернер и Дуинхир рванулись за ним следом, но не успевали за катящимся вниз Сэдриком.

Сэдрик открыл глаза в тёплом и знакомом месте — в замке Кёримата. Рядом на стуле сидел эльф, уснувший над раскрытой книгой. Сэдрик попытался привстать, но боль пронзила всё тело, ломила кости. Превозмогая её, он спустился к эльфу и тихо окликнул его. Тот вскочил и тут же подсел ближе.

— Не вставай, тебе нужно отдыхать. Ты сильно ушибся, — бережно укладывая Сэдрика обратно, проговорил он.

— Почему мы здесь? Где Вернер? — хрипло спросил Сэдрик.

— Мы здесь, потому что ты сильно ушибся. Тебе нужен был лекарь. — Эльф положил руку Сэдрику на ногу.

— А что с твоим лицом? Ты что, сражался? — Сэдрик заметил ссадины и неглубокий порез, уже наполовину затянувшийся.

— Ты спал две недели. Мы пошли в Каты, и нас разбили. Почти половина нашей армии осталась там, в земле. Мы отступили сюда. — Он горько сообщил Сэдрику печальные новости. — Вернер помог мне отнести тебя сюда, а потом ушёл. Он оставил письмо Баэлю — рассказал о своих помыслах и душевных травмах.

Сэдрик глядел на эльфа, не отрываясь. Две недели? — пронеслось в голове. Он не верил в происходящее, не мог подобрать слов.

— Я знаю, всё это звучит тяжело и странно. Мы должны были уйти на Юг. Нам нужна магия, Сэд. Я хочу освободить мой народ от вечного рабства, понимаешь? — Эльф потёр нос. — Мы должны освободить землю от многолетних проклятий.

Последние слова он произнёс почти шёпотом, поглядывая на дверь.

— Мы и есть проклятье этого мира, — тихо, себе под нос, произнёс Сэдрик.

— Ты стал мудрым. Говоришь не как сын кожевника. — Эльф улыбнулся.

— У меня хороший учитель. Что с Баэлем, Гарретом? Они живы? — Сэдрик вспомнил про друзей, снова вскочил и сел.

— Живы. Там были Ашаверы, я видел Ферира и Вальда — они сносили северян, как детей. К сожалению, я не смог добраться до Вальда. Я охранял Баэля, но в гуще сражения потерял его. Нашёл Гаррета и бился с ним бок о бок. Смелый и сильный мальчик. — Он кивнул, чуть улыбнувшись. — Ферир и Баэль сражались. Баэль потерпел поражение, но не погиб — его своим телом закрыла Герда, пытаясь защитить от Ферира. Погибла. Ферир срубил ей голову в прыжке, это видели все. Риг закричал и ринулся в бой, но Баэль приказал отступить, и Рига оттащили — яростного, с пеной у рта. Империя дала нам отступить.

— И что сейчас происходит за стенами?

— Мы залечиваем раны. Риг хочет собрать армию и пойти снова, но Баэль уговаривает его уплыть домой, как и остальные правители. Думаю, Рига больше никто не хочет слушать. — Эльф встал с кровати. — Отдыхай, Сэд. Я приду завтра или вечером. Тебе нужен покой — так лекари сказали. Я передам Гаррету и Баэлю, что ты очнулся.

— Стой. Ты не хочешь мне ничего рассказать? — Сэдрик потянулся рукой к эльфу.

— Нет, — сухо ответил тот и молча ушёл.

Сэдрик понимал: сейчас не место и не время для разговоров о том, что было на горе. Сердце всё ещё болело, но присутствие Вальда говорило об одном — где-то там, недалеко, есть ещё кое-кто. Та, кого он охраняет. Эта мысль согревала его, но и пугала. Их разбили, не оставив шанса на выживание. Стены Кёримата слабы, замок мал — едва ли получится удержать его. Уплывать на Север он не хотел. И он поймал себя на мысли, что, может быть, и правда стоило уйти с Вернером.

Через некоторое время пришли Баэль и Гаррет. Баэль едва ходил, Гаррет же, гордый, с надменным пафосом, передвигался вальяжно по комнате.

Они были рады видеть друг друга: обнялись, говорили о битве, о состоянии Сэдрика. Но Баэль был честен.

— Ты знал, скажи мне, Сэд? — тихо произнёс он. Гаррет уже всё знал, он замолк, остановился в ожидании.

— Знал что, Баэль? — улыбнулся Сэдрик.

— Про Вернера. Что он предал нас. Скажи мне, не лги, я пойму. — Он сидел рядом с Сэдриком, сжимая его руку так сильно, что слышен был хруст костей.

— Нет, о чём ты? — Сэдрик сделал удивлённое лицо, и в голосе его звучало искреннее непонимание.

— Значит, и правда не знал. — Баэль слегка ослабил хватку, голос его стал дружелюбнее. Он рассказал о предательстве и о письме, в котором Вернер заверил, что был один и никто не знает о его делах с Империей. Сэдрик был в шоке, делал вид, что слышит всё впервые, и не верил своим ушам.

— Но ради чего? Что преследовал он? — возмущённо, с наездом спросил Сэдрик.

— Мести. Может, земли просил. Сейчас он в пути к своему новому дому, с высоким замком. Да я и не знаю даже — каждый день об этом думаю: ради чего всё это. — Баэль перебирал версии.

— Да сыкло он! Из-за него твари! Надо было ещё тогда его прикончить! — Гаррет стукнул кулаком о каменную стену, слегка скорчив лицо от боли. — Мразь, башку его голыми руками сниму. Больно, сука — глядел он на свой кулак.

— Не о нём сейчас нужно думать, у нас много дел. Мы должны решить проблему с Ригом — кажется, он сошёл с ума. Его разум помутнён, он разговаривает невнятно, бредит о каком-то священном долге. Люди подавлены, враг слишком силён. — Баэль почесал бороду. — На поле боя были знакомые лица, Сэд. Гаррет сказал, что видел рыцаря, который посвятил вашего друга.

— Да, Вальд-мразь там был. Я всё надеялся Орвина встретить, но не видел его — наверное, портки стирал своему сиру, — засмеялся Гаррет.

Они ещё недолго обсуждали битву, потом покинули Сэдрика. Он же попытался встать с кровати — ноги не слушались, но боль становилась всё слабее, и он мог передвигаться, хоть и медленно. Пройдясь по замку, он решил найти эльфа.

Покои Сэдрика были недалеко от покоев Рига. Проходя мимо, он услышал хриплый, задыхающийся голос — попытку что-то вымолвить. Он заглянул в приоткрытую дверь и увидел, как Гаррет душил Рига чем-то металлическим, тонким, слегка входящим в плоть и пускавшим кровь. Рядом стоял Баэль. Глаза Рига были полны крови, язык вываливался наружу, и последнее, что он успел, — протянуть руку и указать пальцем на подглядывающего Сэдрика. Риг уже захлёбывался, его лицо налилось багровым, взгляд потухал. Баэль поднял голову, но не увидел никого у двери. Хромая, он доковылял до порога, однако за дверью уже никого не было. Дуинхир успел отдёрнуть Сэдрика и увести его на себе.

Глава 22

Земли Чёрного замка были велики. Несколько городов располагались в его владениях, и самый большой — прямо за стенами самой крепости. Огромные стены отделяли замок от города, но и сам город оставался неприступным, окружённый чёрным, зловещим камнем. Замок стоял на возвышенности, гордо возвышаясь над всеми остальными постройками. Его размеры впечатляли: огромные сторожевые башни, повсюду флаги с гербом Ашаверов — алое пламя в зубастой короне. Небольшой ров опоясывал стены, и в нём тихо текла река.

Затягивая ремни на себе, Орвин — пройдя сквозь густой лес и покинув Фелль — впервые в жизни увидел Чёрную крепость. Незадолго до этого он побывал в Клини, одном из небольших, по местным меркам, городов, что принадлежал Чёрному замку. Там он заметил, как сильно изменились краски: дома яркие, красивые, люди вежливые и улыбочивые. Правда, в голову закралась мысль: улыбки эти, возможно, предназначены лишь потому, что рядом с ним ехал рыцарь, чей вид пугал тысячи людей. На плечах у рыцаря красовался небольшой герб Ашаверов — и размер не имел значения. Сам силуэт короны действовал как меч у горла.

Орвин не терял времени. Он учился всему подряд: от крепкого хвата меча сира Вальда до искусства вышивания. Бережно ухаживал за бельём своего рыцаря. Постигал всё, что мог, на протяжении всего пути, который казался ему вечностью — он никогда не покидал дом дальше чем на сотню лиг.

Были и жалкие попытки заполучить хоть каплю внимания Аугрид. Но каждый раз его ждала неудача. Он замечал, как она менялась, как изменилась сразу после Фелля. И всё равно сердце трепетало при каждой их встрече. Он поклялся себе: будет оберегать её до конца жизни.

Вальд заметил, что Орвин часто отвлекается, когда рядом мелькает Аугрид. По своему темпераменту и долгу рыцари гастапильеров обязаны были бы поставить такого оруженосца на место. Но сердце Вальда отличалось от других. Он был иным. Он прошёл похожий путь.

Его не отняли от груди матери — он просто попался когда-то ребёнком, когда пытался обокрасть свиту короля Ульгана. Свита была богаче половины населения целого города, но её охраняли Вороны. Один из них поймал мальчика за руку и уже хотел отрубить её, но глаза Вальда покорили бездушного рыцаря. Вороны имеют право брать себе оруженосцев — так Вальд и попал на службу к тому, кто мог стать его палачом.

Со временем Вальд окреп и уже в юные годы стал в разы сильнее своего господина. Тогда перед ним встал выбор: стать гастапильером или умереть от руки учителя. Он выбрал первое и был посвящён в рыцари. А затем отправлен в лес Халлерос — что стало первым случаем в истории рыцарей Ашаверов.

Орвин был восхищён своим рыцарем. Он верил, что именно с ним заслужит уважение и славу, достойную Аугрид. Расспрашивая Вальда, он узнал: тот, по возвращении к службе после леса, спустя много лет, убил своего учителя за грязные слухи о новом короле Драуге. Вальд предан той жопе, что сидит на троне.

Аугрид после расставания с Сэдриком замкнулась ещё сильнее. Её это было уязвлено. Она — принцесса Чёрного замка, дочь короля всего континента, член сильнейшей династии — отвергнута простолюдином.

Перед отбытием из Фелля лорд Альфред решил к ней наведаться. Получил жёсткий отказ — с угрозами расправы над всей его семьёй, если его похотливый и мерзкий взгляд хоть ещё раз упадёт на неё.

Злоба сопровождала её весь путь. Размышления о Сэдрике, о его личном пути, переживания о нём и ненависть к себе — всё это постепенно перерастало в ненависть к нему и ко всем, кто не слушал её.

Она стала часто вспоминать слова дяди. Он всегда ставил Династию выше остальных. «Лишь Ашаверы важны», — так он говорил. Это было единственное, что могло улыбнуть дядю без особого труда. И Аугрид, думая об этих словах, иногда улыбалась.

Её грели лишь мысли о доме. Об отце. О тётушке Инге с её маленькими детьми. О дяде Ульваре — вечно недовольном каждым решением отца, но преданном члене дома.

Династия была слишком мала. Никогда ещё её численность не была такой маленькой. Король Драуг был ещё способен на детей, но подходящей партии не находилось. В отличие от его брата Ферира, для которого идеально подошла бы Аугрид — чьи дети смогли бы продолжить род с детьми Ульвара. Таковы были планы всей Династии.

Но Аугрид получила приятные известия. Хоть и лишь временно обнадёжившие её. Брат вернулся с учёбы — в честь знаменательной победы над Югом и возвращения Феанора мужчиной. Его могли бы женить на Аугрид, но из-за их особенности — они близнецы — Династия боялась смешивать такую кровь, считая, что они одно целое. Много лет прошло с тех пор, как их разлучили. Хоть они и общались изредка в письмах, она подзабыла его голос и улыбку.

Замок делился на несколько уровней. Верхний был самым сакральным — святым домом Ашаверов. Их ночные уголья. Уровнем ниже — государственный этаж. Там жили управленцы государства, господа и их дети. На первом же этаже — прислуга и остальные не самые важные гости столицы.

Там, на первом, Орвин должен был остановиться вместе со всей свитой.

Но рыцарь взял его с собой — в тронный зал.

Орвин потерял дар речи, едва переступил порог. Он не отводил взгляда от архитектуры: узоры, изгибы камня, огромные колонны в переплетениях сражающихся людей с драконами и Тотом. «Такое человек не мог построить», — подумал он.

Всё было иным. Запах в проходах. Одежда на прислуге — из хлопка, такого приятного, что хотелось прикоснуться. Хоть замок и был чернее тьмы, внутри всё оказалось иначе. Везде светло, отовсюду били лучи солнца, проникающие внутрь. Светлые гобелены, флаги других Династий.

Он заметил герб Альбертов — новый, дружественный Ашаверам. Рядом висели ещё несколько гербов южных лордов.

Вдали виднелся трон. На нём сидел невысокий, короткостриженный, ухоженный Король Драуг. Его глаза подтверждали это — их разный цвет. Волосы пепельные, чуть темнее, чем у Аугрид. Чистое, приятное лицо.

Рядом, по правую руку, стояли Ферир и сын Драуга Феанор. Они перешёптывались о чём-то.

Весь тронный зал замолчал, когда Аугрид шагнула вперёд во главе своей стражи.

Драуг вскочил с трона, чуть не уронив ту самую чёрную острую корону — украшающую весь дом своим гербом. Он спешно пошёл к дочери. Аугрид тоже не стояла — побежала к отцу. Они обнялись. Тронный зал зажил, тишина сошла, нервная атмосфера покинула зал.

— Никогда так больше не делай. Ты же знаешь, как ты дорога для меня, дочь, — тихо прошептал Драуг на ухо.

Вальд и Орвин подошли ближе к Аугрид.

Драуг протянул руку, указав пальцем на Вальда:

— А ты! — сжал кулак, направленный на рыцаря. — Ты! Как ты допустил, что она пошла на этот идиотский турнир к сраному предателю?

Зал притих после громкого обвинения.

— Ай ладно. Спасибо, что моя дочь цела.

Драуг повернулся к Орвину. Тот сразу припал на колени.

— А это кто? — указал пальцем на него.

— Это оруженосец Вальда, отец. Он спас меня и помог Вальду победить на турнире, — Аугрид взглянула на Орвина с улыбкой.

— Спас? Тебя? А где твой немой Карл, дочь? — Драуг смотрел на Аугрид.

— Он погиб на турнире. Но Вальд отомстил за него. — Лицо её побледнело, улыбка сошла на сухую.

В зале был не равнодушный к этим словам. Ульрик Строгий, личный страж Ферира, подошёл к своему господину, чтобы убедиться, что услышал правильно.

— Погиб, значит. Очень печально слышать это, дочь. Орвин спас тебя? Как же? — Драуг снова повернулся в сторону Орвина.

— Ну, там долгая ист— — не успела она договорить.

— Значит, будет рыцарем. Раз мою дочь спас.

Орвин дёрнул головой от услышанного, машинально хотел взглянуть на короля после его слов, но Вальд крепкой своей рукой ударил его по башке — не успевшую поднять свой взгляд.

Немного спустя после их разговора Феанор оставил дядю и спустился с тронного подиума. Не спеша прошёл по всему залу, подошёл к Аугрид.

— Привет, сестра. Ты стала такой взрослой и красивой, — улыбнулся он, глядя ей в глаза.

— Ты тоже красавчик, брат, — Аугрид прыгнула в объятия брата.

Феанор слегка приобнял её.

— Да ты ещё и сильная, сестра. Задушишь меня сейчас.

— Дети мои, я рад вам двоим. Но не хочу, чтобы глаза и уши грелись нами. Идите наверх. Вечером я хочу кое-что вам рассказать. Что-то очень важное, — проговорил вполголоса Драуг, указав после слов лёгким жестом руки.

Придворные побежали помогать с вещами Аугрид.

Весь день король занимался делами государства, принимая разных посланников и прошения. Орвин же отправился в казармы гастапильеров, где было всё необходимое.

Его представления о казармах были совсем другими. Он видел казармы в Реше — и это не то чтобы отличалось, это было абсолютно разными вещами. В казарме гастапильеров пахло не сальными обоссанными телами, а тёплым баннным запахом. Еду подносили по времени, закуски всегда были в лёгком доступе. Мягкие постели, книги и разные игры для развлечения.

К его удивлению, Вороны почти не проводили там времени — они занимались порядком в городе и там предпочитали жить. Поэтому к его счастью, он был там в небольшой компании. Лишь личная гвардия короля жила там, и то небольшая часть, чей караул сменялся каждые двенадцать часов.

Вальд покинул Орвина. Старшие Вороны жили в самой высокой башне, где Ферир управлял всей армией и гастапильерами в том числе.

Вечером за ужином, который приготовили лучшие повара, прислуги не было — все ухаживали за собой сами, разливая вино. В эту ночь за столом были лишь Ашаверы.

Вечер проходил уютно. Вкуснейшая еда. Дети Инги и Ульвара веселились и играли. Аугрид и Феанор без умолка делились историями, что постигли их за эти годы.

— Семья! — Драуг встал из-за стола и внезапно окликнул всех.

Все замолчали и оставили свои разговоры и еду — кроме детей, которые продолжали хулиганить и шуметь.

— Тихо, — Драуг направил рукой в сторону детей, и те словно застыли камнем. — Играйтесь, но не мешайте.

Дети как ни в чём не бывало сбавили тон и продолжили играть.

— Я хочу кое-что вам рассказать. То, чего никогда и никто не делал в нашей семье. Я раскрою все тайны нашей Династии. — Он сел за стол. — Я мог бы вам часами рассказывать о нашем роде — откуда и как, почему и кто. Но я скажу вам главное. Наша семья стала крошечной. Мой огонь гаснет, и сила ослабевает.

Его взгляд заострился на Феаноре.

— А в тебе слишком слабый огонь. Ты едва можешь ложку поднять. В мире существует зло пострашнее змеев и других мифов — даже я не в силах ему противостоять. Покров — дар редкий, и как его выводить, до сих пор не понятно. Лишь тем, кто обладает Покровом, я должен раскрывать эти тайны. Но, используя свои способности, моя жизнь заканчивается. Мы все потомки эльфов. Но получившие Покров... они бессмертны, пока не используют свою силу. И тут есть одно «но», — Драуг взял небольшую паузу, осмотрев всех, кто сидел за столом. — Недалеко от южных земель стоит Башня. Ну, вы знаете, которая охраняется вечными непобедимыми штормами. Так вот, это не стихийное бедствие, а их барьер. Барьер магов, что живут в этой Башне.

— Но это же бред, брат! — Ферир вскочил, перебив.

— Помолчи и не перебивай. Я держу их своим Покровом с того момента, как научился полностью контролировать свою силу. Но кажется, в какой-то момент появилась дыра в моём барьере. Я почувствовал магию на нашем континенте — и сейчас чувствую то, что не могу объяснить. Маги — это совершенное зло. Они убьют нас, уничтожат мир, что мы строили и оберегали. Отравленный своим чванством Север верит в свои idiotские пророчества. Если бы я не был так слаб, я бы поставил весь их народ на колени.

Он замолчал, злобно сжав кулак.

— Я сделаю это вместо тебя, мой брат, — вставил Ферир.

— Ты будешь не один, — Ульвар ударил по столу.

— Мы должны остановить мятежников с Севера. Мы должны не дать нашему роду закончиться вот так, — Драуг достал камень, в котором горел алый огонь. — Этот огонь считается, что сам Алый Бог озарил эту гору, подарив дар этому миру. На самом деле этот огонь — моя жизнь. И когда он потухнет, я умру. Но потом загорится новый, — он посмотрел на Феанора. — Это всего лишь безделушка, которой смогли управлять без Покрова, а люди, как бараны, повиновались. Я не знаю, что всё это значит. И до меня никто не знает. Может, ответы и есть, но они разбросаны по всему миру. Власть шаткая. Хоть Юг и пал, западные земли уже давно не преданы нам. Север бунтует. А Стрём — идиот.

— Отец, если маги — угроза, почему бы нам их не убить? — Феанор, разглядывая свои пальцы, проговорил.

— К ним не подойти. Да и сила их куда мощнее всего, что сейчас у нас есть. Нужно решить те угрозы, которые мы можем сейчас. Я боюсь за нашу Династию. Ферир и Аугрид, в скором времени вы женитесь и будете стабильно делать детей. Феанор, я предложил Западу скрепить союз наших земель узами брака. Впервые в истории Ашаверы выйдут из дома. Ты женишься на их принцессе.

Все за столом разом стали в один голос что-то говорить. Шум и неразбериха. Глаза Аугрид заполнились слезами.

— ТИХО! Отец говорит, — выкрикнул Феанор. — Если того велит король — тому быть. И хватит устраивать бардак. Ульвар, особенно ты. Тебе лишь бы поспорить — ничего не меняется тут.

— Спасибо, Феанор. Страх — наш союзник. Не начинайте с ним войну. Путь наш будет тяжёлым, но мы справимся.

Ужин длился ещё какое-то время. Все практически ели в тишине — лишь дети игрались и отвлекали взрослых от раздумий.

Аугрид была шокирована.

Ферир чувствовал холод, веющий из уст Драуга.

Глава 23

Проблемы Династии Ашаверов были очевидны. Многие большие лорды понимали, что за чёрными стенами уже не так много членов Династии. Шептались и строили козни. Вдали от замка разгорались восстания. Многие фракции стали поддерживать павший Юг, веря в его возрождение. Север задал новый вектор для всего континента: сопротивление не бесполезно. Это рождало новые имена в мире политики.

Один из таких — Олаф Мятежник.

Он не был лордом, землевладельцем — просто голос народа с Запада. Жил Олаф на границе с Севером, в маленькой деревне, откуда его украли вольные народы Запада.

Вольный народ жил в горах, окружающих Запад. Они знали гномьи лазы и всю жизнь пробирались сквозь них. Выгнали оттуда люгинов и других тварей, и теперь не сильно досаждали правителю Запада — лишь изредка на них жаловались лорды и горожане других городов.

Олаф был юнцом, когда его отбили у вольного отряда и выбросили в столицу Запада — Ашевель. Спустя годы воровства и разного рода хулиганства он достиг определённого авторитета и веса в городе. Его голос стал чего-то стоить — его слышали даже у замка.

Годы шли. Запад всё сильнее отдалялся от общих сводов и правил Империи. Сражаясь с внутренними монстрами, не позволяя им покинуть свои земли, укрепляя личную армию, они перестали отвечать на письма Империи с призывом.

У них было на это право.

В отличие от остальных, их расположение — не самое удобное для переброски армии. А их святой долг — не пропускать нечесть из своих земель. Это делало их независимым государством. Но в любом случае они обязаны повиноваться при первом зове.

Каждый понимал: правитель Запада, герцог Густав, имеет своё мнение на этот счёт. И Покров не пугает его — пока он так далеко скрыт от Чёрного замка.

Армия Запада всё ещё остаётся самой сильной. Не самой многочисленной — но воины её сильны и храбры лучше любого с континента.

Так, спустя время, Олаф встретился с Густавом — в скромных условиях, без пафоса и эпопей.

Густав поддержал мысли Олафа, но не согласился с его радикализмом. Он опасался обречь Запад на долгую осаду со стороны Империи. Север близко, и он не маленький. Собрав силы, север континента тоже является угрозой. Поэтому Густав, хоть и поддержал Олафа, лишь позволил ему говорить громче.

Олафу этого хватило. Он не выходил за пределы родного края, но смог создать влиятельную армию, собрав вокруг себя хороших интриганов, мошенников и политиков. Те в свою очередь распускали свои нити по всему континенту.

Короля Драуга было не сложно обмануть. Он был умён и силен, но разум с годами подшатался. Используя Покров, дух и разум стареют слишком быстро — хоть внешне он и оставался молод, внутри огонь погасал.

Вокруг него были те, кто поддерживал, и те, кто скрывал правду — в надежде, что деспот будет свергнут.

Но его преданные вассалы со временем узнали об Олафе и других, не менее важных фигурах. Доложили королю.

Король не стал принимать это как нечто, достойное его внимания. Его убеждали, что это серьёзно, но Драуга волновал только Юг. Даже Север был для него лишь небольшой занозой — иногда грабящей континент.

В некогда уже забываемом мире было спокойно и мирно. Несмотря на небольшие войны где-то на окраинах континента, чтислись законы, рыцарство и верность своей Династии и дому. Кажется, даже солнце светило ярче. Но с приходом Драуга и многих других Ашаверов мир каждый раз трескался, разлагаясь на маленькие мозаики. Жизнь перестала быть чем-то ценным.

Запад всегда был сплочённым народом, одним целым. Хоть в нём и было очень много изъянов, много рабства и безнаказанных преступлений, люди оставались свободными. Не каждый раб хотел бежать, не каждый преступник скрывался. Олаф знал, на что давить. Его популярность была очевидна. Герцога это не смущало — он был горд, что его люди имеют право выбора и голоса.

За несколько лет до того, как Феанор вернулся из леса, в один из дней к герцогу прибыл Ферир лично, в сопровождении всего трёх своих личных Воронов. Среди них, как всегда, был Ульрик Строгий.

Ферир не ждал церемоний — ему нужен был только диалог наедине. Чего он быстро добился от Густава.

Они встретились в летнем саду. Пахло столькими разновидностями цветов, местными духами. Красивый жёлтый сад, ему не было конца. Прогуливаясь, герцог рассказывал о его высадке ещё много сотен лет назад. По саду бегали девушки — на вид совсем юные. Их шали были абсолютно прозрачными, позволяющими разглядеть всю женскую красоту.

— Господин Ферир, кажется, вас не интересуют женщины? — с ухмылкой на лице, глядя в глаза, выронил Густав.

Ферир отвёл взгляд.

— С чего вы решили, Густав? — возмутился он, но не сразу.

— Нет ни одного мужчины, кто в этом саду не оборачивался. Даже ваши Вороны поглядывают по сторонам, — слегка посмеялся он, переглянувшись с Воронами.

— Они следят за безопасностью, милорд. Никак не из-за интереса к женщинам, — угрюмо глянув на Густава, Ферир заметил, что его улыбка не сходила с лица.

— Ну да, да, конечно, господин Ферир. Поэтому они всю дорогу поправляют штаны. — Смех был звонким.

— Вы такого маленького роста, поэтому заметили, что происходит в их штанах? — Ферир был на три головы выше Густава. Глядел на него свысока.

— Знаешь, Ферир, меня всегда обзывали мелким, гадким. Да и зубы у меня не идеальные, как у тебя, и нос большой. Но я — правитель. А ты тут — посланник. — Густав шлёпнул по заднице Ферира и отпил из кубка вина, посмеявшись.

Ферир опешил. Застыл на несколько секунд, отпустив Густава на несколько шагов вперёд. Густав обернулся к нему:

— Не нужно стесняться, Ферир. Мы для тебя мальчиков найдём. Не оскорбляйся своей природой. — Он поднял кубок перед собой.

Они дошли до беседки, где присели вдвоём. Лишь молодая, миловидная девушка разливала им вино. Бело-жёлтые волосы, голубые глаза и небольшой рост.

— Эта девушка так похожа на вас, Густав, — сказал Ферир, попивая вино.

— Конечно. Если бы не была похожа — отдал бы в рабство, — засмеялся во весь голос Густав. Девушка тоже обронила лёгкий смешок. — Это моя дочь. Жаль, конечно, что вам неинтересны женщины. Хорошая бы была пара, как считаешь? — Его брови подпрыгивали.

— Вы же знаете, наша Династия не скрещивается с другими. Таков закон. Девушка прекрасна. Думаю, её можно было бы выдать замуж за Альфреда Ханссена. Как вам идея? — Левая сторона рта Ферира сдвинулась в усмешке.

— Не будьте таким змеем, господин. Я бы развязал войну со всем миром, если бы эта мерзкая тварь хоть пальцем прикоснулась к моей дочери.

— Тогда вы делаете мне комплимент, Густав. — Ферир стукнул своим кубком об его.

— Не тебе, мальчик. А твоей фамилии. Ты тоже мне неприятен. Но союз наших Династий стал бы самым громким в мире. Не думаешь? — Густав тяжело вздохнул, откинулся в кресле, вытянул ноги и глядел вдаль, к озеру.

Ферир не стал отвечать. Попивал вкуснейшее вино — какого ещё не пробовал.

— Я здесь из-за слухов. Говорят, вы поддерживаете мятежников. Это правда?

— Будь оно так, ты правда думаешь, что мы сидели бы и пили тут вино? Ты и твои brave воронята висели бы у ворот замка. Да, я разрешаю им говорить в моих землях. Но я их не поддерживаю. — Густав вскочил с места, держа в руке кубок. — Хотя, наверное, стоило бы задуматься. Правильную ли сторону я поддерживаю, учитывая, что ты тут сидишь как король и всем своим взглядом снимаешь с меня шкуру.

Он дёрнул рукой, пролив вино на стол и на пол.

Ферир был холоден. Спокоен. Он не дёрнул и бровью, смотрел на Густава.

— Я не хотел оскорбить вас. Мой долг — исполнить указания Короля. Я не люблю пышных встреч и излишних фраз. Я тут, чтобы знать истину. И только.

— Ты прошёл такой большой путь, чтобы спросить? Увидеть? Или услышать? А если бы я поддерживал — ты бы меня убил прямо тут? Я смотрю, как ты часто трогаешь нож на столе. Думаешь, я идиот? — Густав сел за стол, убрав кубок в сторону.

— Я здесь, чтобы увидеть и понять, где правда, а где ложь. Вы наш друг или враг. Вот и всё, что от меня тут требуется. — Ферир откинул нож далеко в сторону и откинулся назад.

— Я от клятв не отказываюсь. Но причин повиноваться у меня тоже нет. Я не повинуюсь. Я могу быть союзником и братом — пусть даже младшим. Я хочу связь. Я хочу брак. Моя дочь прекрасна.

Ферир перебил:

— У вас много дочерей. И каждая из них прекраснее всего этого сада, милорд.

— Благодарю за правду. Единственное, пожалуй, с чем я соглашусь. Раз ты хочешь говорить коротко и по делу, мой друг, передай своему брату: наши Династии свяжутся узами брака. И я хочу внуков как можно скорее. Вот так, милый мой. — Густав жадно схватил кубок и выпил его полностью.

Их встреча закончилась.

Ферир задержался на неделю, как и советовал Густав. Отправив сразу же голубя Другу.

Шли годы, и дети цвели. Феанор ещё не знал о решении отца и о том, что его ждёт. А Меридит готовилась стать принцессой.

После ужина Аугрид, расстроенная, была в своей спальне — недалеко от Феанора. Тот услышал, как сестра плачет, и решил навестить её.

Дверь была заперта, но замок не менялся уже много лет, и он знал, как с лёгкостью его открыть. Вошёл без стука.

Увидел, как сестра стоит спиной к нему, практически раздетая — лишь в нижнем белье.

Она испугалась, обернулась к брату:

— Что ты тут делаешь? — пытаюсь слегка прикрыться, отвернулась.

Феанор молча закрыл дверь и подошёл к сестре.

— Феанор, я тебя спрашиваю, что ты тут...

Она не успела договорить.

Он схватил её за волосы. Она лишь слегка пискнула. Феанор толкнул её к шкафу, оттянул волосы на себя, а другой рукой прижал её поясицу так сильно, что она упёрлась в шкаф.

— Отпусти. Что ты делаешь?

Он приблизился к ней всем телом. Она чувствовала его возбуждение — как он тёрся об неё. Он дышал ей в шею, нюхал её всю.

— Я же сказал, сестра. Ты так красива, — тихо прошептал на ухо Аугрид.

— Прекрати. Прошу тебя. Что ты делаешь? — Аугрид пыталась вырваться, но Феанор был сильным — лишь сильнее натягивал её волосы на себя.

— Ты будешь моей. А эту шлюху с Запада я задушю через год-другой.

Он облизывал её шею.

Аугрид ничего не оставалось, как закричать. И хоть ей удалось это сделать недолго — потому что Феанор сразу же закрыл ей рот рукой, — крик разнёсся по коридору.

Он спешно доставал свой член из штанов. Впервые это делал, не зная, куда его пристроить, пытаясь хоть куда-нибудь попасть по вечно ёрзающей Аугрид.

Дверь выбил Ферир, держащий клинок в руке — решивший, что кто-то пробрался в покои Ашаверов. Через несколько секунд прибежал и рыцарь Вальд, охранявший покои в эту ночь.

— Что ты делаешь, Феанор? — Ферир опустил клинок и закрыл дверь за собой, перед лицом рыцаря.

— А на что это похоже, дядя? — улыбался Феанор.

— Это похоже на то, что ты пытаешься изнасиловать свою сестру. Хотя через несколько недель у тебя будет жена. — Он поднял клинок и лезвием приподнял его член. — Судя по всему, ты даже им ещё управлять не умеешь.

Аугрид убежала в кровать, укрывшись всем, что там лежало.

— Ну, я же должен научиться, дядя. А тут рядом сестра. Разве это не нормально в нашей семье? — Феанор скрестил руки, продолжая стоять и смотреть на Ферира.

Ферир убрал клинок, посмотрел на Аугрид своим холодным взглядом.

— Знаешь, может, ты отчасти прав. Но твоя сестра — моя жена. Если хочешь мяса — я отведу тебя.

Феанор улыбнулся и кивнул. Переглянулся с Аугрид, улыбнулся ей и ушёл с Фериром.

Рыцарь Вальд провожал молодого принца презренным взглядом.

Аугрид позвала Вальда зайти. Тот незамедлительно вошёл в её покои.

Аугрид облокотилась головой о стену, закрываясь до сих пор одеялом. Её глаза проливались тяжёлыми слезами.

— Госпожа? — тихо спросил Вальд.

— Я хочу сбежать, Вальд. Или умереть. Если я попрошу тебя убить — ты убьёшь ради меня? — Аугрид глядела на рыцаря с холодным взглядом, но говорила с синими трясущимися губами.

— Кого убить, госпожа?

— Меня. Феанора. Короля. Кого я скажу! — закричала она.

— Моя госпожа, я...

— Я хочу сбежать. Но не знаю куда. — Она повернула взгляд к окну. — Может, туда.

— Вы думаете, это выход? Боритесь. Вы сильнее, чем думаете. Это лишь очередное испытание. Я буду ближе, чтобы такого не произошло впредь. — Он замолчал на пару секунд. — И... если понадобится, я убью любого, кто причинит вам боль.

Он опустил голову, встал на одно колено.

— Я клянусь вашей Династии оберегать вас, госпожа. Клянусь и лично вам.

— Встань. Мне уже лучше. Лучше подумай, куда нам бежать отсюда. — Аугрид улыбнулась.